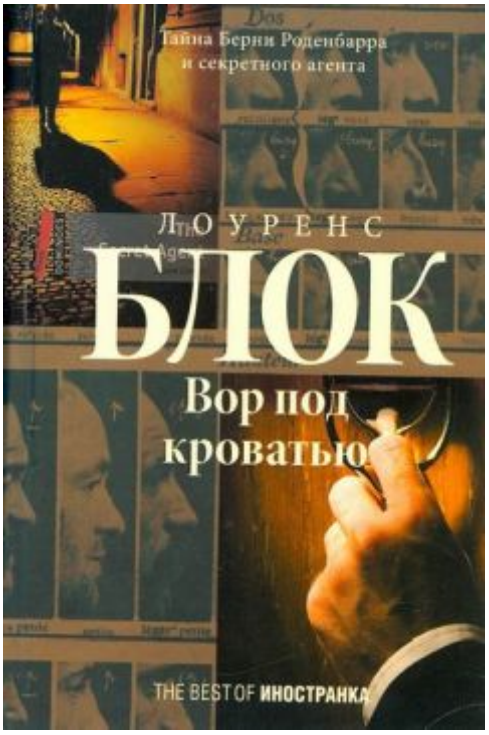

"Лоуренс Блок - Вор под кроватью"

Читайте больше БЕСПЛАТНОЙ литературы
в онлайн-библиотеке
Topreading.ru

Лоуренс Блок

Вор под кроватью

Тайны Берни Роденбарра

Примечание автора

С огромным удовольствием говорю слова благодарности приютившему меня «Номеру писателей» в Гринвич-Виллидж, где была проведена предварительная работа для создания этого романа, а также гостеприимному дому «Рэгдейл»[1] в Лейк-Форест, штат Иллинойс, который давно уже облюбовали многие представители творческих профессий и где была написана эта книга. Хорошо, что писатели могут писать где угодно. Если, конечно, могут. Я могу писать лишь в этих двух благословенных местах и всегда буду испытывать к ним чувство глубокой признательности.

Глава 1

— Этот человек, — с ненавистью выдохнул Мартин Джилмартин, — полный… нет, он абсолютный… в общем, законченный… — Марти покачал головой. — У меня просто нет слов!..

— Да, друг мой, со словами у тебя действительно неважно, — согласился я. — По крайней мере, с существительными. С прилагательными ты ещё кое-как справляешься, но что касается существительных…

— Ну так помоги мне, Бернард, — с мольбой в голосе произнёс Марти. — Кто лучше тебя сможет подобрать нужное определение, *le mot juste*? И в конце концов, это твоя работа.

— Неужели?

— А то нет! Ты же торгуешь книгами, а что такое книга? Набор слов. Ну да, конечно, в ней есть ещё бумага, ткань обложки и коленкор, пущенный на переплёт, но, если бы дело было только в этом, стали бы мы покупать больше одной книги? Разумеется, нет, согласен? Так что прикол именно в словах, в тех шестидесяти, восьмидесяти или ста тысячах слов, что составляют её содержание.

— Увы, случается по двести, а то и по триста тысяч слов, — вздохнул я.

Недавно я закончил чтение романа Джорджа Гиссинга «Новая Граб-стрит» и теперь размышлял об описанных в нём не самых знаменитых викторианских литераторах, которые в начале прошлого века под нажимом своих издателей кропали бесконечные романы с продолжениями. Этакие сериалы в прозе: три тома, если не больше, — видимо, читателям в то время было совершенно нечем себя занять.

— Нет, так много мне не надо, — сказал Марти. — Всего одно слово, Берни, но меткое, такое, чтоб выявило всю отвратительную сущность этого человека. Подвело черту под бездной его падения. — Он обвёл глазами комнату и понизил голос: — Нет! Пусть оно заклеймит мерзавца Крэндела Раундтри Мейпса позором на веки вечные, пусть пригвоздит его к позорному столбу!

— Навозный жук, — предложил я.

— Слишком слабо.

— Ну, тогда червяк? Крыса? — Марти так отчаянно мотал головой, что я решил оставить животный мир в покое. — Негодяй?

— Чуть ближе, Берни, но всё равно недостаточно сильно. Конечно, он негодяй, но не простой, а по крайней мере в кубе.

— Мерзавец?

— Лучше, но…

Я нахмурился, пытаясь представить себе страницу словаря синонимов. *Негодяй, мерзавец…*

— Ну, тогда, может, «подонок» будет в самый раз?

— Что ж, если больше ничего не приходит тебе в голову, — огорчённо сказал Марти, — придётся остановиться на этом. В принципе «подонок» — довольно удачное определение. От него веет гнилью, гнилью веков, и это хорошо. Ведь подлость стара как мир, времена меняются, а людские пороки остаются прежними. Что касается прогнившего насквозь ублюдка Крэндела, так от него за версту разит тухлятиной! — Марти поднял бокал и деликатно вдохнул тонкими ноздрями запах выдержанного бренди. — Н-да, видимо, подонок — наилучшее определение для протухшего говноеда по имени Крэндел Раундтри Мейпс.

Я начал что-то говорить, но вдруг Марти поднял руку, поражённый. Глаза его округлились.

— Берни, — прошептал он, — ты слышал, что я только что сказал?

— Ну да, говноед.

— Вот! Именно это слово я и искал! Оно в точности передаёт характер ублюдка Мейпса.

Интересно, откуда оно взялось? Нет, этимология мне понятна, я имею в виду, откуда это слово всплыло в моей голове? Оно же нынче не в ходу!

— Ну ты-то только что употребил его!

— Точно, хотя не помню, чтобы когда-либо раньше его слышал. Чудеса! — Лицо Марти расплылось в довольной ухмылке. — Не иначе как на меня сошло божественное вдохновение. — Он с удовлетворением откинулся на спинку кресла и наградил себя ещё одним глотком благородного напитка.

Я тоже, хоть, может быть, и незаслуженно, отхлебнул бренди из своего бокала. Оно наполнило рот жидким золотом, мёдом пролилось в горло и согрело каждую клеточку моего тела, переполняя при этом душу чистым восторгом.

Мне не надо было садиться за руль, не надо было работать за станком, поэтому я пробормотал: «Какого чёрта!» — и отпил ещё глоток восхитительного «огненного вина».

Topreading.ru

Мы ужинали в «Притворщиках», закрытом частном клубе в «Грамерси-парк», на сто процентов таком же благородном, как бренди, что искрился в наших бокалах. В клуб принимали актёров, писателей и всех, кто так или иначе был связан с искусством. Марти Джилмартин, к примеру, попал туда через дверь, именуемую «меценат». — Нам катастрофически не хватает членов, — поделился он со мной как-то раз, — так что основным критерием для приёма нынче является лишь наличие пульса и чековой книжки, хотя по виду иных господ у них нет ни того ни другого. Может, ты согласишься войти в наш клуб, а, Берни? Ты когда-нибудь видел «Кошек»? Если мюзикл тебе понравился, попадёшь в категорию «театральный меценат». Ну а если нет, то «критик».

Я тогда решил не подавать заявления, поскольку не знал, принимают ли в клуб лиц с криминальным прошлым. Однако, когда Марти приглашал меня отужинать в клубе, я всегда соглашался с большой охотой. Еда была приличная, выпивка — первосортная, а обслуживание — выше всяких похвал. И хотя по дороге я проходил дюжину ресторанов, где кормили не хуже, а даже лучше, чем в «Притворщиках», им не хватало самого главного: зачарованного духа средневекового замка, смеси истории и традиций, которая пропитывала атмосферу «Притворщиков». И конечно же компании моего друга Марти — его-то я был рад видеть в любой обстановке.

Мой друг Марти — джентльмен, так сказать, «в возрасте», но выглядит он как мечта молодых оболтусов, что запоем читают «Эсквайр»: высокий, юношески стройный, с ровным загаром на обветренном, благородном лице и шапкой густых волос цвета старого серебра. Он всегда чисто выбрит, ухожен и напомажен, его лицо украшают аккуратно подстриженные усы, он одевается элегантно, но неброско. У него достаточно средств, чтобы безбедно провести старость, не ударяя при этом палец о палец, но он всё равно занимается поисками перспективных инвестиций и не упускает возможности поучаствовать в авантюрах, когда таковые встречаются на его жизненном пути.

Марти, само собой разумеется, покровительствует театру. Каким образом? Ну, он посещает массу театральных постановок, как на Бродвее, так и в его окрестностях, и время от времени вкладывает пару сот баксов в модную пьеску. Но если откровенно, то на самом деле Марти больше привлекают молоденькие актрисы-инженю, в которых он ищет (и иногда даже находит) зачатки самых разнообразных талантов. Марти оплачивает их расходы и по возможности пристраивает к делу, а девицы за это оттачивают на нём свои таланты.

Какие таланты, спросите вы? Марти многое мог бы вам рассказать, да только он не из таких. У него рот всегда на замке. Этот человек — воплощённая осторожность.

Надо заметить, что познакомились мы при обстоятельствах, не слишком располагающих к дружбе: Марти собрал внушительную коллекцию бейсбольных карточек, а я их украл.

Конечно, на самом деле всё несколько сложнее: я и понятия не имел про его коллекцию, знал только, что они с женой собираются в театр в определённый вечер, и планировал заглянуть на огонёк, когда дома никого не будет. В итоге карточки исчезли, Марти (у него вечно проблемы с наличкой) заявил в полицию о пропаже коллекции и получил страховку. Впоследствии я продал карточки за круглую сумму (повторяю, всё в этой истории очень сложно и запутанно) — такую круглую, кстати, что смог выкупить целое здание, в котором нынче размещается мой книжный магазин. Это само по себе замечательно, но ещё приятнее то, что мы с Марти подружились и теперь время от времени вместе проворачиваем кое-какие делишки.[2]

Как раз в связи с такими делишками Марти и пригласил меня в ресторан. Наверное, вы не удивитесь, что жертвой нашего преступного сговора в этот раз оказался уже упоминавшийся

выше Крэндел Раундтри Мейпс, теперь известный под именем Говноед.

— Проклятый Говноед! — с чувством воскликнул Марти. — И ежу ясно, что ему с самого начала было наплевать на девушку! Начхать с высокой колокольни, понимаешь, Берни?! У него не было ни малейшего намерения ни развивать её таланты, ни способствовать её карьере. Всё, что его волновало, — постель, постель и ещё раз постель. И что же? Он соблазнил мою бедняжку, сбил с пути истинного, запудрил мозги, — этот навозный жук, червяк, негодяй, мерзавец, подонок…

— Говноед? — подсказал я.

— Именно! Представь себе, Берни, он же ей в отцы годится!

— Он что, твоего возраста, Марти?

— Ну, может быть, на пару лет моложе…

— Вот ублюдок.

— А я говорил тебе, что он к тому же ещё и женат?

— Да он просто свинья!

Марти, к слову, счастливо живёт со своей женой уже много лет, но я решил не упоминать этот факт именно сейчас.

К тому времени я уже понял, куда клонит мой друг, поэтому откинулся на спинку стула и позволил ему пересказать мне во всех подробностях историю о содеянном Мейпсом отвратительном преступлении. Через какое-то время наши бокалы опустели, и официант, пожилой херувим с роскошными чёрными кудрями и небольшим пивным брюшком, незаметно забрал их со стола и заменил полными. Толпа посетителей редела, но Марти всё с тем же энтузиазмом продолжал вещать про свою Марисоль («Какое красивое имя, правда, Берни? По-испански оно означает „море и солнце“, *mar y sol*!.. Её мать — пуэрториканка, а отец — из какой-то прибалтийской страны со смешным названием, как там… Море и солнце… в этом она вся, моя девочка!»). По словам Марти выходило, что его Марисоль была необыкновенно талантлива, а также безумно красива «и к тому же невинна как дитя». «Глянула на меня своими глазищами, — уверял он, — так сердце прямо зашлось!» Он увидел её в показательном спектакле «Три сестры» по пьесе Чехова. Спектакль, мягко говоря, оставлял желать лучшего, но Марисоль настолько поразила Марти своей игрой, что он буквально раскалился добела от восторга, чего с ним не случалось уже много лет.

И конечно, после спектакля он рванул за кулисы и пригласил красотку Марисоль на обед, чтобы обсудить её будущую карьеру, а ещё через пару дней — в театр на премьеру спектакля, который она непременно должна была посмотреть, ну а остальное вы можете додумать сами. Ежемесячный чек на небольшую сумму, несущественную для финансового благополучия семьи Марти, для бедной девушки означал свободу от ненавистной работы официанткой, возможность посещать больше прослушиваний и заниматься развитием своего таланта. Ну а Марти стал захаживать (что в этом удивительного?) в её квартирку в Адской Кухне[3] в конце дня — *«sinq a sept»*,[4] как называют такие визиты утончённые французы, а иногда и пораньше, хотя и с той же целью, которую ньюйоркцы цинично именуют *«дневной перепих»*.

— Вначале она снимала убогую каморку в Южном Бруклине, — с чувством говорил Марти. — Бедняжке приходилось по часу париться в метро, чтобы добраться до приличного района.

Теперь-то она живёт в пяти минутах ходьбы от дюжины театров, так удобно!

Её новая квартирка также располагалась в пяти минутах езды от квартиры самого Марти и ещё ближе к его офису, так что, действительно, удобно было всем.

Марти совсем потерял голову, и девушка вроде бы отвечала ему взаимностью. В новой, шикарно обставленной спальне её студии на 46-й улице Марти показал ей кое-какие приёмчики, о которых более молодые любовники Марисоль понятия не имели, и с удовлетворением констатировал, что произвёл на свою даму неизгладимое впечатление. Тупая сила и энергия молодости не шли ни в какое сравнение с изощрённым искусством искушённого в любовных делах маэстро.

Да, время, проведённое ими вместе за прикрытыми жалюзи, можно было сравнить разве что с пребыванием в райском саду, единственное, чего не хватало, — так это Змия, но и он не преминул явиться, не заставив себя ждать. Кто это был? Не кто иной, как признанный Говноед Крэндел Мейпс. Не буду утомлять вас деталями, сам Марти чуть не уморил меня ими насмерть, скажу только, что вскоре заплаканная Марисоль бросилась на шею потрясённому Марти и, захлёбываясь слезами, призналась, что не сможет больше встречаться с ним. Она благодарила Марти за всё, что он для неё сделал, а главное, за то, что он подарил ей себя, но при этом твердила, что отдала своё сердце другому, с которым она надеется провести остаток дней и, желательно, всю вечность после смерти.

Как выяснил убитый горем Марти, счастливчиком, укравшим сердце Марисоль, был вышеупомянутый Говноед.

— Маленькая дурочка уверена, что он бросит ради неё семью и женится на ней. — Марти воздел руки к небу. — Да у него каждые полгода новая девчонка, Берни, вот что обидно! Может быть, одна или две протянули по году, но никак не больше. И все эти старлетки свято верили, что он оставит жену и рухнет к их ногам. Конечно, рано или поздно он действительно оставит свою жену, но совсем иным способом — богатой вдовой, Берни, и произойдёт это очень скоро, если подлец не перестанет трахаться как кролик! Он же помрёт от сердечного приступа, если будет продолжать в том же духе! Впрочем, я очень надеюсь, что сама природа разделается с ним за меня.

Марти немного злился, но я не виню его — Мейпс не был каким-то безликим злодеем. Марти знал его, и знал достаточно хорошо. Они встречались в театре и на прослушиваниях юных дарований, и даже как-то раз Марти с Эдной ездили к Мейпсу в гости, в его особняк в районе Ривердейл. Мейпсы тогда устраивали приём по случаю сбора пожертвований в помощь «Театру чудаков» Эверетта Куинтона, их как раз выселили из обжитого здания на Шеридан-сквер.

— Мы заплатили по паре сот баксов за ужин и за закрытую вечеринку с представлением, — вспоминал Марти. — Ну а затем они всеми силами постарались выжать из нас ещё по нескольку тысяч «на развитие театра». Ужин был неплох, хотя вино — так себе, но я обожаю Куинтона, это такой мощный талант, что я отстегнул ему круглую сумму без всяких уговоров. Ну и Эдна осталась довольна — ей так понравился дом! Нас провели по всем этажам, кроме винных подвалов и чердака, мы побывали везде, включая спальни, уверяю тебя. В хозяйской спальне на стене висел морской пейзаж.

— Вряд ли это была работа Тернера.

Марти презрительно тряхнул головой:

— Какой Тернер? Я же говорю тебе, обстановка этого дома — так себе, как и вина. Просто

обычный морской пейзаж с корабликом на горизонте. Однако одна деталь привлекла моё внимание — картина висела немного криво.

— Ну и Говноед!

Марти поднял бровь.

— Я не ханжа и не зануда, — сказал он, — но меня напрягает, когда я вижу, что картина висит не под прямым углом. Это неправильно. Впрочем, обычно я стараюсь не поправлять картины в чужих спальнях.

— А в этот раз не сумел с собой справиться?

— Я немного отстал, Берни, дождался, когда все гости выйдут из комнаты, а затем подошёл к картине. Помнишь строки Кольриджа: «И не плеснёт равнина вод, / Небес не дрогнет лик. / Иль нарисован океан / И нарисован бриг»?[5]

Я узнал строчки из «Сказания о Старом Мореходе», поэме, которая, в отличие от подавляющего большинства классических произведений, заучиваемых нами в школе, не вызывала у меня отвращения.

— «…Кругом вода, но как трещит / От сухости доска! / Кругом вода, но не испить / Ни капли, ни глотка».

Марти одобрительно кивнул:

— Правильно, хотя большинство моих знакомых цитирует последние строчки так: «Ни одного глотка».

— Они не правы, — пожал я плечами, — как не право большинство людей в отношении большинства вещей. Но о чём же поведал тебе нарисованный бриг, плывущий по нарисованному океану?

— Ни о чём, — откликнулся Мартин Джилмартин. — Однако то, что я нашёл *за ним*, сказало мне многое, и весьма красноречиво…

Глава 2

— Сейф в стене? — спросила Кэролайн Кайзер. — Я почти не сомневаюсь, что это так. Он решил выпрямить картину и обнаружил за ней стенной сейф.

— Точно.

— Ага, — сказала Кэролайн, — так вот где собака зарыта! Марти пригласил тебя в ресторан для того, чтобы объяснить, как добраться до Ривердейла, дабы ты смог залезть в сейф к Мейпсу.

— Ну, знаешь, — обиделся я, — надеюсь, что Марти пригласил меня в ресторан не только с этой целью. Всё-таки мы друзья, забыла? Мне кажется, ему нравится моё общество.

— Да ладно тебе, не дуйся. Мне тоже нравится твоё общество: если я когда-нибудь вступлю в элитный клуб, Берни, клянусь, ты будешь первым, кого я приглашу на ужин. Но, к сожалению,

Topreading.ru

всё, что мы имеем на сегодняшний день, — скромный ланч в собачьем салоне. Боюсь, ничего лучше пока предложить не могу.

Мы обедали в салоне «Пудель» — вотчине Кэролайн, всего в паре кварталов от моего книжного магазина на 11-й улице Ист-Сайда, между университетом и Бродвеем. Вообще-то была среда, по средам мы перекусываем бутербродами у меня в «Барнегат Букс», а к Кэролайн ходим по вторникам. Но из-за Марти наш график сдвинулся, значит, в понедельник мы обедали у меня, вторник вообще пропустили, так что сегодня настала очередь Кэролайн принимать у себя гостей. По дороге я заскочил к «Двум парням из Кандагара» и купил парочку лавашей, фаршированных чёрт знает чем, и два салата, ингредиенты которых я тоже не смог опознать. Хотел купить там же и напитки, но побоялся брать их шипучку — она была странного, химического сине-зелёного цвета и пахла фисташками. Пришлось купить пару банок колы в соседнем магазинчике.

— Неплохо, — пробормотала Кэролайн, откусывая лаваш. — Но ты уверен, что они настоящие? Я хочу сказать, вообще-то в Афганистане едят фаршированные лаваши?

— Господи, ну какая разница? А в Пекине едят мексиканские лепёшки? А в Тиране едят пиццу?

Кэролайн усмехнулась. Мы же жили в Нью-Йорке, чёрт побери, где половина пиццерий принадлежала китайцам, а мексиканские лепёшки продавали исключительно албанцы.

— Ладно, ты прав, — проворчала моя подружка, — однако давай вернёмся к Марти. Это что-то новенькое, я не ошиблась? Я имею в виду, обычно он сбивает тебя с пути истинного, только если надо ограбить кого-то из друзей, чтобы они смогли получить страховку. А Мейпс как-то не тянет на друга…

— Нет, разве что «Говноед» с недавнего времени превратилось в уменьшительно-ласкательное словечко.

— Ха-ха, вряд ли, и этот тип тоже вряд ли обрадуется возможности быть ограбленным. А что в сейфе?

— Деньги.

— Откуда Марти знать? Не говори мне, что сейф был открыт.

— Если бы сейф был открыт, моя помощь Марти уже не понадобилась бы, — заметил я. — Хотя на тот момент Марти ещё не питал такой острой ненависти к Говноеду. Впрочем, справедливости ради надо признать, что Марти изначально не любил этого типа, всегда отзывался о нём как о халявщике и проныре. Но то было задолго до встречи с Марисоль.

— Тогда она ещё училась в школе в прекрасном пуэрто-риканском городе Сан-Хуан.

— Вообще-то в Окмонте, Пенсильвания.

— Не важно. Окмонт? Почему я ни разу не слышала о нём, Берни?

— Я же говорю, он в Пенсильвании. Где-то там, не доезжая Питсбурга.

— Филадельфия тоже. Я имею в виду, не доезжая Питсбурга, — сказала Кэролайн. — Так каким же образом Марти стало известно про наличку?

— Он выспросил Мейпса. Не знаю, что тот сказал конкретно, но Марти понял, что ему часто платят наличкой и он не держит её в банке, чтобы она не попала под прицел налоговой.

— А мне практически никогда не платят наличкой, — вздохнула Кэролайн — Всё по кредиткам, блин. Ну и то хорошо, что не чеками — помнишь, какая морока была обналичить их?

— Знаешь, когда сумма меньше десяти долларов, почти все платят наличными. А буквально вчера один парень набрал книг на сорок восемь долларов с копейками и протянул мне пятидесятидолларовую купюру. Но вообще-то такое случается крайне редко.

— Что, продажа на сорок восемь долларов? Или купюра?

— И то и другое. Но я тоже грешен — бывает, кладу пару баксов себе в карман, особенно когда продаю уценку. Но чаще всего провожу продажи через кассу. Мне ведь самому невыгодно уводить деньги из бизнеса. Лучше уж я покажу реальную прибыль и заплачу налоги по полной.

— Ага, потому что твой второй заработок — чистая наличка.

— Что ж, в этом краже со взломом не откажешь, — согласился я. — Никаких налогов, и практически нет бумажной работы.

— А про пенсию ты, конечно, не думаешь! Ладно, с тобой всё понятно, но чем занимается Мейпс?

— Он врач.

— Врач, которому платят наличкой?

— Не все, конечно, но довольно часто.

— Странно, — сказала Кэролайн. — Сейчас у всех страховка. Кому придёт охота выкладывать за лечение собственные деньги?

— Страховка не у всех, — заметил я. — У меня, к примеру, её никогда и не было.

— Кстати, у меня тоже. Но мы не в счёт, Берни, у нас собственный бизнес, мы не имеем возможности нагружать наши хрупкие кораблики дополнительным весом. Не знаю, как ты, я сразу пойду ко дну. К счастью, я на здоровье не жалуюсь, но, когда случается обращаться к врачам, обычно выписываю чек. По крайней мере, его можно списать на расходы.

— Точно.

— Может, этот Мейпс — старомодный доктор, как мой любимый врач, что принимает в Стайвесант-таун? Заранее назначить время приёма нельзя, просто приходишь и получаешь номерок — прямо как в том еврейском магазинчике на Бродвее, как его? «Забар»? И обычно я плачу за приём не больше пятнадцати-двадцати баксов. Но мой доктор — святой человек, а этот Мейпс как-то не тянет на святого, ты не находишь?

— Совсем не тянет.

— Так что же это за загадочный доктор?

— Пластический хирург.

Topreading.ru

— Шутишь? Ему платят наличкой за укороченные носы?

— По словам Марти, — объяснил я, — большинство услуг пластической хирургии попадают в категорию «элективных» и потому не включаются в медицинскую страховку. Страховые компании не обязаны возмещать подобные убытки. Если тебе придёт в голову сделать себе ринопластику, липосакцию или увеличить грудь, придётся платить из своего кармана, милочка.

— Тогда уж я бы перевела деньги безналичкой… — сказала Кэролайн. — Если я когда-нибудь решусь на дорогое безумство, пусть расходы хотя бы вычтут из налогооблагаемой базы. Их же всё равно должны вычесть, по крайней мере за элективные услуги, верно?

— Может быть, откуда мне знать?

— Ну так что?

— А то, что вокруг полным-полно сделок с наличкой, и те, кто их проворачивает, хотят, чтобы всё было шито-крыто. Понимаешь? Например, если ты зарабатываешь по-чёрному сто тысяч баксов в год поверх собственных доходов, то…

— О да, в моём бизнесе этого смог бы достичь только настоящий везунчик, — смеясь, заметила Кэролайн. — Берни, подумай сам, что ты такое говоришь! Сто тысяч баксов в год? Да скорее рак на горе свистнет…

— Я просто привёл гипотетический пример.

— Ясно. Только в будущем исключи собачий бизнес из круга подобных примеров.

— Короче, представь, что у тебя полно наличных денег, — продолжал я. — Как ты их потратишь? Конечно, можно купить бриллиантовое колье, но его нельзя будет застраховать, и рано или поздно кто-нибудь спросит тебя, откуда оно взялось. Правда, если ты — коллекционер, это сильно упрощает дело — тут тебе полное раздолье. Можешь покупать марки, старинные монеты или книги за наличку до скончания веков, хобби всё высосет, никаких денег не хватит. Или вот ещё один способ пристроить денежки…

— Сделать себе пластическую операцию?

— К примеру. Конечно, придётся выписать чек на счёт клиники, но, если тебе известно, что врач не против наличных, ты можешь даже получить небольшой откат за эту операцию. И все довольны, поняла?

— Круто.

— Да, неплохая схема, — согласился я. — К тому же, насколько я могу судить, Мейпс якшается с типами, которые, так сказать, не дружат с законом. Хотя кто бы говорил! Я и сам не всегда с ним дружу.

— Ты имеешь в виду преступников?

— Ну да, только днём они не ходят в чёрных масках. Всё это, конечно, всего лишь слухи, но якобы, если мальчикам типа Тони Сопрано срочно понадобится нелегальная операция, они знают, что всегда могут обратиться к нашему приятелю.

Topreading.ru

Кэролайн удивлённо уставилась на меня.

— Нелегальная операция, Берн? Ты что, имеешь в виду аборт? Хотя вроде бы они пока легальны.

— Да нет же, я имею в виду дырку от пули, которую надо залатать, — пояснил я. — И не только залатать, а ещё суметь не проболтаться об этом. Или, к примеру, заходишь ты к этому доктору с фотографией, сорванной со стенда «Их разыскивает полиция», и просишь его немного подкорректировать твой собственный «портрет», чтобы сходство было не столь заметно. Может быть, убрать кое-какие татуировки, зашлифовать самые заметные шрамы. Поняла теперь? Не думаю, что Мейпс работает только на криминальных авторитетов, но бьюсь об заклад, что эти расплачиваются с ним наличной «капустой», а не суют свою банковскую карту.

Кэролайн обдумала мои слова и согласно кивнула.

— О’кей, — сказала она, — поняла. Теперь ясно, что на своей работе добрый доктор стрижёт приличные бабосы. И хранит их в стенном сейфе…

— Так считает Марти.

— А ты как считаешь?

— Считаю, что он действительно гребёт бабосы лопатой. А в сейфе хранит что-то. Даже если это не наличка, чутьё подсказывает мне, что заглянуть туда стоит. Итак, что мы имеем? Стенной сейф в доме, известно, где именно он находится. Я даже знаю, какая картина заслоняет вход в пещеру Али-Бабы.

— Нарисованный бриг на фоне нарисованного океана.

— Посредственно нарисованный бриг, — поправил я.

— А ты сможешь его открыть?

— Стенной сейф? Деточка, я ещё не встречал стенных сейфов сложной конструкции. Даже если мне не удастся его открыть, — я покачал головой, — что ж, тогда я просто вырву его из стены и унесу к себе домой. Поработаю спокойно на досуге. Стенные сейфы практически всегда делают из тонкой стали — их и ребёнок может унести. А как иначе запихнуть сейф в стену?

— Ты что, Берни, всерьёз решил взяться за это дело?

— Я сказал Марти, что подумаю. Мужик совсем спятил — предлагает пойти вместе со мной. Готов тряхнуть стариной…

— Боже мой, Берни, да он скоро развалится, если будет трясти своей стариной направо и налево…

— Ладно тебе язвить! Он не хочет брать ни цента — готов идти со мной за просто так! Конечно, старый лис наверняка знал, что я в любом случае откажусь, но то, что он предложил разделить со мной риск, показывает, как сильно в нём кипит жажда мести. Ему наплевать на деньги, он только хочет вставить клизму Крэнделу Мейпсу. Даже если в сейфе нет денег, там наверняка хранится что-то, что он купил за наличку, а значит, это *что-то* не застраховано, верно? И доброму доктору будет крайне сложно возместить потери.

— Ты что, Берни, всерьёз решил взяться за это дело?

— Я сказал Марти, что подумаю. Мужик совсем спятил — предлагает пойти вместе со мной. Готов тряхнуть стариной…

— Боже мой, Берни, да он скоро развалится, если будет трясти своей стариной направо и налево…

— Ладно тебе язвить! Он не хочет брать ни цента — готов идти со мной за просто так! Конечно, старый лис наверняка знал, что я в любом случае откажусь, но то, что он предложил разделить со мной риск, показывает, как сильно в нём кипит жажда мести. Ему наплевать на деньги, он только хочет вставить клизму Крэнделу Мейпсу. Даже если в сейфе нет денег, там наверняка хранится что-то, что он купил за наличку, а значит, это *что-то* не застраховано, верно? И доброму доктору будет крайне сложно возместить потери.

— А ты действительно думаешь, что Мейпс такой уж поганый Говноед?

— Не знаю, но на доброго христианина с благородной душой он точно не похож. Конечно, он жук, возможно даже навозный. Марти ненавидит его за то, что он отбил у него девицу Марисоль до того, как она ему наскучила. Что ж, его нельзя винить за это! Но лично мне доктор Мейпс не сделал ничего дурного и вряд ли сделает, поскольку подходящей девицы на примете у меня нет.

— У меня тоже, увы.

— Но мне не обязательно ненавидеть человека, которого я собираюсь обокрасть. Зачем мне оправдывать то, что я делаю? Я и так знаю, что этому нет оправданий.

— Ты говорил, это — дефект характера.

— Точно так. Наверное, мне следует исправить этот дефект. Как ты думаешь?

— Может быть… — Кэролайн зевнула. — Но не сегодня, верно, Берн?

— Не сегодня, — согласился я, — и не завтра, и не послезавтра.

— А что у нас послезавтра?

— Пятница.

— Спасибо, Берн. Если бы не ты, мне пришлось бы купить календарь. Так что у нас по пятницам? — Я тупо уставился на неё, и Кэролайн постучала себе пальцем по лбу. — Ну ты даёшь! Если ты пойдёшь на дело в пятницу, тебе придётся заказывать в «Вечном кайфе» только минералку.

Каждый день мы встречаемся после работы в этой забегаловке, чтобы выпить за конец рабочего дня, — нам надо снять стресс от стрижки пуделей и торговли макулатурой. Ну а когда я иду на дело, то не пью ничего крепче минералки. Вообще-то я предпочитаю скотч, но, хотя виски можно потреблять в разнообразных коктейлях, с квартирными кражами его лучше не мешать.

— Ладно, не хмурься, — сказала Кэролайн, — я тоже не пойду в пятницу в «Вечный кайф». У меня свидание. — Она прикрыла один глаз, как будто подмигнула.

Topreading.ru

— Кто-то новенький?

— Понятия не имею. Ты вполне можешь её знать. Я-то не знаю.

— Вы что, познакомились по Интернету?

— Ага.

— На каком сайте? «Лесби-дейтинг»?

— Это хороший сайт, Берни! На нём гораздо легче выуживать психов-подростков, чем на «лесби-дот-френдс». Ты можешь мне объяснить, почему подростки так любят лесбиянок? Уверяю тебя, это чувство не взаимно!

— Ты хочешь сказать, что не фантазируешь на тему секса с пятнадцатилетним мальчиком? И что тебе никогда не хотелось подурачиться с одним из них?

— Упаси бог! — возмутилась Кэролайн. — Но не уклоняйся от ответа. Ты сам когда-то был пятнадцатилетним мальчиком.

— Ну, это было задолго до всех этих интернетовских бюро знакомств и общения в чатах онлайн.

— Может быть, но не раньше Сафо, верно? Признайся, тебе нравились лесбиянки?

— По правде говоря, в том возрасте мне нравились все, даже ёжики. Что касается лесбиянок, я и не подозревал об их существовании. Конечно, с фантазией у меня всё было хорошо, чего скрывать, но лесбиянки в моих мечтах не фигурировали.

— Могу себе представить ситуацию, — хмыкнула Кэролайн, — когда две лесби откровенничают в чате, описывая друг дружке, как именно предпочитают заниматься любовью, хотя в реальной жизни обе они — прыщавые мальчишки… О, мне пришла в голову мысль.

— Какая?

— Ну, про этих мальчишек. Они, конечно, с приветом, но ведь не полные идиоты, так ведь?

— И что?

— Допустим, они знают, что их подружки в чатах могут оказаться такими же липовыми лесби, как они сами. Ну а если они это знают и всё равно торчат от такого общения, что тогда?

— Ничего, — сказал я, — ловят кайф, только и всего.

— Да, наверное… Но в любом случае на «лесби-дейтинг» такое случается не часто. Там нет чатов, мы просто обмениваемся имейлами. И можно сразу же назначить свидание.

— Это твоя четвёртая попытка, так?

— Нет, только третья, Берн. Я чуть было не сходила на свидание в прошлую среду, но она отменила встречу.

— Испугалась, что ли?

Кэролайн покачала головой:

— А вот и нет. Просто они с её бывшей решили всё-таки попробовать забыть старое и начать с чистого листа. И слава богу, что мы не встретились: она всё время твердила, что её сердце свободно, что предыдущий роман был ужасен, что она ненавидит свою бывшую и в жизни не захочет её снова видеть. Представляешь, с каким грузом она бы явилась ко мне на свидание? Вечер точно был бы испорчен.

— Ты права.

— Та, с которой я встречаюсь в пятницу, — сообщила Кэролайн, — работает помощником юриста в фирме, представляющей интересы клиентов при проведении операций с недвижимостью.

— Боже, она так сказала? Наверное, на самом деле просто перебирает бумажки в какой-нибудь занюханной конторе.

— Ну и что, если так? Целыми днями мыть блохастых псин тоже не слишком гламурное занятие, сам знаешь. Мне показалось, что с ней будет интересно. Конечно, без фотки никогда заранее не угадаешь, понравимся мы друг другу или нет.

— Неужели у вас и фотографии не разрешаются?

— Нет, только так можно отвадить шкодливую мелкотню. Ты, может, думаешь, что мальчишкам сложно найти фотку, чтобы выставить на своей странице? Да они просто скачают её откуда угодно. — Кэролайн закатила глаза. — Представляешь себе занятие: малолетние придурки посылают друг другу фотографии голых женщин, за которых они выдают себя! Куда катится наш мир, а, Берн?

— Как её зовут, твою новую подружку?

— Ну, если мы действительно подружимся, я рано или поздно узнаю. Пока что мы переписываемся под псевдонимами. Её псевдоним — Дородная Тёлка.

— Ну и имечко! Думаешь, она явится на свидание в резиновых сапогах и с охотничьим ружьём на плече?

— Не думаю. Скорее всего, она хотела сказать: я не изнеженная дамочка, но и не дальнобойщица.

— Или же это надо читать так: на самом деле я застенчивая ромашка, но буду эпатировать вас, чтобы никто не догадался.

— Угу. Она меня ужасно заинтриговала. Даже если у нас ничего не получится, думаю, я прекрасно проведу вечер. Так что жду не дождусь пятницы!

— Я тоже, — пробормотал я.

Глава 3

Я отправился обратно в магазин, поднял ставни и открыл настежь дверь: не могу сказать, что провёл остаток дня хуже, чем, к примеру, помощник юриста в фирме, представляющей

интересы клиентов при проведении операций с недвижимостью. А с другой стороны, Дородная Тёлка наверняка заработала в тот день больше, и я почему-то не сомневаюсь, что у неё есть медицинская страховка.

Около шести вечера я внёс столик с книгами для распродажи с тротуара внутрь, запер входную дверь, насыпал Раффлсу сухого корма в одну миску и налил свежей воды в другую, а потом проверил, открыта ли дверь в туалет — мой кот хорошо воспитан.

Мы с Кэролайн встретились в «Вечном кайфе» и заказали себе по виски: она пила со льдом, а я — с тоником. Макс принёс нам напитки, и мы углубились в разговор — понятное дело, о преступлениях, за них и выпили. После второго круга Кэролайн спросила, не хочу ли я заглянуть к ней домой скоротать вечерок перед телевизором. Сегодня же среда, заметила она, а значит, будут показывать «Западное крыло» и «Закон и порядок» — оба сериала прекрасно идут под утку по-пекински, которую можно заказать у Хунань Пана.

— Нет, я не могу, — сказал я.

— Чего это вдруг? У тебя что, романтическая встреча?

— Солнышко, последняя романтическая встреча, о которой я недавно читал, произошла в одна тысяча шестьдесят шестом году между англосаксами и нормандским рыцарем Вильгельмом.

— Битва при Гастингсе?

— Если бы я там был, то точно сражался бы на стороне англичан со всеми вытекающими. Так что лучше мне держаться подальше от романтических встреч.

— Слушай, ты же тоже можешь найти себе подружку по Интернету.

— Ага, прямо сейчас.

— Берн, послушай меня! Тебе давно пора заняться личной жизнью! Ты обязательно найдёшь подружку!

— Ну да, но к тому времени я уже забуду, что вообще с ними делают. Нет, Кэр, большое спасибо за заботу, но я сегодня вечером работаю.

— Как сегодня? Я думала, ты решил перенести это на пятницу.

— В пятницу тоже.

— Но ты же пил, Берн!

— Слава богу, не в одиночестве.

Кэролайн нахмурилась:

— В пятницу тоже.

— Но ты же пил, Берн!

— Слава богу, не в одиночестве.

Topreading.ru

Кэролайн нахмурилась:

— Берн, у тебя же принцип: ни капли алкоголя в день, когда ты идёшь кого-то грабить. Это твой практически единственный принцип, но ты ему ни разу ещё не изменял.

— Не единственный, — возразил я. — Я не играю в карты с мужчинами, которых зовут «доктор такой-то», и не ем в забегаловках под названием «У матушки сякой-то».

— И не пьёшь перед ограблением.

— Точно, не пью, — подтвердил я. — Три принципа, и один другого лучше.

Кэролайн обдумала мои слова.

— Значит, твоя сегодняшняя работа, — сказала она, — не связана с кражей и взломом?

— Нет, не связана. Не буду сегодня ничего взламывать и красть ничего не буду.

— Тебя что, вызывают на оценку?

В числе прочего я занимаюсь продажей антикварных изданий, и время от времени клиенты просят меня оценить стоимость библиотеки для страховой компании или поработать агентом при продаже ценных книг. Но на сегодняшний вечер у меня была намечена другая программа.

— Вообще-то это имеет отношение к ограблению, — признался я. — И мне понадобится более или менее трезвая голова. Впрочем, будучи слегка навеселе, я сумею лучше вписаться в местный пейзаж. Собираюсь съездить на метро до Ривердейла, взглянуть на домишко Мейпса.

— А, разведка! Могу составить тебе компанию. — Кэролайн нахмурилась. — Но только я должна вернуться к девяти вечера. Как ни глупо это звучит, не хочу пропускать «Западное крыло».

— Вовсе нет, это звучит совсем не глупо. Оставайся, Кэр. Что нам там делать вдвоём? Мне просто хочется взглянуть на дом, может быть, поброжу чуток по району. — Я поднёс бокал к глазам, посмотрел, как искрится на свету золотистая жидкость. — Компания не помешала бы мне в пятницу, но ты будешь занята со своей Тёлкой.

— Погоди, ты же говорил, что с тобой пойдёт Марти!

Я отрицательно покачал головой:

— Ты всё перепутала. Марти предложил мне пойти вместе, но я конечно же не возьму его. Он ведь знает Мейпса! А что, если кто-нибудь засечёт его в том районе?

— Так ты хотел попросить меня съездить с тобой? Ну почему же ничего мне не сказал?

— Ну, когда я узнал, что ты идёшь на свидание…

— Но я могу перенести его! Просто напишу Дородной Тёлке, что занята в пятницу.

— Нет, не надо. Это же твоя третья попытка на том сайте знакомств, а все знают, что Бог любит троицу. И к тому же меня и так грызёт совесть, что я втягиваю тебя в свои дела.

— Ах, перестань, — сказала Кэролайн с досадой. — До тех пор пока нас не поймали, твоя

совесть может спать спокойно.

— Ну, пастор в воскресной школе объяснял нам этот закон как-то иначе.

— Его проблемы. — Кэролайн нахмурилась. — И в какое время всё произойдёт?

— Кэр, я правда не хочу, чтобы ты отменяла свидание.

— Уже поняла. И всё-таки, в какое время ты собираешься на дело в пятницу?

— Сам ещё не знаю, пока не думал об этом. У Мейпсов есть билеты в Метрополитен-оперу. Если начало в восемь, то они, наверное, выметутся из дома около семи.

— И ты поедешь туда к семи?

— Нет, наверное, это слишком рано. Думаю, лучше всего появиться там около девяти. У них билеты на «Дон Жуана», опера длится почти четыре часа, так что они вернутся только…

— Я смогу пойти с тобой, — перебила меня Кэролайн.

— Минуточку, а как же Тёлка…

— Я же сказала, что не приду в пятницу в «Вечный кайф», помнишь? Потому что я встречаюсь с Тёлкой в четверть седьмого в холле отеля «Алгонкин». У меня полно времени, чтобы выпить с ней, забежать домой, надеть кроссовки и джинсы, а потом встретиться с тобой.

— Ну а если между вами промелькнёт искра?

— Тогда, наверное, по дороге в Ривердейл я буду в прекрасном настроении. Ну так как?

— Да нет же, я имею в виду, вдруг вас так потянет друг к другу, что захотите поужинать, а затем…

— Затем проделать всё то, о чём фантазируют пятнадцатилетние подростки, дроча в туалете? Расслабься, Берн, этого не случится.

— Но если вы всё же так понравитесь…

— Берн, хватит! Я сама мечтаю о том, чтобы это произошло, хотя, видит бог, такое совпадение весьма маловероятно. Но если нас действительно «потянет», мы выпьем ещё по рюмочке, поболтаем чуток, а потом пожмём друг другу руки чуточку сильнее, чем следует. Ну и между делом обменяемся имейлами и назначим другое свидание, с ужином.

— Да, всё не просто у вас, лесбиянок!

— Знаешь, по большому счёту это проще, чем напиться в зюзю в «Берлоге», а утром проснуться в постели с незнакомкой, — холодно заметила Кэролайн. — Конечно, чаще всего и такого не случается и я возвращаюсь домой одна, но даже если мне «везёт», что я имею наутро в своей постели? Бабу, которую можно снять в пивном баре. Мне это надо?

— О, я об этом не подумал.

— Так что, Берни, я хотела просто немного выпить с Тёлкой, на обратном пути купить цыплёнка гриль и устроить дома пир на весь мир. А после завалиться-таки в «Берлогу» и

послать всех на хрен! Но я с большим удовольствием составлю тебе компанию в Ривердейле. Признайся, тебе нужна помощь?

— Вообще-то да. Нужно, чтобы кто-нибудь ждал меня в машине. Сегодня я прокачусь на метро, но сейф в метро не повезёшь.

— Значит, решено, — объявила Кэролайн. — Соваться на такое дело одному — чистое безумие. А вдруг поблизости негде будет припарковаться?

— Вот именно.

— Ладно, договорились. — Кэр с удовольствием допила рюмку и звонко стукнула её о столешницу. — Я буду стоять на стрёме, как в старые добрые времена. И конечно, хотя я никому не скажу ни слова… Тёлка сразу же заметит, какой у меня таинственный вид. — Кэролайн широко ухмыльнулась. — А это всегда помогает при первом знакомстве.

Глава 4

В принципе мне и домой можно было не заходить — утром я оделся, как обычно, в слаксы и спортивную рубашку, так что выделяться ни среди толпы в метро, ни среди прохожих в Ривердейле не буду. Ведь самое главное для вора — не привлекать внимания к своей персоне, а единственное, в чём заслуживал упрёка мой прикид, — это в отсутствии воображения.

Стоял апрель — может статься, я забыл сказать вам об этом, — а значит, к ночи температура могла упасть и в моей рубашке с короткими рукавами явно было бы холодновато. К тому же я довольно крепко принял на грудь в «Вечном кайфе», и мне не мешало немного проветриться. Хоть я не планировал никаких действий, требующих быстрой реакции или совершенно трезвой головы, поездка в Ривердейл (сама по себе не противозаконная) была частью весьма преступной кампании. По дороге из бара я съел кусок пиццы у метро и немного протрезвел, но всё-таки решил не искушать судьбу, зайти домой, выпить кофе и захватить ветровку.

Ветровка — бежевого цвета, чуть темнее, чем брюки, — прекрасно дополнила мой ничем не привлекающий внимание облик. Этакий Дядя Средних Лет, трудяга, всю жизнь ведущий жизнь примерного гражданина.

Живу я в старом, ещё довоенном здании в Вест-Сайде на 70-й авеню. Вообще большую часть своей жизни я провожу в нашей «Деревне», если это что-нибудь вам говорит:[6] мой магазинчик расположен на 11-й улице, а Кэролайн живёт меньше чем в миле от своего салона «Пудель». Она-то добирается на работу пешком, и мне не раз приходило в голову, что это гораздо лучше, чем обтирать себе штаны в метро. Да только мне пришлось бы бежать трусцой не менее двух часов. Увы, жизнь слишком коротка для такого вида передвижения.

Переехать в «Деревню» тоже не представляется возможным. Дело в том, что у меня договор аренды с фиксированной ежемесячной суммой, и, между нами, я плачу примерно треть от того, что платят другие за квартиру такого же размера. Решив переехать, в центре Манхэттена я платил бы в три, а то и в четыре раза больше… Конечно, если поднапрячься, можно было бы даже купить себе какую-нибудь студию в центре, но всё равно, за коммунальные услуги я отдал бы примерно столько же, сколько сейчас плачу за аренду.

Да и привык я к своей квартирке. Она, конечно, маленькая, с одной спальней, окна выходят на стену соседнего дома, но мне никогда не приходило в голову обновить мебель, например, или

сделать ремонт.

Постойте, чего это я так заврался? Ведь первое, что я сделал, когда въехал, — купил книжные шкафы и собственноручно установил их по обеим сторонам от камина. (Кстати, когда ко мне заходит гостья, что случается, как вы поняли, раз в сто лет, она сразу же спрашивает, можно ли затопить камин. Нет, отвечаю я, бедняга больше не работает, он на пенсии.) И ещё: через пару лет я врезал небольшой потайной ящичек в заднюю стенку платяного шкафа. Там я храню награбленное, пока не придумаю, как выгоднее реализовать спёртое добро. Там же, кстати, лежит мой «неприкосновенный воровской набор»: от пяти до десяти тысяч баксов наличными и два паспорта, из которых один — настоящий, а другой — вполне приличная подделка.

Ну и ещё моя коллекция отмычек, щупов, зондов и разной полезной всячины, которой пользуются квартирные воры и уважающие себя медвежатники. Кстати, если при обыске у вас обнаружат эти вещицы, считайте, что вам гарантирован немалый срок в гостях у губернатора штата. Я даже хотел получить лицензию слесаря, специалиста по замкам, так, на всякий случай, чтобы иметь возможность отбрехаться, если меня возьмут. Но побоялся, что слесарная комиссия лопнет со смеху, увидев моё имя на заявлении. Впрочем, кто знает, может, выдающая лицензии организация и не проверяет, был ли у подающего заявление срок за ограбление. Но тогда, знаете ли, наше общество явно катится в тартарары…

Я сварил себе кофе, неторопливо выпил, достал из шкафа ветровку и где-то около восьми вечера вышел из дома, прогулялся до Бродвея и сел в подземку на 72-й улице. Руки я держал в карманах ветровки, а инструменты — в кармане брюк.

Зачем я их взял, до сих пор не понимаю.

Наверное, просто автоматически сунул в карман. Я ведь шёл работать и, хотя в тот вечер моя работа состояла исключительно в выяснении обстановки, как настоящий профессионал не мог выйти из дома неэкипированный.

Я понял, что наделал, только когда подошёл к метро. Даже дёрнулся, чтобы вернуться и положить на место инструменты, но потом решил не заморачиваться. Ну кто полезет мне в карман проверять, что у меня там лежит? Ничего противозаконного совершать я не собирался, так что у копов не должно быть причин обыскивать меня. К тому же я ведь не обрез заряженный несу в кармане, верно? Всего лишь связку отмычек, только и делов. Из них не выстрелишь, и они не взорвутся. Успокоив себя таким образом, я пошёл дальше.

Ривердейл находится в Бронксе, но, если вы этого не знали, стыдиться нечего: жители Ривердейла скрывают сей факт так тщательно, что немудрено и запутаться. Возьмите любую газету и посмотрите рубрику «Дома на продажу»: где, как вы думаете, будут размещены объявления о продаже домов в Ривердейле? Правильно, в разделе «Манхэттен». Правда, в разделе «Бронкс» вы их тоже найдёте, но только в самом конце.

На севере Манхэттена подземка вышла на поверхность, став «надземкой», и в окно было видно, как поезд пересекает реку Гарлем и через Куинс-бридж несётся к Ривердейлу. Как я ни озирался по сторонам, так и не увидел плакатов типа: «РИВЕРДЕЙЛ — ГОРДИМСЯ ТЕМ, ЧТО МЫ В БРОНКСЕ!» Конечно, неплохо, если бы местные жители испытывали патриотические чувства в отношении своего района, да только вы таких тут не найдёте.

Topreading.ru

Когда я сошёл с поезда на последней остановке — 242-й улице — и начал пробираться окольными тропами на юго-запад по довольно заброшенной Манхэттен-колледж-Паркуэй, названной так, поскольку она огибает заросшие крапивой и плющом здания Манхэттенского колледжа, даже меня охватило некоторое сомнение: а не в Манхэттене ли я? Конечно, мы знаем о Манхэттенском муниципальном колледже в районе Трибека, есть ещё Манхэттенский Меримаунт-колледж на 71-й улице, а на углу Бродвея и 122-й — Манхэттенская музыкальная школа. Все они содержат слово «Манхэттен» в своих названиях, но это никого не удивляет, поскольку они расположены в округе Манхэттен. Однако Манхэттенский колледж, как это ни странно, находится в районе Ривердейл, округ Бронкс.

Ну так что же? Ещё семьдесят, даже восемьдесят лет назад Огден Нэш написал: «Бронкс? Нет, Дерьмонкс, господа!» Понятно теперь? Даже тогда никто этот район и в грош не ставил, а со временем его начали ещё больше презирать: неудивительно, что набитые баксами ривердейлцы, отправляющие своих отпрысков из старинных каменных особняков в дорогущие частные школы, бледнеют при мысли о том, что их драгоценный район могут упомянуть в одном ряду с… фортом Апачи, например.

Я размышлял о присущем людям снобизме, пока искал дом Мейпса: это потребовало больше времени, чем я ожидал, — жаль, что у меня не было с собой карты. Дома, за чашкой кофе, я наметил себе маршрут от метро в подробном атласе всех пяти округов Нью-Йорка, но сейчас мне не помешало бы свериться с оригиналом. Правда, несмотря на то что на атласе стояла надпись «карманный», я не смог бы запихнуть его ни в один имеющийся у меня карман. Я ведь не кенгуру! Я даже засомневался: а не вырвать ли страницу? — но букинистское прошлое не позволило мне искалечить книгу вот так, из-за простого каприза. У меня есть и карта Манхэттена, но как она могла мне помочь? Как ривердейлцы ни стараются уверить себя в том, что они живут в Манхэттене, на карте их район всё равно не отмечен. Составители карт упрямо относят его к Бронксу. Вот смех-то. Ха-ха-ха.

Около станции метро на Бродвее я прошёл мимо нескольких киосков, где наверняка продавались карты, возможно, не только Манхэттена, ха-ха, но я как-то не подумал заглянуть туда, пока не забрёл в глубь квартала по извилистой Манхэттен-колледж-Паркуэй. Эта улица петляла так, что мой внутренний компас в конце концов совсем сбился. Из принципа я решил не возвращаться и упрямо шёл дальше, повернул направо на Делафильд-авеню, а потом налево на 246-й улице и добрёл до Хенри-Гудзон-Паркуэй. Отсюда до реки Гудзон было рукой подать. Я продолжал идти в сторону реки и довольно быстро дошёл до улиц, названия которых помнил по карте. С поворотами я, правда, облажался, но сохранил общее направление движения. А куда мне было торопиться? Я успокаивал себя тем, что в любом случае мне полезно побродить по району и получше изучить его.

А затем я внезапно очутился на Девоншир-клоуз, небольшой улочке, кончавшейся тупиком, длиной всего в один квартал, которая отходила от другой улицы с поразившим меня названием: Плуменс-Буш — «Куст Хлебопашца». Ривердейл стоит на холмах, так что Девоншир-клоуз вела вдоль довольно крутого склона. Все дома на этой улице располагались на гребне холма — дом Мейпса где-то посередине цепочки. Это были солидные дома, и стояли они на просторных участках, спускающихся вниз к улице. При такой крутизне склона хозяева, видимо, имели проблемы с покосом лужаек, так что на многих участках траву заменили почвопокровными кустарниками: плющом, барвинком и так далее. Мейпс, однако, засадил свой газон травой, и я заметил, что она была идеально подстрижена, как и живая изгородь, окаймлявшая дорожки. Что ж, если он хороший пластический хирург, исправлять природу, доводя её до совершенства, должно быть у него в крови. Может, сам он и не выбегает каждое утро на улицу с секатором наперевес, чтобы подстричь отросшие за ночь ветки, но, уверен, держит садовника, который, в свою очередь, держит в узде природу на его участке.

С дороги река Гудзон не была видна, но, когда я подошёл к воротам, откуда начинался подъезд к дому, её воды блеснули вдалеке. Наверное, с первого этажа её видно, а уж со второго или третьего — и подавно. Не знаю, почему людям так нравится смотреть на воду? Они прямо балдеют от этого, вот и заводят у себя дома аквариумы. Не думайте, что их интересуют рыбки, нет, всё дело именно в воде. Но у жителей Девоншир-клоуз было кое-что получше, чем наполненный водой стеклянный бак, в котором копошится стайка гуппи. Они могли смотреть на реку Гудзон утром, днём и вечером сколько душе угодно.

Я отошёл к середине улицы, откуда открывался хороший вид на графский особняк доктора Крэндела Раундтри Мейпса. Пока мне хватило беглого осмотра. Дом впечатлял, впрочем, он не слишком выделялся среди окружавших его монументальных строений. Взгляд в одну сторону, потом в другую: кроме нескольких зданий из красного кирпича, я увидел парочку домов, построенных в стиле Тюдор (из оштукатуренного деревянного бруса), ну а остальные скромненько так были сложены из здоровенных каменных блоков. Вроде бы из подобных материалов раньше строили замки… Конечно, дома на Девоншир-клоуз не были замками в прямом смысле слова — я не увидел ни одного подъёмного моста, ни одного рва или укрепления, не было даже зубчатых башенок или бойниц, но тем не менее в них во всех чувствовалось что-то такое… Замковое? Дворцовое? Особняковое? Что-то солидное, даже роскошное, против чего я не возражал, но вместе с тем неприступное, а это мне совсем не понравилось. «Посторонним здесь не место!» — рычала медная львиная голова, украшающая ручку массивных дубовых ворот. «Не подходи к нам близко, кретин», — злобно бормотали каменные стены. «Даже не думай об этом, приятель!» — насмешливо сообщали мне окна, все как одно аккуратно обрамлённые по периметру металлической проволокой сигнализации.

Что дом был оборудован сигнализацией, меня ничуть не удивило. Бросив более внимательный взгляд на входную дверь, я увидел некий щиток, напоминающий накладку дверного замка, и сразу узнал систему «Килгор». Когда-то я даже купил комплект этой сигнализации, чтобы получше изучить её, и, как ни странно, после целого дня возни вместо презрения почувствовал к ней нечто вроде уважения. Так просто её не отключить. Конечно, можно высверлить блок, но это привлечёт не меньше внимания, чем вой сигнализации. Если бы я сразу оказался внутри дома, то отключил бы мерзавку в три секунды, уж это я хорошо освоил, но мне как минимум надо было попасть внутрь! Проклятый геральдический щит «Килгора» пялился на меня с двери, ухмыляясь, как будто заранее знал, кто из нас двоих окажется полным дураком. Погоди, приятель, рано радуешься!

Вообще-то есть огромное количество способов попасть внутрь любого помещения, включая замок Иф. Я, конечно, не изучал возможности проникновения внутрь замка Иф — на фиг мне это надо? — но в принципе готов поспорить, что смог бы пробраться туда, пусть не сразу, но смог бы. Это было бы непросто, однако от «просто» до «невозможно» — огромное расстояние, друзья, и я много раз промерял его собственными ногами.

К тому же дому Мейпса было далеко до замка Иф. Я не сомневался, что найду способ залезть в этот негостеприимный дом, только вот времени у меня было в обрез, к пятнице я должен был иметь готовый план действий.

Прежде всего я вернулся на Плуменс-Буш и обошёл вокруг квартала. Нескольких минут, проведённых около дома Мейпса, было достаточно, чтобы привлечь внимание подозрительных хозяев, поэтому следовало срочно убираться оттуда. Я медленно, с достоинством зашагал прочь, раздумывая, сколько времени мне потребуется, чтобы обойти квартал.

Это заняло около десяти минут, а когда я вернулся, огромный молчаливый дом со своим

выбритым газончиком выглядел в точности таким же, каким я его оставил, свет горел в тех же окнах. Я не знал, есть ли кто дома, поскольку сейчас почти все оставляют свет гореть, когда уходят из дома, думая, что тёмные окна немедленно привлекут толпы грабителей. (Для вашего покорного слуги тёмные окна означают лишь одно: в доме полно народа и все спят. Правда, такое предположение годится для более позднего времени.)

А вот люди, проживающие в квартирах, гораздо чаще гасят свет, уходя из дома, логично полагая, что через дверь грабитель всё равно не увидит свет и не оценит их усилий. Скорее всего, квартиру и так не ограбят, тогда как заоблачные счета за электричество придётся оплачивать месяц за месяцем.

Но живущие в особняках богачи по понятным причинам находятся в гораздо более уязвимом положении, к тому же они знают, что обязаны защищать своё нажитое нечестным способом добро. Одно время они считали, что достаточно оставить свет в какой-нибудь комнате — вот уж раздолье для грабителей: ночью можно было мгновенно определить пустые дома по ярко освещённым гостиным в четыре часа ночи. Сейчас все поумнели, ставят таймеры, которые включают и выключают свет, чтобы создать иллюзию присутствия хозяев.

Всё это, конечно, часть вечного противостояния богачей и воров, их вечной игры в гонку вооружений. Богачи оснащают свои владения всё более хитрыми замками и навороченными сигнализациями, а мы, воры, учимся открывать их хитрые замки и отключать навороченные сигнализации. Смешно то, что мы, по сути дела, пользуемся одними и теми же достижениями технического прогресса.

Всё-таки интересно, дома ли Мейпсы? Разумеется, я мог это легко определить независимо от того, насколько реалистично включался и выключался в доме свет, — например, позвонить по телефону. Конечно, и здесь не всё так однозначно — люди могут сидеть дома, включив автоответчик, потому что им просто неохота общаться с внешним миром. И наоборот, сейчас можно переводить звонки со стационарного телефона на мобильный, так что тебе могут ответить с другого конца света. Ну ладно, а как насчёт того, чтобы просто позвонить в звонок? Даже если они не откроют дверь — ночью вряд ли кто решится на такое, — всё равно можно будет с уверенностью определить присутствие в доме людей. Зажигается свет, отодвигаются занавески, раздаётся шум шагов и так далее, и осторожный грабитель тихонько уходит прочь, чтобы зайти в другой раз.

Не надо также забывать о самом главном инструменте профессионального вора — его интуиции. Настоящий профессионал практически безошибочно определит, есть ли кто-то живой по другую сторону запертой двери или нет. Безусловно, и здесь случаются осечки: нетерпение, главный враг вора, может сослужить ему плохую службу, бывает также, что мы принимаем желаемое за действительное, но в любом случае рано или поздно дорастаешь до такой степени профессионализма, когда начинаешь верить инстинктам больше, чем собственному разуму.

Ну и что же мне сказали мои инстинкты?

Они сказали мне, что дома никого нет. Я никак не смог бы объяснить эту уверенность, она основывалась на той же пресловутой интуиции. Я просто знал, и всё тут.

Ну и какое мне дело до этого, спросите вы? Я же не собирался вламываться к ним прямо сейчас. В пятницу у меня будет достаточно времени, чтобы сделать всё в высшей степени профессионально. К тому же мне не придётся гадать, дома хозяева или нет, поскольку «Дон Жуан» гарантирует их отсутствие. И самое главное — я буду не один, а с помощницей и с

машиной, которая быстро увезёт нас и наше честно награбленное добро в неизвестном направлении. Всё, что мне предстояло сделать в тот вечер, — выяснить, каким способом я смогу проникнуть в проклятый дом.

Прежде всего я обследовал окна. Я уже обнаружил металлическую проволоку на окнах первого этажа (говорю «первого этажа», друзья мои, хотя какой-нибудь лондонский воришка обязательно сказал бы «нижний этаж»). Почему-то британцы начинают отсчёт этажей не с нижней ступени лестничного пролёта, а с верхней. Иногда владельцы особняков ограничиваются тем, что устанавливают сигнализацию только на окнах первого этажа. И правда, кому придёт в голову лезть на второй этаж? И что за охота каждый раз, выходя из дома, закрывать все окна и ставить их на сигнализацию? А если вам захочется оставить пару форточек открытыми для вентиляции? Конечно, гораздо проще сделать это на втором этаже. Ведь так вполне надёжно, верно?

Проще — да, надёжно — нет. Скажу за себя: если окна на втором этаже обеспечат мне свободный от «Килгора» вход в дом, я не раздумывая раздобуду телескопическую алюминиевую лестницу, лёгкую и удобную. Прямо сегодня вечером, попозже, я могу зайти на нашу подземную парковку, посмотреть, не стоит ли такая лестница у кого-нибудь из мастеров. Возьму её на время, а в пятницу верну в целости и сохранности.

Я ещё раз осмотрел окна и понял, что лестница мне не понадобится — все окна на втором этаже тоже были оборудованы сигнализацией. (Существовала, конечно, ничтожная вероятность, что металлическая проволока на окнах второго этажа проложена просто для вида, но я не стал рассчитывать на это. Ведь и на скачках «Тройная корона» может выиграть ваша кобыла, если вы её туда пошлёте, с вероятностью примерно один к ста, верно? Однако же вы не рискнёте ставить на это свои денежки?)

Ладно, проехали, идём дальше. Остаются окна подвала, маленькие, невзрачные, обычно их закрывают ставнями, ставни крошатся со временем, защёлки ломаются, и их не всегда сразу заменяют на новые. В подвалах всегда темно, грязно, там валяются старые, никому не нужные предметы и ползают неприятные существа — пауки, сороконожки и другая дрянь вроде червяков и опарышей. Кому придёт охота по собственному желанию лезть в подвал? Да ещё через окно? И кто сказал, что вор протиснется в крошечное подвальное окошко? Зачем вообще ему это надо? Так стоит ли тратиться и устанавливать сигнализацию в таком никому не нужном месте?

Видимо, Мейпсы считали, что стоит — все окна были аккуратно обведены проволокой. Конечно, я немного расстроился, когда увидел это, но нельзя сказать, чтобы удивился. Вообще-то я даже обрадовался, кто знает, а может, я действительно застрял бы в чёртовом окне?

Н-да, в доме три этажа, и окна верхнего скорее всего чистые, только это мне никак не поможет. Высоты я не боюсь, но ещё не совсем сошёл с ума, чтобы на глазах у всего квартала забираться под самую крышу. Даже если бы мне удалось найти подходящую лестницу, хорошенько укрепить её и не грохнуться с десятиметровой высоты, я не стал бы рисковать и привлекать к себе внимание всех без исключения соседей. Конечно, я знаю кучу уловок, с помощью которых противозаконные вещи кажутся на первый взгляд совершенно законными, но лезть на третий этаж, чтобы забраться в окно? Нет, даже моему воображению не под силу придумать этому законное объяснение.

Итак, что же мы имеем? Окна исключаются, двери тоже. Что остаётся?

Дом Мейпса, как, впрочем, и все остальные дома в этом квартале, был построен минимум лет восемьдесят назад, ещё до войны (когда я говорю «войны» в контексте нью-йоркской недвижимости, то имею в виду Вторую мировую войну, не важно, сколько ещё войн случилось с тех пор. Точно так же «допотопный» будет всегда означать «до Всемирного потопа и Ноева ковчега», если только сами вы родом не из Нового Орлеана). Дом Мейпса, по моим предположениям, был построен где-то в двадцатых годах XX века. Я мог бы и точнее выяснить, когда именно он был построен, но меня интересовала не сама дата, а то, что из этого вытекало. А вытекало из этого следующее: в те годы дома топили углём, значит, и этот дом должен быть оборудован угольным подвалом и, соответственно, жёлобом, по которому уголь туда сгружали.

Знаю я эти старые сараи: обычно их закрывают деревянными щитами, укреплёнными под углом от сорока пяти до шестидесяти градусов где-нибудь на периферии здания. Помните песню «Друг детства»? Как там поётся?

Знаю я эти старые сараи: обычно их закрывают деревянными щитами, укреплёнными под углом от сорока пяти до шестидесяти градусов где-нибудь на периферии здания. Помните песню «Друг детства»? Как там поётся?

Друг мой, приходи, поиграй со мной!

На дереве дом мы построим с тобой,

В трубе водосточной мы вызовем эхо

И скатимся в угольный погреб для смеха.

Мы станем тогда не разлей вода,

Друзьями навек,

Навсегда.

Таких песен вы сегодня не услышите, а впрочем, жизнь действительно изменилась, теперь уже и в подвал или в погреб на перилах не съедешь, но во времена, когда строился дом Мейпса, это ещё было реальностью. Сейчас никому уже не нужные угольные подвалы обычно запирают на подвесной замок, а как, объясните мне, вы инкорпорируете его в систему сигнализации?

Чёрт, ещё одно разочарование! Обойдя дом сзади, я, хоть убейте, не смог обнаружить ни намёка на заветную дверцу. Видимо, в процессе эксплуатации её заложили кирпичом и намертво залили цементом. Я, конечно, мог бы постараться и найти место прежней двери, но для этого мне требовался отбойный молоток, а он, как мы знаем, издаёт слишком много шума.

Сплошная непруха.

Да нет же, говорил я себе, не может такого быть. Во всякий дом есть лаз, должен быть он и здесь, надо только хорошенько поискать. Я повторил это раз сто, как мантру, но в конце концов и сам засомневался: а вдруг на этот раз волшебство не сработает?

Topreading.ru

В таком огромном старом доме наверняка полно укромных уголков, чуланчиков и кладовок, маленьких комнат, в которые больше никто не ходит, и тому подобных подарков для вора. Только все эти подарочки скрывались внутри, а снаружи мне оставались лишь каменные стены, две двери и несчётное количество окон на трёх этажах, связанных между собой в единую систему охранной сигнализации, которую я не смогу отключить. Разве что придумаю способ вырубить электричество во всём квартале.

От нечего делать я стал раздумывать, как бы это провернуть, хотя отдавал себе отчёт в том, что скорее просто тяну время, придумывая нереальные, фантастические варианты, чем действительно ищу конкретные пути. И тут я вдруг раскрыл глаза, да и рот тоже, увидев нечто, всё время находившееся на виду. И как это я раньше не заметил? Да видел я, не слепой же, просто мозг по какой-то причине отказался регистрировать увиденное. Я даже знал, что это такое, но не врубился сразу, что это означает для меня.

А означало это, что я теперь мог въехать в дом Мейпса хоть на тракторе, вот что это означало.

Глава 5

Самым сложным было заставить себя повернуться и неторопливо пойти по улице в обратном направлении, прочь от особняка Мейпса.

Все мои воровские инстинкты кричали мне: «Остановись, безумец! Смотри, вот дом, казавшийся таким неприступным, а ты подобрал к нему ключик, который позволит тебе ласточкой вспорхнуть вверх и очутиться внутри в мгновение ока и без всяких проблем. И между прочим, в кармане брюк у тебя лежит связка отмычек, а в другом кармане — пара резиновых перчаток, которые ты можешь натянуть на свои умелые воровские руки. Как удачно всё совпало: ну почему не воспользоваться тем, что ты по привычке захватил с собой?! А может, то был знак свыше? Может, ты предчувствовал, что тебе выпадет счастливый билет?»

Я не звонил ни в дверь, ни по телефону, так что не мог с уверенностью утверждать, был ли кто-нибудь дома, но мне дом казался пустым. Я где-то читал, что обитатели домов издают звуки, даже когда молчат, — этакий невнятный гул, исходящий от их комбинированной энергии. Не знаю, правда ли это, но могу сказать, что сам я действительно чувствую присутствие людей в доме. Здесь ничего такого не ощущалось, что отчасти подтвердилось, когда я заглянул в гараж: на одной половине гаража лениво дремал новенький блестящий «лексус», но вторая половина была пуста.

Господи, ну как же мне хотелось остаться и на славу поработать! Руки чесались, глаза слезились, я пускал слюни, как все собаки Павлова вместе взятые. Кончики пальцев звенели, кровь с грохотом мчалась по венам. Однако я собрал последние остатки самодисциплины и шёл ровным шагом, не оборачиваясь и не сбавляя хода.

Ну ладно, вкрадчиво продолжал нашёптывать мне внутренний голос. Ну хорошо, не грабь сегодня Мейпса. Но как насчёт других домов? Наверняка они построены по тому же принципу. Разве ты не хочешь попробовать свои силы, отточить мастерство, чтобы в пятницу предстать во всём блеске? А почему бы не обчистить два дома зараз, если это так легко? Почему, чёрт побери, не заработать чуток?

«Потому что нельзя, — твёрдо сказал я себе. — Грабёж в квартале вызовет панику, все насторожатся, я не могу так рисковать». На это мой внутренний голос (надо отдать ему должное, весьма находчивый, гад) выдвинул контраргумент: кража со взломом за два дня до

того, как я собираюсь обчистить дом Мейпса, полностью отведёт подозрение от Марти. Все решат, что в районе начал действовать искусный домушник-профессионал и Мейпс стал его очередной жертвой. Тогда уж никто не будет выяснять, кому Мейпс насолил и кто захотел отомстить ему таким необычным способом.

«Ну давай, парень, начни с того дома на углу, — продолжал бормотать мой несносный искуситель, — тогда копы не станут допытываться, с чего это дом Мейпса вдруг обнесли. Им главное — выяснить мотив и тому подобное. После второго ограбления они расставят засады во всём квартале и будут до скончания века ждать, когда взломщик придёт в третий раз, чтобы взять его с поличным. А он не явится, и все останутся с во-о-о-от таким длинным носом».

Аргументы, с которыми не поспоришь. Единственное, что можно сделать, — продолжать идти не оглядываясь, и я так и поступил: руки в карманах, голова вжата в поднятые плечи. Голос продолжал петь мне сладкие песни. «Спасибо, что поделился своими соображениями», — сказал я ему; дойдя до метро, прошёл на платформу и сел в поезд, идущий в сторону дома.

Дома я прежде всего снял ветровку и повесил её в шкаф. Заодно я открыл свой потайной ящик (его довольно просто открыть, если знаешь как) и запихнул обратно неиспользованные отмычки и резиновые перчатки. Затем приготовил себе чаю и включил телевизор. «Западное крыло» давно закончилось, шёл «Закон и порядок», да и то уже конец: обвинитель Джек Маккой пытался устроить подсудимому подлянку с подтасовкой свидетельских показаний, так он хотел посадить беднягу. Когда запускали этот сериал, все копы и прокуроры были, как один, розовыми херувимчиками, а потом какое-то время их показывали сплошь злодеями. Видимо, сейчас зритель дозрел до того, чтобы «хавать» сказку о том, что они «такие же люди, как мы, со своими достоинствами и недостатками».

Я не очень-то следил за ходом расследования, но что-то мешало мне отойти от телевизора и заняться делами, и через какое-то время я понял что. Или кто. Там, за загородкой, где сидели присяжные, была женщина, похожая на одну мою знакомую, с которой пару лет назад у меня была короткая интрижка. С тех пор я её не видел и, если честно, вообще забыл о её существовании.

Даже сейчас я не мог с точностью сказать, она это или нет. Тогда она немного подрабатывала в массовке, хотя, как мне кажется, до серьёзных ролей так и не добралась. Ещё она немного сочиняла, немного пела, но основным источником её доходов, с которых она покупала себе косметику и колготки, была работа официанткой. Сериал «Закон и порядок» снимается в Нью-Йорке, а не в Лос-Анджелесе (и слава богу, по крайней мере, массовка выглядит по-человечески, с разными носами и подбородками), поэтому вовсе не исключено, что некая официантка (а по совместительству актриса/писательница/певица) могла случайно попасть на роль присяжной.

Если бы оператор показал её крупным планом, остановил бы камеру на ней хотя бы на пару секунд, я смог бы с точностью сказать, она это или не она. То есть Франсин или не Франсин. Но, как назло, он лишь равнодушно скользил по лицам присяжных, ни на ком не задерживаясь, — это меня бесило. Я не мог отойти от телевизора. Время от времени мелькало её лицо — и каждый раз я говорил себе: «Чёрт возьми, ну как похожа!» — но точно всё равно не мог определить. Я надеялся, что в следующий раз смогу узнать её наверняка, и так и сидел, забыв про остывший чай, перед экраном, если честно, вообще не слушая, что они там болтали.

Через какое-то время присяжные вынесли вердикт (подонка оправдали, Маккой зря рисковал бессмертной душой, идя на подтасовку фактов), а я так и не решил собственной шарады. Я надеялся прочитать фамилии актёров в титрах, однако вместо титров эти сволочи врубили крупным планом Сэма Уотерсона и Фреда Томпсона — чуваки переживали, что обвиняемый ушёл из-под их острых клювов. Затем прокрутили-таки титры, но со скоростью света, да и всё равно, кто бы стал включать в титры массовку? А жаль, так я и остался сидеть в темноте, гадая, что стало с Франсин.

Я посидел с полчасика, думая о ней (не то чтобы много можно было вспомнить, мы всего-то пару недель встречались, ну, максимум месяц). И, если мне не изменяет память, мы успели переспать лишь один раз — это, собственно, и положило конец нашим отношениям, и вовсе не потому, что мы друг другу не понравились. Нет, просто мы не были созданы друг для друга и, видимо, в глубине души давно уже поняли это, а переспали для очистки совести, чтобы точно знать, что проверили все тайники и лазейки наших душ и тел. Ну а после того как мы удовлетворили сексуальное любопытство, оказалось, что нам, собственно, нет больше повода встречаться.

Я попытался вспомнить, как давно встречался с Франсин, но смог только вычислить, что это было не меньше двух лет назад и не больше шести. Затем я решил сосчитать, сколько женщин было у меня с тех пор. Если честно, не помню, сколько получилось, да это и не важно: любая цифра привела бы меня в уныние. Скажем, после Франсин у меня было тридцать женщин. Или, скажем, две. Понимаете, о чём я?

Ну а самое грустное из всего этого — похоже, в последнее время я вообще разучился играть в игры «давай подружимся». Похоже, я не то что флиртовать, уже и замечать женщин разучился. Ни одного свидания с прошлой осени: тогда я разговорился с одной симпатичной покупательницей, закрыл магазин на полчаса раньше времени, выпил с ней по рюмочке в ближайшем баре, а потом мы сходили в кино в шикарный комплекс на 3-й авеню. После этого я поймал ей такси, сказал «Спокойной ночи!»… и больше мы не виделись. К слову, я даже взял у неё номер телефона, да и она прекрасно знала, как со мной связаться, но почему-то ни один из нас не стал продолжать знакомство. Я не позвонил, а она с тех пор уже не появлялась у меня в магазине.

Если же вспомнить, когда я в последний раз был в постели с женщиной… Ну, даже не знаю, что на это и сказать-то. У меня были настоящие отношения с женщиной почти полгода, зимой, только не этой, а прошлой, но мы так плохо расстались… с таким ужасным скандалом, что потом я ещё долго отходил от этих отношений. Ну а затем, прошлой весной (то есть около года назад), я вообще выбыл из игры.

Выбыл из игры. Нет, вначале, конечно, я побарахтался, помахал руками, попрыгал, пытаясь не вылететь с ринга. Оставшись один на один со своим разбитым сердцем, я, что вовсе не оригинально, начал пить. Не просыхал, наверное, с неделю, но потом здоровье не позволило продолжать в том же духе. Во-первых, это жуткое похмелье с утра — как народ такое выдерживает? А во-вторых, в пьяном виде мне становилось ещё горше от всего, что произошло. На втором этапе я решил завязать горе верёвочкой и найти другую — и какое-то время довольно резво гонялся за бабами и даже некоторых умудрялся укладывать в постель. Впрочем, те дамочки, которых я охмурял, не стоили и десятой доли моих усилий. Просто в тот момент я был как помешанный, ничего вокруг не замечал. Ну и наконец я бросил баб и всерьёз занялся грабежами — две недели как минимум я еженощно что-то взламывал и кого-то грабил. Пустился во все тяжкие, как говорят, рисковал так, что и сегодня страшно вспоминать, но, по крайней мере, у меня не возникло глубокого, неосознанного желания быть пойманным. Никто

меня и не поймал, и, когда я всплыл обратно на поверхность и вновь стал доступен для службы обществу, в тайнике у меня (и не только) ждала своего часа круглая сумма, которую я отложил на чёрный день. Получше вашей пенсии, будьте уверены! Так что в своей профессии я добился значительных успехов, чего нельзя сказать о бухле и бабах.

Ну а после этого… после этого я трахался примерно так же часто, как совестливый монах, недавно принявший постриг. То есть вообще не трахался. Я помог Кэролайн заполнить в анкете рубрику «обо мне» на её сайте знакомств; «У тебя весеннее настроение, но тебе не с кем разделить его? Могу помочь! Я маленькая, да удаленькая. Глаза — фиалки, щёки — розы, сочетаю задиристый нрав с мягкостью кошечки. Обожаю носить шёлковые платья с резиновыми сапогами! Обожаю виски и Нью-Йорк, ненавижу бейсбол, а для компании держу пару кошек. Серьёзные отношения — сплошная головная боль; так как насчёт НЕсерьёзных отношений?» В принципе Кэролайн понравились мои идеи, но, когда она предложила помочь составить нечто подобное для меня, я замахал на неё руками. Я совершенно не мог представить себя с женщиной. Я говорил себе, что это пройдёт, что у меня просто наступил период безбрачия. Да и не нужна мне баба, обойдусь! А если действительно приспичит, тогда, полагаю, автоматически включится то, что называется «обаянием», и те девчонки, что нынче шарахаются от меня в разные стороны, внезапно поймут, что я-то и есть главный герой их жизни. Конечно, это придёт, думал я. Главное — не суетиться. Это всего лишь вопрос времени.

Поэтому, когда «Закон и порядок» закончился, я ещё минут пять посидел у телевизора, тупо слушая местные новости, а затем, орудуя пультом как веслом, отправился в сёрфинг по каналам; где-то я задерживался на пару минут, где-то — секунд на тридцать, но, к сожалению, ничего из увиденного не привлекло моего внимания. Может быть, я просто слишком быстро перескакивал с канала на канал, не давая им ни малейшего шанса меня заинтересовать. Потом я подумал, что неплохо было бы позвонить Франсин: «О, привет, я видел тебя сегодня в „Законе и порядке“, клянусь, глаз не мог отвести от скамьи присяжных! Без тебя этот сериал был бы невыносимо скучен!» Я даже сунулся в телефонную книжку посмотреть, не сохранился ли у меня её номер, — увы! После того как мы расстались, я поменял книжку и, конечно, не стал переписывать номер Франсин в новую. Достав с полки увесистый том «Жёлтых страниц», я вдруг сообразил, что не помню её фамилию. Н-да… Я ещё посидел перед экраном, прыгая по каналам, потом выключил телик и поднялся.

В принципе я пересказываю всю эту ерунду так подробно лишь для того, чтобы вы поняли, почему я сделал то, что сделал в тот вечер. Я не оправдываюсь, просто хочу показать, что меня привели к тому непреодолимые обстоятельства, а именно — тупость наших телепрограмм.

Хоть мне немного стыдно признаваться, всё же не буду затягивать агонию, скажу коротко: подойдя к чулану, я отпер мой тайник, достал инструменты и перчатки, накинул ветровку, подумав немного, поменял её на тёмно-синий блейзер, а затем запер сейф, вышел из квартиры, почти бегом спустился по лестнице и выкатился из дома.

Господа, я отправился на ночную вылазку.

Глава 6

На ночную вылазку! Правда, здорово звучит — «отправился на вылазку»! Немного таинственно и вместе с тем волнующе прекрасно — прекрасно в самом безнравственном смысле этого слова. Кто-то из современников сказал о Байроне: «Он был беспринципным, опасным для общества развратником», — у меня нет сомнений в том, что именно эти черты и показались

обществу совершенно неотразимыми. Мне всегда было легко представить себе Байрона, вышедшего на ночную вылазку, — как в надвинутой по самые брови шляпе он осторожной тигриной походкой крадётся по безлюдной улице, прислушиваясь к звукам ночи…

Вор же обычно отправляется на ночную вылазку спонтанно, поэтому ему приходится много импровизировать. Польза импровизации очевидна: и в живописи, и особенно в джазовой музыке без импровизации никак не обойтись. Когда джазовый музыкант даёт свободу воображению и полностью «отпускает» свои чувства, открывая душу вселенной, из-под его пальцев выходят музыкальные фразы, о которых он и сам не подозревал, как будто музыка давно зрела в тайных закоулках его души и наконец-то мощным потоком вырвалась наружу. Я люблю вечерами послушать записи альбомов Ленни Тристано, Рэнди Уэстона или, скажем, Билли Тейлора — всех этих гениальных джазовых пианистов; я сажусь поглубже в кресло, закрываю глаза и растворяюсь в извилистых лабиринтах их гармоний, ловлю губами изящные нюансы музыкальных фраз, которые они придумывают на ходу, каждый раз по-новому трактуя одну ту же тему, такт за тактом создавая завораживающе прекрасную музыку. Согласитесь, если вы музыкант, то импровизация — ключ к вашему успеху. По большому счёту в тот вечер мне следовало остаться дома. Усесться поудобнее на диване и провести пару часов за прослушиванием шедевров джазовой музыки, поражаясь мастерству, с которым пальцы пианистов бегают по клавишам. Видите ли, импровизация в воровском деле несколько отличается от музыкальной. В нашей профессии импровизация — патентованное средство для максимального увеличения риска при максимальном же уменьшении возможности заработать. Ну и какой дурак будет вести бизнес по таким идиотским правилам?

Нет, ребята, я вам скажу определённо: никому не порекомендую строить карьеру вора на импровизации. Воровская профессия сама по себе достойна всяческого порицания, и тот факт, что я не могу её бросить, вовсе не означает, что я не отдаю себе отчёта в том, насколько губительна она для человека. Даже если не учитывать моральную сторону вопроса, профессия вора — далеко не лучший выбор, который может сделать молодой человек, ступающий на порог взрослой жизни.

Нет, ребята, я вам скажу определённо: никому не порекомендую строить карьеру вора на импровизации. Воровская профессия сама по себе достойна всяческого порицания, и тот факт, что я не могу её бросить, вовсе не означает, что я не отдаю себе отчёта в том, насколько губительна она для человека. Даже если не учитывать моральную сторону вопроса, профессия вора — далеко не лучший выбор, который может сделать молодой человек, ступающий на порог взрослой жизни.

Конечно, если быть абсолютно честным, я должен признать, что в и нашей жизни есть привлекательные стороны. Во-первых, мы — сами себе начальники. Нам не надо без конца ходить на интервью и пытаться убедить тупых менеджеров, что мы наилучшим образом подходим для той или иной должности. Никто не нанимает нас на работу, а это значит, никто не сможет и уволить.

В отличие от менеджеров по продажам или, скажем, свободных коммивояжёров мы также не зависим от доброй воли наших потенциальных клиентов. И хорошо, я скажу, и слава богу, потому что доброй воли от наших клиентов всё равно не дождёшься; в нашем деле самое главное, чтобы клиенты знали о нас как можно меньше, а в идеале — лишь то, что мы недавно их навестили. И нам не надо изобретать новые ходы для расширения бизнеса, не надо общаться с поставщиками, и никакой алчный домовладелец не сможет поднять цену на аренду офиса, поскольку у нас его, ребята, попросту нет.

Даже пресловутые кризисы и экономические спады, как местные, так и мировые, не сильно влияют на нашу работу. У нас есть гарантированная защита от инфляции: стоимость украденного всё время повышается, компенсируя наши собственные растущие расходы, — даже в сильный экономический застой мы не останемся без работы. (На самом деле в тяжёлые времена конкуренция вырастает, поскольку за воровство берутся и добропорядочные граждане, но это не страшно. Во-первых, среди них мало профессионалов, а во-вторых, добра в принципе в мире столько, что хватит на всех.)

Да, чуть не забыл — нам не нужны лицензии, не надо вступать в профсоюз, платить взносы, заполнять бесконечные формы. Однако не стоит забывать, что и пенсия нам не полагается, а поскольку мы не платим налогов, медицинская страховка тоже не для нас, и, когда мы состаримся, государство не возьмёт нас бесплатно в дом престарелых. Больничный не оплатят, отпуск тоже. Медицинской страховки нет — впрочем, это я уже говорил. По сути дела, вы остаётесь один на один с большим и враждебным миром.

Что ж, зато и в офис вам не надо торопиться к девяти утра, и не надо работать по сорок часов в неделю. Даже если принять во внимание время, потраченное на изучение предмета и разведку, вы вряд ли наберёте сорок рабочих часов за целый месяц, а то и за два. В нашем деле просиживать штаны нет никакого резона, как только вы определились с выбором, действовать надо быстро, точно и безошибочно. И лучше не смаковать процесс, а то результат вас может и не порадовать. Основная мысль: хватай что попало и как можно резвее убирайся с места преступления.

Ну что же, мне кажется, я сделал нашему ремеслу отличную рекламу. Даже недостатки — отсутствие отпусков и больничных, а также некоторая неопределённость с пенсией — являют собой грани романтического образа благородного бандита-одиночки, проходящего дорогой своей сугубо индивидуалистической жизни, сунув руки в карманы, надвинув шляпу на лоб и слегка ссутулив плечи. Так и слышишь переливы банджо на заднем плане и хрипловатый голос какой-нибудь кантри-звезды, советующий бросить тёплую и скучную жизнь в Нью-Йорке и махнуть куда-нибудь в Монтану, чтобы там пасти коров как настоящий мужчина.

Теперь опять вернёмся к минусам. Если вы всё-таки решили избрать путь порока и грабежа, то помните: вы никогда не сможете чувствовать себя полноценным членом общества, работающим на благо своей страны, поскольку таковым не являетесь. И даже если вам удастся отмахнуться от чувства вины (оно часто мучает тех, кто присваивает себе чужое имущество), даже если вы, выступая на стороне Прудона, заявите, как он, что «собственность есть кража» сама по себе, вы всё равно не сможете похвастаться своими достижениями. Никому.

Возьмём, к примеру, рабочего — он, проходя мимо небоскрёба, может с гордостью сказать: «Я его строил!» Гинеколог, проклиная растущие цены страховок от судебных исков пациенток, может тем не менее утешать себя количеством младенцев, которым он помог появиться на свет. И повар в ресторане, и бармен, и проститутка, и даже наркодилер могут с гордостью утверждать, что они работают на благо человечества — ведь их задача состоит в том, чтобы приносить людям радость.

Но не мы, воры. Что нам остаётся? Мы даже не можем похвастаться результатами нашего кропотливого труда. «Видите тот дом, я ограбил его в прошлом году. Вынес всё, кроме разве что краски на стенах. Порезвился на славу. И это только одно из множества моих дел…»

Понимаете, что я имею в виду? И это ещё не самое страшное.

Самое страшное в нашем деле — то, что нас могут поймать. А когда поймают, неизбежно сунут

в тюрягу.

Я не знаю вас лично, но допускаю, что вы можете иметь идеализированное представление о том, как устроена тюрьма. Возможно, вы думаете, что в тюрьме у вас дошли бы наконец-то руки, чтобы прочитать полное собрание сочинений Пруста. Наверное, вы смотрели дурацкие сериалы по телику о романтичном тюремном братстве или о том, как легко организовать из тюряги побег. Может, вам кажется, что было бы круто подраться в столовой и защитить какого-нибудь хилого негра от тюремных паханов. Забейте на это, мужики, выбросьте дурь из башки. Я сидел всего лишь раз, слава богу нашему, да и не нашему тоже, — и мне хватило на всю оставшуюся жизнь.

Потому что в тюрьме — отвратно, тошно и просто ужасно. Свобода, которой мы, воры, так гордимся, в тюряге отсутствует напрочь, тебе с утра до вечера приказывают, что делать. Охранники хамят, да и сокамерники обычно подбираются не слишком добродушные. Оно и понятно, если узнать, за что они сели. В общем, могу сказать, что в метро в час пик толпа выглядит гораздо приятнее.

Да, и у вас не возникнет желания читать ни Пруста, ни «Войну и мир», или что там ещё вы всю жизнь мечтали прочитать. Ну да, времени-то, конечно, в тюрьме вагон, вот только в камере всегда шумно, и днём и ночью кто-то орёт, кто-то ругается, кто-то стучит ногами, двери хлопают, в общем — не сосредоточиться. По большому счёту там и поговорить не с кем — просто сиди да помирай от скуки.

А если вообще отвлечься от морализаторства, так воровство в принципе не имеет смысла. Я и сам знаю, что мне пора завязывать, и поверьте, пытался. Даже не вспомню, сколько раз я давал себе обещание исправиться. Одно время даже сумел продержаться пару лет, но затем по случаю грабанул квартирку, и снова понеслось. Это зависимость, понимаете, и пока ещё никто не разработал программу «Избавляемся от воровской зависимости за 12 шагов». Обидно! Думаю, я мог бы основать «Общество анонимных воров», ха-ха, даже не надо было бы искать подходящую церковь, где нам разрешили бы собираться. Мы могли бы взломать любой пентхаус.

Но пока я ещё в деле, единственное, что мне остаётся, — это стараться не забывать тюремные уроки. И состоят они не в том, чтобы, как нас учили там, «не укрась у ближнего своего», а в более коротком и практичном лозунге: «Никогда не попадайся!»

Лучший способ не попасться — свести риск к минимуму, а чтобы добиться этого, нужно постараться оценить потенциальное дело заранее и как можно тщательнее распланировать операцию. Возьмём, к примеру, мой проект ограбления дома Мейпса. Мне сообщили некую полезную информацию, расположение сейфа и вероятность нахождения в этом сейфе наличных денег, видимо не заявленных в налоговую инспекцию, из чего следует, что хозяин не будет склонен оповещать полицию об их исчезновении. Я заранее выяснил, кто обитает в доме: только сам Мейпс и его жена, дети давно выросли и разъехались. А ещё удостоверился в том, что у супругов куплен сезонный абонемент в Метрополитен-оперу, и, значит, скорее всего, в пятницу вечером их не будет дома. Я не поленился заехать в Линкольн-центр и посмотреть длительность спектакля — по всей вероятности, он закончится не раньше полуночи.

Затем, за два дня до намеченной операции, я провёл разведку — самолично отправился на место, оценил качество замков, решёток и сигнализации, прощупал систему защиты, пока не

нашёл в ней брешь. А затем засел дома, чтобы за оставшиеся два дня хорошенько подготовиться и продумать детали.

Конечно, систематический подход к делу не гарантирует осечек. Вот вам ещё один воровской закон: «Всегда будь готов к облому». У Мейпса или его супруги может разболеться голова или живот, и он/она решит остаться дома. Невестка Мейпса может поссориться с мужем — неудивительно, если он такой же козёл, как его папаша, — и выкинуть его из дома, и тогда юный Мейпс, пряча хвост и прочее хозяйство между ног, притащится обратно в родительское гнездо, чтобы переждать бурю в детской наверху. Я вот войду в дом и встречу его на кухне, и что тогда? Он ведь в колледже был одним из чемпионов по боксу в полутяжёлом весе и уж всяко лучше меня понимает, в какую точку надо бить беззащитного грабителя, чтобы обездвижить его.

Я могу продолжать до бесконечности, но вы уловили мою мысль. Всегда надо оставаться начеку — и это значит, что не следует ломиться в первую попавшуюся дверь, которая показалась вам приоткрытой.

И вот полюбуйтесь на разглагольствующего идиота — вот так, с бухты-барахты отправился на ночную вылазку! Шагаю по тёмным улицам, перчатки в одном кармане, отмычки — в другом, рискую своей свободой без всякой причины. Зачем? Почему?

А не «зачем» и не «почему», вот ответ. Я просто действовал под влиянием настроения, и всё. Давно сексом не занимался, понятно? И любимой женщины у меня не было, и вообще — достало вот так бессмысленно прозябать, захотелось встряхнуться, а поскольку я давно понял, что пить или шляться по борделям — не для меня, единственное, что могло мне помочь, — любимое дело.

Я поймал такси и доехал до угла Парк-авеню и 38-й улицы, а затем пошёл пешком по улицам района Мюррей-Хилл, смутно осознавая, что совершаю, возможно, самую большую ошибку в своей жизни.

Но противнее всего было то, что чувствовал я себя превосходно.

Глава 7

Первой точкой, которая мне приглянулась, стал дом на южной стороне 39-й улицы. Я постоял немного напротив, присматриваясь к нему и оценивая достаток жильцов. Помнится, у меня промелькнула мысль, что жильцы этого дома явно не бедствуют. Вот и хорошо, значит, и мне кусочек перепадёт. Я пересёк улицу, подошёл к дому и изучил медную табличку около двери, которая гласила: «Клуб Уильямс». Это вовсе не означало, конечно, что в доме жили только люди по фамилии Уильямс, скорее наоборот — просто все жильцы дома в своё время посещали Уильямс-колледж.

Минуту-другую я соображал, как лучше поступить. Если это действительно клуб, то велика вероятность, что внутри никого нет. В клубах не оставляют включённым свет, не принято. На всех четырёх этажах окна были тёмными, как совесть прожжённого вора. Я знал, что в некоторых клубах есть спальни для иногородних членов или для тех, у кого возникли семейные проблемы, но они должны располагаться на верхнем этаже — в любом случае никто не услышит, как я хожу внизу.

Topreading.ru

Я также не думал, что в доме установлена какая-нибудь супер-пупер сигнализация. Насколько я знал, пока никому в голову не приходило грабить частные клубы Нью-Йорка, так зачем бросать на ветер несколько тысяч долларов, собранных на взносы его членов? Двери наверняка заперты, и замки, полагаю, из дорогих, ну и что? Чем лучше замок, тем приятнее его вскрывать. Кому интересно проходить в открытую дверь? Никакого адреналина, сплошная обывательская скука.

Но попасть внутрь — это лишь первое дело. Надо ещё выбраться наружу, и не с пустыми руками. Я был почти уверен, что у них есть приличный винный погреб и уютная бильярдная, может быть, и неплохой бар, но не пойду же я на взлом только для того, чтобы украсть пару бутылок вина, даже если вино будет высшего качества? А деньги? Скорее всего, налички у них нет вообще. Кто платит наличными в клубе? Здесь даже пластик не используют, наверное, расписываются за выпивку и так далее, а потом раз в месяц отправляют чек. На стенах, конечно, будут висеть картины в резных золочёных рамах и портреты того самого Уильямса, который когда-то основал этот клуб, а также наиболее выдающихся членов клуба, президентов и спортсменов. И если вы хотите наварить на них бабла, вам придётся вырезать портреты из рам, а затем постараться толкнуть рамы — за портреты-то вам никто ломаного гроша не даст.

Я помедлил ещё пару минут, но всё-таки пошёл дальше. Вообще-то меня так и подмывало пройти по тёмным коридорам клуба, почувствовать под ногами слегка потёртый ковёр, налить себе рюмку тёмно-вишнёвого портвейна или золотистого бренди, посидеть в библиотеке, вдыхая запах хороших сигар, пропитавший тяжёлые занавеси. Может быть, я найду запас этих сигар, сяду в мягкое кресло, зажгу лампу и возьму в руки старинную книгу…

«Иди домой!» — возопил внутренний голос прямо у меня над ухом, но я только досадливо отмахнулся от него.

Мне нужен был дом из красного кирпича. И с облицованным бурым песчаником фасадом. Таких зданий в Нью-Йорке довольно много. Я искал солидный дом на три-четыре этажа, но не больше пяти, и, впрочем, совсем не обязательно, чтобы он был снаружи бурым. Даже если цвет облицовки — песочный, не в этом дело, дом может быть вообще не облицован.

Здесь я должен кое-что объяснить. Снаружи подобные здания различаются лишь слегка, но внутри них обычно творится полный кавардак. Дело в том, что изначально дома эти строились на одну семью, так что этаж «гостиной» или «салона» обычно располагается на полпролета выше уличного уровня. Здесь потолок выше, чем в спальнях верхних этажей или в подвале. Бывало, конечно, что подобные здания строились на три-четыре семьи, по одной семье на этаж (не путать с кварталами голодранцев, которые живут не в квартирах, а в комнатах; иногда у таких домов фасады тоже бурые, что вносит ужасную путаницу в выбор объекта и бесит меня ужасно!). Поэтому так важно правильно выбрать район.

В начале прошлого века особняки разорившихся владельцев массово перекупались и перекраивались в многоквартирные дома, некоторые даже опустились до того, что наряду с квартирами сдавали внаём комнаты. Но на следующей стадии процесс пошёл в обратную сторону: уплотниловка всем надоела, дома стали вновь перестраивать на трёх- или четырехсемейные резиденции, а то и возвращать к изначальной роли — особняка на одну семью.

Я знал, что Мюррей-Хилл никогда не опускался до уровня коммуналок, насколько мне было

известно, все бурые дома содержали не менее одной семьи на этаж, а многие оставались частными резиденциями. Там были и «метисы», сочетавшие офисные помещения на первом этаже и жилые — выше. Некоторые здания превратились в частные клубы — я только что видел один, — а некоторые целиком состояли из офисов, но всё же в большинстве случаев в них жили люди. Состоятельные люди. Привлекательность им также придавало то, что, в отличие от многоквартирных высоток, здесь не было консьержей, лифтёров и видеокамер на дверях в подъездах.

Вообще-то бояться консьержей не следует — они ничуть не страшнее «бифитеров», этих стариков в красных костюмах йоменов, что «охраняют» лондонский Тауэр. В другое время и при благоприятных обстоятельствах я показал бы вам несколько забавных трюков, которые помогут одурачить любого, даже самого бдительного консьержа, но сегодня обстоятельства не располагали. Я не знал имён жильцов дома, не наметил своей жертвой определённую квартиру, так что лучше мне было ограничиться бурым камнем.

Так я шёл, решая, с какого дома начать.

Я гулял уже полчаса, а то и дольше, минут сорок пять. Может быть, вам кажется, что выбрать объект очень просто и нечего тратить на это так много времени? На самом деле мне и самому так казалось, даже возникло ощущение, что я подсознательно тяну время; погуляю так пару часов да и отправлюсь домой баиньки.

Но нет! Внезапно я остановился как вкопанный перед очередным бурым фасадом (кстати, потом выяснилось, что это был настоящий бурый песчаник) на 36-й улице между Лексингтоном и 3-й авеню. На первом этаже тёмными окнами на улицу глазело туристическое агентство, окна второго этажа, где раньше находилась гостиная, были ярко освещены. Табличка у двери сообщала, что там расположена галерея искусства диких африканских племён, но большинство экспонатов явно происходили из Австралии-Океании, хотя я заметил несколько африканских статуэток, включая бронзового леопарда родом явно из Бенина, а также интересную маску, похожую на произведения племени догонов.

Наверняка галерея была оснащена сигнализацией, экспонаты застрахованы, но меня они и так не заинтересовали. На фиг мне красть образцы примитивного искусства? И куда я потащу их посреди ночи? Даже если мне удалось бы пронести их незаметно, кому я смог бы их продать?

Я поднялся по ступеням и внимательно изучил имена на табличках напротив трёх звонков (у туристического агентства в полуподвале был отдельный вход). Нижняя гласила: «Галерея Ладисласа Сабо». Немного выше я прочёл: «Дж. Фельдмаус», а ещё выше просто: «Крили».

Кого же выбрать: Крили или Фельдмауса? Фельдмаус или Крили? Надо было выбирать, но сначала стоило попасть внутрь здания.

Дверей было две, первая вела в вестибюль, а вторая — куда-то вглубь здания. Обе заперты, конечно, но замкам было явно далеко до гордиева узла, поэтому я решил действовать традиционным способом. Я осмотрел дверь снаружи, провёл пальцем по замочной скважине — клянусь, если бы дверь на этом распахнулась, я не сильно бы удивился. Но поскольку она не открылась, я, предварительно быстро оглядев улицу, достал свои волшебные отмычки и принялся за работу.

Как раз в этот момент из-за угла плавно вывернула полицейская машина, доверху забитая бдительными служителями закона.

Topreading.ru

Дверей было две, первая вела в вестибюль, а вторая — куда-то вглубь здания. Обе заперты, конечно, но замкам было явно далеко до гордиева узла, поэтому я решил действовать традиционным способом. Я осмотрел дверь снаружи, провёл пальцем по замочной скважине — клянусь, если бы дверь на этом распахнулась, я не сильно бы удивился. Но поскольку она не открылась, я, предварительно быстро оглядев улицу, достал свои волшебные отмычки и принялся за работу.

Как раз в этот момент из-за угла плавно вывернула полицейская машина, доверху забитая бдительными служителями закона.

Они меня не разглядывали, а впрочем, что они могли увидеть необычного? Мужчина средних лет, респектабельно одетый, в свободных брюках и тёмно-синем блейзере, пытается открыть дверь своего дома. Ну и что? Может быть, не с первого раза попал в замочную скважину, так он и рюмку явно не одну выпил. Вообще-то замок был сущая ерунда, открылся настолько легко, будто в руках у меня и в самом деле был ключ. Я спокойно переступил порог и закрыл за собой стеклянную дверь. После этого медленно оглянулся и осмотрел улицу. Машина уже скрылась за углом.

Приятно, однако, что парни в форме всегда на посту и готовы защищать нас, простых обывателей.

Я вытащил из кармана резиновые перчатки и надел их — постеснявшись сделать это на виду у копов — и приступил ко второй двери. Она открылась так же легко, как и первая. Я тихо защёлкнул замок у себя за спиной и оказался в темноте вестибюля, освещённый лишь тусклым светом, проникающим с улицы. Постоял, слушая звуки дома.

Было тихо как в могиле.

Я поднялся на один пролёт и остановился напротив квартиры Фельдмауса. Что за фамилия такая — Фельдмаус? Я не очень хорошо знал немецкий, но даже мне был понятен перевод: «полевая мышь». «Крили» звучало немного по-ирландски, может, с шотландской примесью, но что значило это имя, я не мог себе представить. Да и какая разница, в конце-то концов?

Так кто же — Крили или Фельдмаус?

При прочих равных я всегда выбираю квартиру пониже: во-первых, не надо подниматься по лестнице, а во-вторых, и главных, — быстрее можно слинять на улицу. Под дверью Фельдмауса было темно. Я послушал немного, ничего не услышал, вдохнул полной грудью и нажал кнопку звонка.

И опять ничего не услышал, кроме отзвуков звона, но ждал, ждал терпеливо и собирался снова позвонить, как за дверью послышались шаркающие шаги и недовольное кряхтение, перешедшее в хриплый стон, который обычно издаёт человек, в темноте ударившись ногой об острый угол. Шаги прекратились на время, затем раздались снова.

Я не знал, какого пола верхний жилец — мужского или женского, поэтому придал своему голосу подобающую случаю невнятность:

— Э-э-э-э, мисс…р… Крили?

Шаги снова прекратились, я представил себе выражение лица Фельдмауса и чуть не прыснул. Он прокашлялся и сказал:

— Выше на этаж.

— О, прошу прощения, сэр, — извинился я с британским акцентом.

— Вот идиот чёртов, — пробормотал Фельдмаус довольно громко, но без особой злости.

Я прошагал к лестнице, слыша, как он, спотыкаясь, бредёт обратно в постель.

На следующем этаже я повторил процедуру в той же последовательности: выяснил, что в квартире, или, по крайней мере, в прихожей, темно, и нажал кнопку звонка. Если Крили подойдёт к двери, я скажу точно таким же голосом: «Мистер Фельдмаус?» По крайней мере, я знаю теперь, что Фельдмаус — мужчина. Конечно, в дебрях квартиры может скрываться и миссис Фельдмаус, но мне от этого ни тепло ни холодно.

Тогда Крили, мистер или миссис, скажет, что Фельдмаус живёт на этаж ниже, я извинюсь всё с тем же британским акцентом (до сих пор он мне исправно служил). А затем спущусь по лестнице, и не на один этаж, а на целых два, выйду на улицу и, да поможет мне Господь, поймаю тачку и отправлюсь восвояси.

Но шагов за дверью не было слышно.

Я опять позвонил — никакого ответа. Я приставил ухо к двери и позвонил ещё раз — ничего.

На двери было три замка. Я очень быстро отпер все три, или думал, что отпер: средний замок вообще не был заперт, и, вместо того чтобы отодвинуть железные цилиндры, я, наоборот, задвинул их в паз. Пришлось ещё немного поработать отмычками, наконец дверь открылась.

Я толкнул её и вошёл внутрь.

Глава 8

Боже, знали бы вы, какое счастье пережить эти первые мгновения перед работой!

Мне не передать словами то ощущение полноты жизни, полёта, абсолютного блаженства, которое я испытываю каждый раз, вторгаясь в частную жизнь моих клиентов. Кажется, что кровь быстрее обычного разбегается по жилам, все чувства обостряются до предела, а в пальцах начинается приятное, стремительно нарастающее жжение и покалывание. Господи, пишу эти строки и понимаю, что выгляжу как патологический маньяк. Однако врать не стану: я и в тот раз чувствовал необыкновенный подъём энергии, предвкушение нового приключения, при этом у меня не было ощущения опасности — почему-то я как будто знал, что нахожусь там, где мне положено быть, и делаю то, что нужно сделать.

Понятное дело, вы в два счёта можете разделать под орех меня с моими чувствами — и ежу ясно, что я находился там, где законом Соединённых Штатов мне было запрещено находиться, — без спроса на чужой территории, — которую я к тому же собирался ограбить, что, между прочим, тоже запрещено законами нашей страны. Знаю всё это, но ничего не могу поделать. Я чувствовал себя на вершине мира!

На самой вершине, чёрт меня подери!

Topreading.ru

Пару минут я постоял в прихожей, прислушиваясь к биению сердца, поигрывая мускулами и наслаждаясь нарастающим уровнем адреналина в крови. В квартире было темно, но вскоре глаза мои привыкли к темноте. Первое, что я сделал, — повернулся к двери и запер все три замка. А затем пошёл на экскурсию по комнатам.

Комнат было три. Из прихожей дверь вела в среднюю из них, комбинированную кухню-столовую. Налево открывалась дверь в достаточно просторную гостиную, выходящую окнами на 36-ю улицу. С другой стороны кухни располагалась спальня, почти такая же большая, как гостиная, — её окна выходили через внутренний дворик на 35-ю. Каждую из комнат можно было бы легко переоборудовать в отдельную студию, такие они были огромные, видать, этот Крили (или эта) даже по нью-йоркским меркам был вполне хорошо устроен. (Конечно, не будем забывать, что в каком-нибудь занюханном штате Иллинойс любая необразованная негритянка, живущая на пособие по безработице, имеет примерно столько же квадратных метров, да ещё и бесплатную лужайку в придачу.) Но, ребята, Нью-Йорк — это ведь совсем другое дело!

В спальне на окнах были установлены светонепроницаемые жалюзи: я с удовольствием опустил их, затем задёрнул занавеси. Интересно, для чего Крили понадобилась такая светомаскировка? Может, он работает по ночам, а днём отсыпается? Если так, у меня в запасе куча времени, мне гарантирована целая ночь.

Я включил ночник около кровати и осмотрелся. Огромная кровать — двух-, а то и трехспальная, из датского тика — была застелена, подушки взбиты. Значит, Крили — женщина, или, по крайней мере, живёт с женщиной. Какой мужик будет каждый день стелить постель? Нет, отставной вояка, наверное, всё же застилает свою суровую койку каждое утро, но здесь, похоже, не тот случай. Взгляд, брошенный мной на трюмо красного дерева, заставленное баночками и скляночками с кремами, пудрами, лосьонами и тому подобной ерундой, подтвердил мои умозаключения. Да, Крили — дама, и к тому же не мужланка какая-нибудь, в шкафу у неё было полно платьев на выход, деловых костюмов и изящных спортивных вещей.

Выйдя из спальни, я прикрыл дверь так, чтобы только узкая полоска света освещала мне дорогу, и через кухню прошёл в гостиную, где было посветлее от светивших в окно уличных фонарей. Здесь на окнах висели тяжёлые бархатные занавеси неопределённого цвета, которые, похоже, не снимали со времён вьетнамской войны. Стараясь не чихнуть, я плотно задёрнул их, включил торшер и попытался почувствовать себя как дома.

Иногда мне кажется, что в моей работе этот момент самый приятный: ты уже попал на чужую территорию, но ещё не приступил к работе и на несколько мгновений можешь позволить себе расслабиться. Ты въезжаешь, вползаешь в чужую жизнь так же легко и непринуждённо, как проскользнул в чужую дверь. Я растянулся на диване, потом посидел в креслах, прошёлся вдоль книжных полок (они пестрели книгами в мягких обложках, модные авторы, не самая поганая жёлтая бурда). Это говорило о том, что Крили — дама современных взглядов и следит за новинками литературы, однако принципиально не покупает дорогих книг, таким образом претенциозно заявляя миру об отсутствии у неё претензий. Интересно. Я двинулся на кухню, открыл холодильник. Яйца, бекон, несколько видов колбасы, разнообразный ассортимент дорогих сыров. Молока не нашёл, зато были жирные сливки. Ни пива, ни хлеба, ни печенья. Что это значит? То, что, скорее всего, она придерживается какой-нибудь новомодной диеты, например, кушает одни белки по доктору Аткинсу (кстати, я видел его бессмертный труд на книжной полке).

Topreading.ru

И похоже, её усилия достигают желанных результатов, судя по размеру одежды в её шкафу. Видимо, похудела она уже давно — даже если раньше была толстушкой, успела избавиться от уличающих её огромных юбок.

Мисс Крили звали Барбара — это я узнал, прочитав какой-то чек из толстой пачки, лежавшей на столе; быстренько просмотрев другие счета, я убедился — да, Барбара, всё верно. Чековой книжки нигде не было видно — скорее всего, Барбара Крили носила её с собой в сумочке. Она жила одна и чаще всего спала тоже одна, хотя, совершенно очевидно, в душе лелеяла Большие Надежды.

Как я это узнал? Ну, заглянул в шкаф для начала — если бы у неё был постоянный бойфренд, я так или иначе обнаружил бы следы его присутствия, однако таковых не нашёл. Кровать Барбара покупала явно в расчёте на совместное использование, если не постоянно, то хотя бы время от времени, но небольшая вмятина, продавленная её телом в матрасе, поведала мне, что чаще всего Барбара спит одна и всегда на правой стороне кровати.

Ну и что тут такого? Да, я проверил матрас. Откинул покрывало и внимательно пощупал с обеих сторон. Вовсе не из похотливых соображений, будьте уверены, а просто из неуёмного любопытства. Знаю, вы скажете, что это точно так же постыдно — ведь я копался в её белье, совал свои защищённые перчатками руки к ней под одеяло. Конечно, закончив осмотр, я застелил постель, но факт остаётся фактом, правильно?

Несколько лет назад одна приятельница Кэролайн рассказала нам, что она чувствовала, когда ограбили её квартиру. Вор, кстати, не так уж много и взял — у неё много и не было, ха-ха-ха, — но не это возмутило и расстроило приятельницу Кэролайн больше всего. «Понимаете, он вошёл ко мне в спальню, — говорила она, содрогаясь от омерзения, — он перетрогал все мои вещи! Мне хотелось сжечь всю одежду, всё бельё и вызвать службу по борьбе с тараканами. Я даже готова была вообще поменять квартиру, перебраться куда угодно, хоть в Небраску, а вы прекрасно знаете, что я думаю о Небраске. Матерь Божия, такое чувство, что меня изнасиловали!»

И я её прекрасно понимаю. Когда мою собственную квартиру обнесли — кстати, совершенно непрофессионально, — я чуть не рехнулся от гнева. Проклятый гад, например, вывалил из шкафа на пол все мои книги — вообще устроил полный свинарник в комнатах. Я тогда в первый раз в жизни понял, что чувствуют ограбленные мной клиенты после моих посещений. Я вяло пытался оправдаться тем, что сам никогда не устраиваю такого беспорядка, не бью посуду, ничего не пачкаю, однако понимал, какой это слабый аргумент. По большому счёту я для моих жертв был точно таким же насильником.

Ну так что же мне теперь — повеситься? Когда-нибудь придёт и мой час, я образумлюсь, исправлюсь и так далее. А пока этого не случилось, дайте и мне хоть немного порадоваться жизни.

Но довольно болтовни — пора было приниматься за дело.

Есть одно выражение, которое, как мне сказали, когда-то придумали солдаты инженерных войск. Сейчас я его часто вижу на футболках, стикерах, приклеенных на задние стёкла машин, и так далее. Слова немного меняются, но в принципе мысль остаётся такой: «Когда ты оказываешься по уши в болоте, а вокруг кишат крокодилы, довольно сложно вспомнить, что ты

приехал сюда для того, чтобы осушить это болото».

Вот так и я: поместите меня в чужую квартиру, и я как маньяк начну перебирать личные вещи хозяев, бродить по комнатам, трогать мебель и иногда настолько увлекаюсь, что могу забыть, что меня вообще сюда привело. А приводит меня в чужие дома, друзья, мерзкая, гадкая, неизлечимая жадность.

Ни для кого не секрет, что все воры — жадные. Мне неловко сознаваться в этом, но я обещал быть с вами откровенным. Если бы нам хватало того, что мы можем честно заработать, мы не пошли бы путём порока. Но что же нам делать, если мы хотим больше, чем другие, и я в тот вечер хотел (это и привело меня в квартиру Барбары Крили) забрать всё ценное, что мог у неё найти.

Девушка явно получала очень прилично — иначе не жила бы в такой квартире да ещё в престижном районе, — но где гарантии, что я смогу заработать на этом визите? Может, она хранит деньги в банке? Или спускает всё на путешествия либо на рестораны? А может, вообще снимает банковскую ячейку и хранит драгоценности там?

Я прошёлся с тщательным обыском по всем трём комнатам. К концу осмотра в моём распоряжении оказались следующие предметы: пара золотых серёг, украшенных камнями, весьма похожими на бриллианты и рубины, хорошие швейцарские часы из белого золота и золотой браслет с дурацкими подвесками в виде зверюшек и монеток. Все эти предметы не имели особой художественной ценности, но по граммам и каратам кое на что тянули. К тому же в морозильнике среди бифштексов и котлет я нашёл конверт, содержащий 1240 долларов США мелкими купюрами.

Разумеется, у Барбары Крили были и другие украшения, например кольцо с выгравированной датой окончания школы — золотое с ониксом — и куча всяких браслетов и серёг. А ещё — симпатичный золотой медальон на золотой цепочке, внутри которого я обнаружил портреты двух немолодых людей, скорее всего родителей Барбары.

Можно было бы забрать и их, но, видите ли, у меня своя система грабежа — я стараюсь соотнести рыночную ценность того или иного предмета с его, так сказать, сентиментальной ценностью в глазах владельца. Понимаете, о чём я? Для Барбары фотки её родителей и школьное кольцо, скорее всего, имели личную ценность, так стоило ли мне уж слишком сильно жадничать? В конце концов, я не хотел обижать её, вот и всё, что могу сказать.

Конечно, грабил бы я, к примеру, Элизабет Тейлор, то не стоял бы в раздумье над бриллиантовым колье, даже если бы это был подарок Ричарда Бёртона и чуть раскосые фиалковые глаза кинодивы каждый раз при виде его туманились слезами. Я бы всё равно спёр колье. Я — сентиментальный вор, признаюсь вам и в этом, однако мои сантименты никогда не идут вразрез со здравым смыслом. Но в шкатулке Крили бриллиантовых колье не было, а потому я увязал свою нехитрую добычу в узелок, оставив хозяйке всё остальное.

По пути к выходу я навёл порядок, потом для верности снова прошёлся по квартире, чтобы удостовериться, что вещи лежат и стоят так, как раньше. Ещё раз оглядевшись, я выключил свет в гостиной, раздвинул бархатные шторы, и тут на лестнице раздались громкие шаги.

Вот дьявол, какая непруха!

Я на цыпочках помчался по квартире, выключил свет на кухне и в спальне, всё время прислушиваясь к шуму на лестнице. На втором этаже шаги стихли, и на мгновение я с облегчением подумал, что это вернулась загулявшая миссис Фельдмаус, но, увы, моим

надеждам не суждено было сбыться.

Шаги возобновились, я услышал бормотание — то ли Барбара имела привычку говорить сама с собой, то ли она возвращалась домой не одна. Ну ничего, у меня есть пара минут: пока она будет вскрывать замки — то есть отпирать, — я смогу покинуть её гостеприимный дом через пожарный выход.

Я поднял тяжёлые жалюзи и схватился за створку окна.

Окно не двигалось.

Я дёрнул изо всех сил — не поддаётся! Я ещё раз проверил, не заперто ли оно, — нет, гораздо хуже. Оно вообще было заколочено намертво! Видимо, Барбара, или кто там жил в квартире до неё, параноила насчёт грабителей, смывающихся с места преступления через окно, и наглухо заколотила раму. Проклятье! Конечно, верхняя фрамуга открывалась, но вылезти через неё не представлялось возможным. Идиотка Барбара! А что она будет делать, если начнётся пожар?

Чёрт с ней, что буду делать я? И прямо сейчас?

Нежданные гости уже добрались до двери, теперь я точно знал, что их двое, и один из них говорил басом — стало быть, мужчина. Ай-ай-ай, Барбара, нарушаем свои привычки? Похоже, сегодня ночью тебе уже не придётся спать на правой стороне кровати, так, крошка? Наконец-то счастье улыбнулось и мисс Крили! От меня-то оно как раз отвернулось.

Барбара долго возилась с замками, и я мысленно поблагодарил её за это. Похоже, они с приятелем пропустили не по одной рюмочке. Что ж, типичное поведение для малознакомых людей, собирающихся провести вместе ночь. Тревоги, опасения и моральные запреты обычно исчезают после некоторого количества выпитого алкоголя. Но рано или поздно она всё-таки откроет проклятые замки, и что тогда прикажете делать?

Куда спрятаться? В шкаф? За всё время моей карьеры мне приходилось дважды отсиживаться в шкафу, и оба раза меня не нашли — я нюхом чуял, что в третий раз так не повезёт.

— Мать твою, дай уж мне свои идиотские ключи, — раздражённо сказал басовитый мужской голос, и я понял, что времени у меня не осталось.

Грациознее кошки я кинулся на пол и забился под кровать.

Глава 9

Я старался не слушать.

Я только что признался, что с удовольствием копался в личной жизни Барбары Крили, но это — совсем другое дело. Мы не были с ней знакомы, я только хотел потрогать её вещи и попытаться представить себе, какой должна быть их хозяйка! И вот теперь она сама явилась домой, да не одна, а с любовником. В том, чем они собираются заняться, сомневаться не приходилось, и если избыток страсти не остановит их на полпути и они не решат начать на кухонном столе, то с большой степенью вероятности всё произойдёт прямо у меня над головой.

Грациознее кошки я кинулся на пол и забился под кровать.

Глава 9

Я старался не слушать.

Я только что признался, что с удовольствием копался в личной жизни Барбары Крили, но это — совсем другое дело. Мы не были с ней знакомы, я только хотел потрогать её вещи и попытаться представить себе, какой должна быть их хозяйка! И вот теперь она сама явилась домой, да не одна, а с любовником. В том, чем они собираются заняться, сомневаться не приходилось, и если избыток страсти не остановит их на полпути и они не решат начать на кухонном столе, то с большой степенью вероятности всё произойдёт прямо у меня над головой.

Я чуть не застонал от досады. Ведь я уже был дома, спрятал инструменты, разделся, выпил чаю и готов был спокойно провести ночь. Ну какого чёрта лысого я попёрся из дома вон? К чему?

Но нет, видимо, для такой личности, как я, спокойно спать в своей кровати слишком скучно. Непременно надо найти приключения на собственную задницу. Что ж, гораздо интереснее проводить ночь под чужой кроватью, прижатым к полу пыльным матрасом. Здесь и сейчас-то места немного, а что будет, когда поверх меня улягутся два тела?

Ну а если кому-нибудь из них придёт в голову заглянуть под кровать — всё, я пропал. Мне отсюда быстро не выскочить. Единственное, что я смогу сделать, — это закрыть голову руками и ждать, когда копы выволокут меня наружу.

— Что-то спать так хочется… — пробормотала женщина.

— Точно, детка, сегодня ты классно выспишься, — бодрым голосом сказал мужчина.

— Глаза прям… закрываются…

— Так и должно быть — эти колёса и лошадь свалят.

— Где это я?

— В твоей собственной квартире, дура, ты живёшь тут, поняла? Эй, а фигурка-то у тебя неплохая, ух, вы только посмотрите на эти буфера! Нет, не падать, не падать, дай-ка я тебя раздену.

— Спать…

Я не мог не слушать и очень скоро понял, что именно происходит у меня над головой. Как он сказал: «эти колёса и лошадь свалят»? Ну конечно, он явно накормил мисс Крили снотворными таблетками, идеальным средством для тех, кто хочет изнасиловать свою жертву без лишних хлопот. Бедная Барбара! Её уже ограбили (хотя она об этом ещё не подозревала), а теперь собирались изнасиловать (хотя, похоже, и *об этом* она не подозревала).

Мне пришло в голову, что следует вмешаться. Но что я мог сделать? Если бы я попытался выбраться из-под кровати, то явно дал бы ему фору — я залетел под кровать головой вперёд, так что выбираться пришлось бы вперёд ногами, и к тому моменту, как моя голова появилась бы из-под оборок, он вполне мог обрушить на неё что-нибудь тяжёлое. Но даже замешкайся он — что бы я сделал? Я никогда не умел толком драться, не боксировал, не занимался восточными единоборствами и, если не ошибаюсь, в последний раз дрался лет в одиннадцать.

Тогда Кевин Фогельзанг разбил мне нос, впрочем, вполне заслуженно, вероятно, не стоило чирикать над его ухом «чики-чики-чики-чик!». (Дело в том, что его фамилия на нормальном языке означает «птичий щебет». Если бы я учился в одном классе с Фельдмаусом, я, наверное, пищал бы как мышь «пии-пии-пии», пока не заработал бы синяк под глазом. Да, в одиннадцать лет я мог и ангела вывести из терпения!)

Проблема ещё и в том, что я не только плохой боец, во мне нет также достаточно уверенности, чтобы одним своим видом ввести оппонента в смущение. Скорее наоборот — я сейчас сам пребывал в смущении, хотя даже не видел насильника: мне было достаточно услышать его тяжёлые шаги и басовитый голос, и воображение сразу нарисовало качка килограммов под сто, из тех, что проводят всю жизнь в спортзале, поднимая разные железяки. Конечно, в книгах пишут, что, если сердцем вы чисты, ваша сила удесятерится, но, увы, ко мне это не относилось. Допустим, моя сила возросла бы в десять раз, но его сила в таком случае увеличилась бы в одиннадцать, даже если сердцем он был чёрен, как задница самого чёрного негра.

Понимаете, о чём я? Так что, несмотря на мой рыцарский порыв, я остался лежать под кроватью — распластанный, неподвижный, как кораблик, нарисованный на кусочке холста, пока негодяй не спеша снимал мерки с Барбары Крили.

Я не буду углубляться в то, что произошло в течение следующих десяти-пятнадцати минут, если, конечно, вы не возражаете. Я-то не мог заткнуть уши, и звуки вызывали у меня перед глазами соответствующие картинки, однако оставлю их при себе. Бедная Барбара, конечно, изрядно пострадала, но, по крайней мере, она не понимала этого, так и вам знать ни к чему.

Я только что сказал, что Барбара не понимала, что с ней происходит, но это не значит, что она спала беспробудным сном. В какой-то момент её голос прозвучал звонко и достаточно осмысленно:

— Кто вы? Что вы тут делаете?

— Заткнись, — посоветовал ей насильник.

— Да что тут происходит?

— Ты трахаешься с мужчиной, — сказал он, — да только, к сожалению, утром ничего не сможешь вспомнить. Наверное, удивишься, с чего у тебя там всё болит, а я уж постараюсь, чтобы ты подольше об этом помнила.

Он хрипло рассмеялся, но она ничего не ответила — наверное, снова провалилась в вызванный таблетками сон. Есть такое средство, рогипнол, если то, что я слышал о нём, верно, это снотворное идеально подходит для подобных случаев. Подмешать девушке пару таблеток в напиток — и порядок. Оно начисто отшибает память, к тому же жертва сохраняет подобие двигательной активности, хоть и бессознательной, некоторые даже участвуют в сексуальном контакте, двигаясь в одном ритме с насильником и издавая приличествующие случаю стоны и вздохи.

Так что, если хотите, запомните — рогипнол, лекарство для быстрой любви без последствий. Я одного не могу понять: зачем кто-то хочет его использовать на живом человеке? Где удовольствие от сексуального контакта с бессознательным существом, которое никогда даже

Topreading.ru

не вспомнит вас? В чём прикол в таком, с позволения сказать, сексе? Не лучше ли заняться любовью с надувной куклой?

Если подумать, многие именно так и поступают — по крайней мере, секс-индустрия производит их миллионами штук. Видимо, огромному количеству мужчин наплевать, хорошо ли их партнёрше и даже существует ли она вообще. Но в принципе я понимаю, что настоящая, накачанная наркотиками женщина гораздо удобнее резиновой. Во-первых, её не надо надувать, она сразу готова к использованию, а во-вторых, можно не бояться, что в критический момент она вдруг сдуется.

Полагаю, что Барбара Крили в своей роли живой резиновой куклы функционировала вполне удовлетворительно, поскольку её партнёр, похоже, получал от процесса огромное удовольствие. Он громко сопел, урчал и кряхтел, повторяя «детка, детка, ну давай же» и тому подобную мерзость, а в конце уже и вовсе дал волю крикам. Затем кровать наконец-то перестала двигаться надо мной, и подонок ненадолго заткнулся. Потом поднялся с кровати и, видимо, уставился на свою жертву.

— Неплохо, неплохо, — заметил он. — А ты, оказывается, горячая штучка! Для дохлятины так просто первый класс. — Он захохотал тем же грубым смехом, что я слышал раньше, а потом сказал с издевательской нежностью: — Дорогая, а тебе понравилось? Тебе было хорошо? — И снова начал ржать как конь.

Я в ужасе замер. «Для дохлятины»? Неужели это были не просто таблетки? Нет, не может быть! Да нет же, он только напичкал её рогипнолом, чтобы попользоваться, — не до смерти, а так, на время, до утра.

Пока я гадал, не случилось ли здесь, часом, ещё и убийства, отморозок прошлёпал по квартире, топая, роняя стулья и гремя ящиками. Сколько шума он производил! И я скоро понял, чем именно он занимается. Проклятый мародёр! Но всё равно я ничего не мог поделать. Просто лежал под кроватью, как пыльный мешок, и ждал.

Потом этот гад на время заткнулся, мне даже пришло в голову, что, возможно, он слинял по-тихому, но нет, шаги снова раздались у меня над ухом, и я услышал странное электрическое жужжание. «Это ещё что?» — подумал я.

И тут он заговорил:

— Ага, значит, нас зовут Барбара. — Похоже, он только сейчас узнал её имя. — Куколка Барби, так выходит? Куколки должны быть гладенькие. Везде… Барби, не возражаешь, если я сделаю тебе интимную причёску? Маленький сюрприз… Кстати, на будущее — мужчины не любят, когда им приходится продираться сквозь заросли. Поняла, крошка?

Бритва продолжала жужжать.

— Да ладно, плевать на твою растительность, — пробормотал подонок. За этими словами последовал резкий стук — видимо, он швырнул бритву на пол. — Ладно, пока, — сказал он. — Спи спокойно, глупая корова!

Захлопнув за собой дверь квартиры, он затопал вниз по лестнице. Я услышал, как стукнула входная дверь. Героический грабитель (думаю, понятно, о ком речь) подождал ещё немного для верности, а потом, извиваясь всем телом как червяк, вылез из-под кровати на свет божий.

Мерзавец насильник оставил после себя прямо-таки чудовищный беспорядок — видимо, искал, чем бы поживиться. Ограбив бедную Барбару сексуально, он решил, что не грех напоследок ограбить её и материально.

Мерзавец насильник оставил после себя прямо-таки чудовищный беспорядок — видимо, искал, чем бы поживиться. Ограбив бедную Барбару сексуально, он решил, что не грех напоследок ограбить её и материально.

Чёрная кожаная сумочка валялась на полу, там, куда он швырнул её, содержимое разлетелось по всей спальне. Я поднял помаду, расчёску, чековую книжку, ключи и вернул всё на место. Бумажник из зелёной кожи с золотым тиснением лежал в углу, я нагнулся и поднял его, мимоходом отметив, что водительские права были наполовину выдвинуты из кармашка — наверное, так негодяй узнал её имя. На правах значилось: Барбара Энн Крили. Судя по дате рождения, ей недавно исполнилось тридцать два года. С фотографии смотрела хорошенькая темноволосая женщина с обаятельной, хоть и несколько вымученной улыбкой — вероятно, снималась после тяжёлого экзамена у какого-нибудь *шмендрика* из отдела транспортных средств.

Переступив через груду одежды, я отнёс бумажник к кровати и сравнил фото с оригиналом. Барбара лежала на спине совершенно голая, голова запрокинулась, рот открылся, что вообще-то не красит женщину, но мне она показалась даже более симпатичной, чем на фотографии, — в другое время я вполне мог бы приволокнуться за ней. Правда, сейчас девушка возбуждала во мне только жалость. Рискуя разбудить, я прикрыл её простынёй, но она, конечно, даже не пошевелилась. Слава Аллаху, она была жива, дышала глубоко и ровно и, видимо, собиралась проспать до утра.

Я быстро просмотрел бумажник: странно, но подонок оставил кредитки на месте. И другие банковские карты тоже. Конечно, он не сумел бы снять с них деньги, поскольку не знал её ПИН-кода, но мог бы всё равно их забрать, и я порадовался, что он не додумался этого сделать. Явно не был профессионалом. Есть воры, которые, застав в квартире привлекательную женщину, могут соблазниться и изнасиловать её, так сказать, за компанию с основной работой. Видимо, этот ублюдок относился к другой категории — насильников, которые после сексуального контакта с женщиной «за компанию» грабят и разносят её квартиру. Именно поэтому он оставил ей кредитки — ему надо было изнасиловать не только хозяйку квартиры, но и саму квартиру.

Конечно, денег в бумажнике не оказалось. Я положил его назад в сумочку, собрал с пола разбросанные вещи и тоже запихнул в сумку. Потом задвинул выдвинутые ящики, предварительно вернув на место их содержимое. Похоже, он взял кое-что из её украшений: родительский медальон просмотрел, но забрал, придурок чёртов, её школьное кольцо. Вот сволочь!

В ванной комнате он, видимо, развлекался тем, что швырял в стену флаконы и бутылочки. Лишь один из флаконов оказался стеклянным, остальные не разбились. Я собрал осколки, чтобы Барбара не порезалась, когда пойдёт утром в ванную, и подмёл пол. Пока подметал, нашёл её розовую бритву на полу: пластиковый корпус треснул, я подвигал рычажком и, увидев, что она сломана, бросил её в мусорный бак, но тут же передумал, завернул в бумажное полотенце и положил себе в карман.

Я довольно долго прибирался, разве что полы не помыл, а затем вернулся в спальню, чтобы взглянуть на Барбару в последний раз. Я так давно не был в непосредственной близости к

голой женщине, печально, что чувствовал при этом лишь жалость.

Подойдя к двери, я уже открыл её и вдруг застыл с одной ногой, поднятой над порогом. Потом тяжело вздохнул и вернулся в спальню, чтобы исполнить ещё один джентльменский акт. Это заняло не больше пяти минут, после чего я вышел на улицу, поймал такси и поехал домой.

Глава 10

— Да, если уж Крэндел Оуктри Мейпс заслужил прозвище Говноед только за то, что увёл подружку у твоего знакомого…

— Крэндел *Раунд*три Мейпс.

— Не важно. Если уж он Говноед только за то, что соблазнил подружку Марти, то как назвать вчерашнего парня, а, Берн?

— У него должно быть название, — рассудил я, — но мне пока ничего не приходит в голову.

— Ну, во-первых, — тут же вступила Кэролайн, — он — полный отморозок, вот что я скажу. Ты что, так и не увидел его лица?

— Я же всё время находился под кроватью. Видел только катышки пыли, больше ничего.

— Хорошо, ты хоть не расчихался от пыли.

— Да, это мне повезло, — согласился я. — Хорошо, что у меня и в мыслях не было, что я могу чихнуть. Представляешь, если бы мне пришлось думать ещё и об этом? Но нет, я не видел мерзавца. Я решил, что в нём, должно быть, около двух с половиной футов роста, живот как гладильная доска и косая сажень в плечах, но это — неподтверждённые гипотезы. На деле могу только ручаться, что у него низкий голос.

— Я знаю миниатюрных женщин, которые говорят басом, Берн. Низкий голос ещё ни о чём не свидетельствует.

Был четверг, начало первого, и мы с Кэролайн обедали у меня в магазине. Кэролайн, видимо, зашла в магазин деликатесов на 2-й авеню — только там делают такие чудные сэндвичи с бастурмой, копчёной говядиной и языком — м-м-м, пальчики оближешь! «Чего это ты так расстаралась?» — спросил я её, а она ответила: «Просто так, захотелось вдруг поесть вкусненького».

К тому же накануне она видела сон.

— Представляешь, не успела поужинать, — сказала Кэролайн, — целый вечер сидела за компьютером, бродила по страницам сайтов знакомств, а потом решила: чего время терять на ужин, схожу-ка я в «Берлогу», поклюю чего-нибудь у бара. Так что спать я пошла с пригоршней орешков в желудке, и вот мне приснился сон — знаешь, такой тягучий, нескончаемый сон, как я сижу в ресторане и жду свой сэндвич, а его никак не могут принести. Я проснулась совершенно измученная и сразу поняла, что мы с тобой будем есть на обед. Вкусно, да?

Мы усиленно работали челюстями, запивая сэндвичи газировкой, — действительно объедение. Вкусно до невозможности, хоть мне и не снились голодные сны. А мой Раффлс вообще обожает

бастурму больше всего на свете — Кэролайн бросила несколько ломтиков бастурмы ему в миску, и сейчас он сидел перед ней, молитвенно сложив лапы, и то ли ел, то ли что-то шептал, непонятно. Такое он проделывает только с кошерной бастурмой, ни с чем больше. Вообще-то сиамские коты иногда разговаривают со своей едой, по крайней мере, так утверждает Кэролайн, но мой-то Раффлс — обыкновенный бесхвостый полосатый бродяга, возможно, бабушка его когда-то и согрешила с котом с острова Мэн, но у Раффлса нет той особой формы туловища и дёргающейся походки, которая отличает породистых бесхвостых котов Мэна. Вообще-то единственное сходство Раффлса с котами Мэна — отсутствие хвоста, и я не могу сказать, наследственная это черта или благоприобретённая. Он точно не сиамский кот, однако болтает со своей едой как заправский сиамец, так что если бы вы сидели под кроватью и слушали его, то вполне могли бы принять Раффлса за чистопородного котяру. Вот как опасно судить только по голосу.

Кэролайн задумчиво спросила:

— И что ты думаешь об этом типе? Мне совершенно ясно, что он ненавидит женщин, но всё же… зачем было усыплять её?

— Понятия не имею. Может, дамы в здравом рассудке пишут о нём плохие отзывы в Интернете?

— Бедная Барбара Крили не смогла бы сказать, хороший он любовник или плохой, поскольку она вообще не понимала, что с ней происходит. Но скажи мне, отчего же всё-таки ему нравятся сонные женщины? Может, его первая подружка была англичанкой?

— Полагаю, это возможно.

Кэролайн положила сэндвич обратно на тарелку.

— Я пошутила, Берн, ау! Помнишь тот старый анекдот про француза, который встретил девушку на пляже и начал трахаться с ней?

— Помню.

— А кто-то проходит мимо и говорит: «Что ты делаешь, она же мертва!» А француз ему на это: «Мерде, а я думал, она англичанка!»

— Да помню я этот анекдот. И французы говорят *мерд*, а не *мерде*!

— Всё равно, они ругаются постоянно. Ох уж эти французы! Могу себе представить, что это значит!

— Это значит — говно.

— Неужели? Берн, я хотела сказать, что с твоей стороны было очень благородно — прибрать у неё в квартире. Наверное, тебе не терпелось свалить оттуда поскорее.

— Да, но мне стало её жаль. Хотелось хоть чем-то помочь.

— Кажется, ты вымыл там всё, кроме разве что окон?

Я помотал головой:

— Нет, только немного прибрался. Я хотел и одежду её убрать в шкаф, но побоялся, что

развешу её не так, как она привыкла. И потом, утром она всё равно наверняка поняла, что накануне была в беспамятстве и что её изнасиловали и ограбили. Но я не хотел оставлять одежду на полу, поэтому сложил на стул.

— И содержимое её сумочки ты тоже собрал. Берн, как ты думаешь, он не оставил ей кое-чего на память?

— Ты о чём?

— Ну, нежелательную беременность, например, или какую-нибудь венерическую дрянь.

— О! — сказал я. — Не волнуйся. Он использовал презерватив.

— Неужели? Не могу поверить, что он оказался таким предусмотрительным по отношению к своей жертве.

— Неужели? Не могу поверить, что он оказался таким предусмотрительным по отношению к своей жертве.

— Думаю, он проявлял предусмотрительность прежде всего по отношению к себе самому, — заметил я. — Ему тоже вряд ли хотелось заработать какой-нибудь триппер.

— А может, он просто уничтожал улики?

— Какие ещё улики?

— Ну, сейчас же делают анализ на ДНК. Она могла бы заявить в полицию, у неё бы взяли мазок и по ДНК разыскали бы этого ублюдка. Понимаешь?

— Ну, если бы это его беспокоило, — возразил я, — он забрал бы презерватив с собой.

— А он что, оставил его?

— Ага, на полу.

— Фу-у-у-у! А ты что?

— Что! Выбросил.

— Как выбросил?

— А так, взял и смыл в унитаз.

— То есть ты его трогал? Боже, какая гадость! Как ты вообще смог дотронуться до него, Берн?

— Я же был в перчатках, дурочка!

— Ах да, забыла.

— Не мог же я оставить его там!

— Конечно нет. Знаешь, Берн, а ведь Барбаре Крили очень повезло, что ты там оказался.

— О да, конечно! — Я закатил глаза. — То была самая счастливая ночь в её жизни.

— Не скажи. Если бы тебя там не оказалось, подлец украл бы её самые драгоценные драгоценности.

— А так я их украл.

— Но ты же вернул их обратно!

— Мне просто стало жаль её, Кэр. Представляешь, проснуться утром и выяснить, что тебя не только опоили снотворным и изнасиловали, но ещё и ограбили в придачу!

— Нет, сначала ограбили.

— Ещё хуже! Так что, вернув на место раскиданные им безделушки, я вдруг решил положить всё обратно. Может быть, она вообще не поймёт, что её обокрали, — ну какой идиот возьмёт дешёвенькое школьное колечко и оставит браслет, с которого свисает дюжина золотых монет?

— Наверное, она подумает, что сама куда-то задевала кольцо.

— Если бы я мог выяснить, кто он такой, — мечтательно протянул я, — навестил бы его на днях и вернул ей кольцо.

— Ну, если он его ещё не продал.

— Да кому он его сможет продать? Во-первых, это не так просто, а во-вторых, я думаю, он оставит колечко себе на память. На память об этой ночи, грязный подонок.

— Да, было бы круто украсть кольцо у вора! Но как бы ты вернул его Барбаре? Послал по почте? Подкинул в почтовый ящик?

— Или пришёл бы опять в её квартиру и подложил в комод.

— Прекрасная мысль! Она бы подумала, что сама засунула его туда… или что становится слишком рассеянной… Но, по крайней мере, получила бы кольцо назад.

— Ты же знаешь, я всегда оставляю рабочее пространство в полном порядке, — сказал я, — хотя в случае с подонком, пожалуй, с удовольствием сделал бы исключение. Но это всё эмпирические рассуждения, я всё равно не знаю, кто он такой и где живёт.

— А ты к тому же избавился от единственной улики. — Когда я захлопал глазами, Кэролайн пояснила: — Смыл в туалет, помнишь?

— А, верно.

— Конечно, это нам не слишком бы помогло — не будет же полиция делать проверку на ДНК у всех типов с басовитым голосом! Берн, я знаю, что ты вломился к ней не для того, чтобы помочь бедной девушке, но всё же ей повезло, что ты там был. Ты вроде бы сказал мне, что даже деньги положил ей в бумажник?

— Да, немного положил.

— Ну сколько?

— Понимаешь, я не знал, сколько у неё там было изначально! Не думаю, что много… В общем, я засунул сто двадцать баксов ей в бумажник.

— Ха-ха-ха! Вор, который дарит подарки! Наверное, это был первый подобный случай в истории воровства.

— Думаешь?

— И это в дополнение к тому, что ты вернул назад её цацки — браслет, серьги и часы…

— Ага.

— А, я забыла про конверт из морозилки. Берн? А его ты тоже положил обратно?

— Э-э-э-э, — замялся я, — вообще-то нет.

— О…

— Я вынул из него сто двадцать баксов, — сказал я, — чтобы положить ей в бумажник. Остальное забрал.

— О…

— И не надо смотреть на меня так. Галантность тоже имеет свои пределы.

— О… Наверное, ты прав.

— Ты что так удивилась?

— Не знаю… Похоже, я уже начала представлять тебя этаким рыцарем без страха и упрёка…

— Да, страх и упрёк мне как раз свойственны. Ладно тебе, Кэролайн, я всё-таки пришёл туда, чтобы ограбить её, не мог же уйти вообще с пустыми руками!

— Так сколько же ты заработал за ночь?

— Тысячу сто двадцать долларов, — сказал я, — минус такси домой.

— Хм, всё равно больше, чем ты зарабатываешь на своих книжках.

— Это точно.

— Но если учесть все риски…

Я отрицательно покачал головой:

— Лучше даже не начинай. Во-первых, я не хотел выходить из дома… Такие ночные вылазки — чистой воды безумие, надеюсь, после этого раза мне ещё долго не захочется играть с огнём. И знаешь, что самое смешное? Я прекрасно представлял себе, насколько это опасно и насколько… неразумно.

— Безумно, ты хочешь сказать! И всё-таки ты на это пошёл.

— Да. Я ничего не мог с собой поделать, так же как не мог оставить конверт с деньгами в морозилке. Можно повторять себе с утра до вечера, что я — образованный и даже достаточно порядочный человек. Я не стремлюсь никого унизить или обидеть другим способом, мне в голову не придёт подсыпать даме в напиток снотворное, чтобы потом воспользоваться ею. Но

Topreading.ru

не будем обманывать себя — я вор, целиком и полностью вор по натуре и призванию.

В этот момент звонок на двери деликатно сообщил нам, что в магазин зашёл посетитель. Я как раз заканчивал предложение, когда прозвенел звонок, и мог бы проглотить последние слова, но почему-то не стал.

— О, похоже, сегодня день откровений, — заметил мой посетитель, входя. — И воистину, не было сказано ранее более правдивых слов, чем эти, по крайней мере Бернардом, сыном госпожи Роденбарр. «Вор по натуре и призванию», так, мой мальчик? Даже если ты проживёшь дольше Мафусаила, лучше тебе уже не сказать.

Я внезапно почувствовал ледяной холод в ногах, как будто действительно догнал по возрасту Мафусаила, но сумел беспечно улыбнуться.

— Привет, Рэй, — поздоровался я. — И что происходит в преступном мире?

Он вздохнул, покачал головой, и улыбка моментально слетела с его губ.

— Как будто ты сам не знаешь. На этот раз, Берни, ты действительно влип. Влип как кур в ощип, мой мальчик, и тебе не просто будет отмазаться.

Глава 11

— Какой хороший костюм, — сказал я. — Армани?

— Почти. — Рэй отогнул лацкан, чтобы показать мне ярлык. — Каналетто, Малыш. Ещё один проклятый макаронник. Надо отдать им должное, знают, канальи, толк в шитье.

Кто бы из знаменитых дизайнеров ни был автором этого костюма, на зарплату полицейского его всё равно не купить. Впрочем, Рэй Киршман никогда и не пытался прожить лишь на то, что выделял ему городской бюджет. А с другой стороны, он мог и не волноваться, что люди будут смотреть на него косо: никто всё равно не заподозрил бы, сколько стоит его костюм, поскольку он перестал выглядеть элегантно в ту самую минуту, как Рэй повесил его себе на плечи. Любой, даже самый дорогой и шикарный пиджак смотрелся на нём так, будто его шили на человека с совершенно другими пропорциями тела. Сегодняшний костюм, например, тёмно-синий в тонкую полоску стального цвета, казался слишком широким в плечах и узким в талии, а расползшееся на рукаве бурое пятно не улучшало впечатления. Похоже на томатный соус для пиццы, итальянцы умеют делать соусы так, что их потом практически невозможно вывести.

— Тебе, мальчик мой, страшно идёт полоска. — Рэй гадко улыбнулся. На мне в тот день была полосатая футболка из «Лэндз энд» — красные полосы перемежались с синими. Согласен, гамме немного не хватало вкуса, но я купил эту футболку на прошлогодней распродаже за копейки, так что мне грех было жаловаться. — Как печально, — продолжал Рэй с противной усмешкой, — что тюремные робы больше не шьют из полосатой ткани. В такой ты бы выглядел на все сто.

— В мультиках тюремная одежда всё ещё полосатая, — сказал я ободряюще. — Когда по ходу дела в мультике появляется преступник, его всегда одевают в полосатую робу.

— Правда? Смешно, Малыш, но тебе скоро станет не до шуток. Как наденешь оранжевый костюмчик, смеяться сразу расхочется. Да, Кэролайн, слушаю тебя внимательно. Ты-то что

лыбишься? Может, поделишься шуткой со стариком?

— О, просто я представила тебя в оранжевом костюме, — стараясь не расхохотаться, сказала Кэролайн. — Думаю, ты бы заткнул за пояс любую зрелую тыкву!

— А ты бы выглядела как волейбольный мячик, — парировал Рэй. — Впрочем, ты всегда так выглядишь.

— Как приятно с тобой общаться, Рэй!

— Взаимно. Кстати, хорошо, что ты здесь оказалась. Закроешь тут всё, когда я повезу твоего дружка в кутузку.

— Эй, минуточку! — вмешался я. — Что происходит? Рэй, ты серьёзно пришёл за мной?

— Не менее серьёзно, чем положительный ответ на анализ биопсии, мой мальчик. Ты достаточно долго срывался с крючка, но в этот раз, похоже, засел крепко.

— Ну, тогда помоги мне, старый друг, — сказал я. — Для начала намекни хотя бы, в каком именно тонком месте я преступил наш закон?

— У меня есть идея получше. Давай-ка я начну задавать вопросы, а ты постараешься ответить на них честно и откровенно?

— Что ж, можно попробовать и так.

— Для начала, где ты был вчера вечером?

— Как где? Дома. Смотрел «Закон и порядок».

— Я сам не смотрю эту чепуху, но могу и так предположить, в чём там было дело: небось на копов навесили «глухарь», они в ответ придумали чёткую, стройную версию, а потом в течение часа доказывали её. Так всегда бывает, и в жизни, и в кино. Значит, ты был дома, Малыш?

— Весь вечер, Рэй. — Я решил провести небольшую разведку. — Конечно, когда я вернулся домой, «Закон и порядок» уже начался, так что выходит, вернулся я где-то около десяти.

— Что ты делал до десяти вечера, меня не волнует, Берни.

— Ну, в таком случае не понимаю, почему тебя должно волновать, что я делал после десяти. Но могу сказать напрямик: я досмотрел сериал, поужинал и лёг спать. Наверное, в двенадцать был уже в постели.

— И спал до утра?

— Как ребёнок. Ой, нет, вру, вставал пописать, только не скажу точно когда, на часы не смотрел. Полагаю, я должен всегда быть готов к тому, что служители закона нагрянут ко мне с вопросами… Виноват, в следующий раз обязательно засеку время!

— Вопрос не в том, когда ты писал, Малыш, — угрожающе протянул Рэй. — Вопрос в том, где ты писал.

Кэролайн бросила на него недоумённый взгляд:

— Ты что, Берни, не попал в унитаз? Гадость какая. Но я где-то слышала, что большинство мужчин страдает подобным отсутствием меткости — это расплата за ваш… э-э-э… первичный половой признак, позволяющий вам делать это стоя. Но оказывается, мочиться на пол теперь стало подсудным делом!

Рэй не удостоил её взглядом. Он пристально смотрел на меня в ожидании ответа.

— Не волнуйся, я писал в унитаз, — примирительно сказал я.

— В какой унитаз? В тот, что стоит в твоей квартире?

— Ты не поверишь, но именно туда я обычно писаю по ночам.

— Странно… — Рэй покачал головой и пожал плечами. — Тогда, может, потрудишься объяснить, что ты делал вчера ночью в Ист-Сайде, в районе тридцатых улиц?

Должен признаться, я с трудом сохранил самообладание. Сначала я решил, что, вероятно, кого-то ограбили в Ривердейле и случайный свидетель, рассматривая полицейские альбомы с фотографиями закоренелых домушников, опознал мою физиономию. Но я-то был в Ривердейле довольно рано, а Рэй сказал, что его интересует поздний вечер, уже после того, как закончился сериал! Я решил, что мне не о чем волноваться. Даже если меня заметили в районе Ривердейла в тот день — ну и что, я ведь ничего противозаконного не делал. К тому же я не оставил отпечатков пальцев, нигде не наследил. Так что я отшучивался, уверенный в том, что у него на меня ничего нет. Но тут он назвал совершенно другой район — Восточный Манхэттен!

Откуда у него эта информация? Единственный грабёж со взломом, к которому я имел отношение, произошёл в квартире Барбары Крили, но она, скорее всего, до сих пор находилась в колючих объятиях похмелья вперемешку со снотворным и вряд ли заметила, что её школьное кольцо пропало, не говоря уж о замороженном запасе денежных средств, которые я изъял. Ну а когда она выяснит, что денежки пропали, естественно, подумает на того негодяя, что привёл её домой. Даже если она заявит в полицию — а я понимал, почему ей может быть неловко сделать это, — и даже если у неё сохранятся обрывки воспоминаний о вечере накануне, она в любом случае даст копам описание насильника, а не моё. Меня-то она в глаза не видела!

Но перед Рэем я стушевался, не знал, что сказать, мычал и тянул время.

— Э-э-э… Район Тридцатых, говоришь? Это где, на Манхэттене?

— Нет, придурок, в пустыне Сахара!

— Ах да! Тридцатые… Это около Ист-ривер?

— С географией у тебя слабовато, — сказал Рэй с издёвкой. — Бери севернее, понял? Недалеко от Мюррей-Хилл.

— Мюррей-Хилл? Мюррей-Хилл! Я ходил в один класс с мальчиком по имени Мюррей, а фамилия его была Хилман, но…

— Мы знаем, что ты был там, Берни!

— В таком случае полагаю, что у вас есть свидетели.

Рэй торжествующе затряс головой:

— У нас есть кое-что получше! Фотографическое подтверждение. Ты слышал о камерах слежения?

А кто о них не слышал? Поэтому я так не люблю грабить многоквартирные дома. Но на доме Фельдмауса-Крили не было камер, я первым делом проверил, уж будьте уверены, я бы засёк их раньше, чем они засекли бы меня.

— Не надо блефовать, Рэй, — сказал я спокойно. — Я вообще не понимаю, чего ты ко мне прицепился? Что произошло? Если ты подозреваешь меня в чём-то, то хотя бы расскажи, в чём именно.

— А почему я должен тебе рассказывать?

— Потому что иначе у нас разговора не получится.

— Ну ладно, твоя взяла. В общем, так, в начале первого ночи парочка бандюганов вошла в фойе одного из белых кирпичных домов на углу Третьей авеню и Тридцать седьмой улицы. Они повалили привратника, связали ему скотчем руки и ноги и заклеили рот, а затем заперли его в чулане. Потом они прошлись по всем камерам слежения, вскрыли их и вытащили плёнку.

— Бедняги, — сказал я. — Столько трудов, и всё для того, чтобы стащить пару мотков фотоплёнки.

— Давай, давай, умник, смейся, пока на воле, недолго тебе осталось! Потом они поднялись на самый верх, в пентхаус.

— Ага!

— Они выломали дверь и связали мужчину и женщину, снимавших пентхаус, — мистера и миссис Лайл Роговин; кстати, не уверен, что это их настоящее имя. Бандиты связали супругов тем же скотчем, что и привратника, прикрутили к креслам и принялись за работу. В квартире Роговиных есть сейф — чудовище, а не сейф, я таких ещё не видел, — так они его открыли, забрали содержимое и слиняли.

— И что, ты думаешь, я имею к этому какое-то отношение?

— Ты сам знаешь это, Берни!

— Полагаю, ты так думаешь, потому что мы с тобой давно знакомы и тебе известны мои методы работы, — сказал я. — У меня огромный опыт по сваливанию на пол противников и прикручиванию их к стульям скотчем. И ещё я просто обожаю вламываться в квартиры, когда их обитатели ужинают.

— Нет, такого в твоём досье ещё не встречалось.

— Конечно нет! — воскликнул я возмущённо. — Так чего ты припёрся сюда? Чего зря тратишь моё время?

— И моё! — вмешалась Кэролайн.

— А тебе, кстати, давно пора обратно — поливать из душа ротвейлеров, — огрызнулся Рэй. — Давай вали отсюда! Нет, Берни, это совсем не твой стиль, и я ни минуты не думал, что ты лично боролся с привратником или затыкал кляпом рты этим, как их там…

— Тогда зачем…

— А затем, что я полагаю… нет, я уверен, что сейф — твоих рук дело. Это же «Мослер», понятно, не так-то просто с ним справиться, даже если у тебя неделя в запасе, а тут его вскрыли за пятнадцать минут! У тебя же к этому склонности, Берни, даже, я бы сказал, талант. Ведь дал же Господь! Не знаю, умеешь ли ты петь или чертить от руки прямые линии, но замки вскрывать — это у тебя от Бога. Вот поэтому ты и шатался неподалёку, весь на нервяке, как длиннохвостый котяра в комнате, полной кресел-качалок. — Он мельком оглянулся на Раффлса, который снова решил погреться на подоконнике. — Я не хочу никого обидеть, сам понимаешь! А кстати, как твой кот потерял хвост? Отдавили качалкой?

— Он с острова Мэн, — сказал я. — Порода такая. Родился бесхвостым.

— Ах, вот как! Ты, я полагаю, тоже родился таким? С талантом медвежатника, я имею в виду, не без хвоста. Впрочем, может быть, и у тебя хвоста нет, последнее время мне кажется… — Рэй! — Я начал терять терпение. — Я не врубаюсь. Какое отношение ты имеешь к моему хвосту? И с другой стороны, какое отношение я имею к этому делу? Ну да, ты сказал, что они привели меня, чтобы я открыл сейф. Но почему я?

— Ну как, они, должно быть, знали, что ты — настоящий профи по части взлома…

— Я сейчас не о них. Почему *ты* решил, что это был я?

— Я же говорил. Мы получили твой портрет.

— Портрет? Ты имеешь в виду… мою фотографию?

— Именно так.

— Но ты же сам сказал, что они забрали плёнку!

— Мальчик мой, они забрали плёнку из камер слежения *внутри* здания, это точно. Но сейчас в Нью-Йорке практически все здания оборудованы такими камерами. Просто так уже по улице не пройдёшь, можно на каждом шагу улыбаться и делать ручкой. Тебя засекли, приятель, сначала около банкомата на Тридцать четвёртой улице, потом у Чейз-банка на углу Тридцать четвёртой и Третьей авеню. Ты вообще-то засветился не менее чем на двадцати камерах. Наверное, целый час гулял, ожидая, когда они позовут тебя ломать сейф. Правильно я говорю?

— Ну, не знаю… — протянул я. — Все эти камеры дают такое расплывчатое изображение… ты уверен, что это был именно я?

— Ну, не знаю… — протянул я. — Все эти камеры дают такое расплывчатое изображение… ты уверен, что это был именно я?

— Хочешь, я опишу тебе, во что ты был одет? Слаксы и синий блейзер, да, ещё футболка, только не полосатая, как сегодня, а однотонная. Цвет не помню, не стану врать.

— Ну ладно, предположим даже, у тебя есть мои портреты, — сказал я, — но разве закон

запрещает гражданам гулять по улицам? Фотки ничего не говорят о том, что я делал что-то противозаконное.

— Не *говорили*, — насмешливо обронил Рэй, — до тех пор, пока ты не раскрыл пасть и не начал врать мне как сивый мерин.

— То есть?

— То есть я спросил, где ты был вчера ночью, и ты, честно глядя мне в глаза, поведал, что писал в свой унитаз. И вообще спал как младенец в своей кроватке, не шелохнувшись, до самого утра. Припоминаешь?

— Ну, под присягу меня не подводили, — сказал я, — так что это не считается лжесвидетельством, сам знаешь. Но ты прав — я солгал.

— Ага, а теперь расскажи мне что-нибудь, чего я не знаю.

— Ты точно не знаешь, почему я солгал, — на ходу придумывал я. — Мне было стыдно признаться… перед Кэролайн… — Я повернулся к ней. — Стыдно перед тобой.

Рэй выпучил глаза:

— А при чём тут Коротышка?

Кэролайн бросила на него испепеляющий взгляд. Я сказал:

— Вот чёрт, какая непруха. Ну ладно, придётся признаться. Короче, в том районе живёт одна моя знакомая… Наши отношения давно зашли в тупик, к тому же она прикладывается к бутылке… В общем, я дал Кэролайн обещание, что больше не буду с ней встречаться… Но видишь, вчера не смог с собой справиться и пошёл к ней.

— Что-то подсказывает мне, что эта загадочная особа живёт как раз около Мюррей-Хилл.

— А ты прав, Рэй, именно там она и живёт. Её не было дома, и я пошёл шататься по округе, надеясь, что застану её в каком-нибудь баре.

— И что, нашёл?

— В конце концов да, но пришлось погулять.

— Берни, я не могу поверить своим ушам! — воскликнула Кэролайн, с ходу включаясь в игру. — Ты же дал мне клятву, что порвёшь с этой невротичной сучкой!

— Знаю, Кэр. Прости меня. Ничего не мог с собой поделать.

— Вам бы только в цирке выступать, — сказал Рэй. — Один врёт, а другая подхватывает. У этой *фатальной дамочки*, полагаю, есть имя?

— Да, конечно, Рэй. У неё есть имя.

— Ладно, не говори мне пока, не надо. Давайте проведём маленький эксперимент. — Рэй вытащил записную книжку, вырвал из неё листок, разорвал пополам и протянул нам с Кэролайн по половинке. — Поскольку вы оба знаете эту женщину, напишите-ка мне её имя.

Мы написали и протянули листки Рэю.

— Так, что у нас тут? Барбара, — прочитал он и перевёл взгляд на другой листок. — А тут что? Тоже Барбара. Не знаю, как вам удалось провернуть этот трюк, да только это не важно. Я всё равно не верю ни единому вашему слову.

— Прекрасно, — сказал я. — Как насчёт другого варианта? У тебя же есть моя фотография? Ну так покажи её тем людям.

— Каким людям?

— Ну этим, Рогиным, или как их там.

— Роговиным.

— Точно. Покажи мой портрет Роговиным и спроси, узнают ли они меня. А когда они не узнают, отправляйся мучить кого-нибудь другого.

— Не получится.

— Почему это?

— Потому что Роговины сейчас лежат в морге, Берни, с пулями в башке. По две пули на брата. Они никого уже не смогут опознать.

— Ёшкин кот!

— А ты не знал, что их грохнули? Я не удивлён. Ты обычно не участвуешь в мокрухе. Наверное, приятели отослали тебя на улицу до того, как прикончили их… — Рэй нахмурился. — Что-то ты побледнел, Берни. Ты ведь не станешь блевать прямо тут, да, Малыш?

Я отрицательно покачал головой.

— Да, я знаю, что это не твой стиль, — продолжал Рэй. — Мокруха — это не твоё, да ещё тройное убийство!

— Почему тройное? — смог прохрипеть я. — Ты же сказал, их было только двое!

— Видишь ли, они слишком уж усердно запечатали привратника в скотч. Он умер от удушья до того, как его нашли.

— Господи Исусе!

— Да уж, хуже не придумаешь! Не понимаю тебя, Берни! Как ты мог связаться с людьми, которые способны на такие зверства?

— Да ни с кем я не связывался!

— Обычно не связываешься, — снисходительно согласился Рэй. — И это — мудро, Берни, лучше всего работать в одиночку, по крайней мере, напарники не заложат тебя с потрохами, чтобы самим избежать тюряги. Ведь именно это ты сейчас и сделаешь.

— Я?

Topreading.ru

— Да, Малыш, ты сейчас мне расскажешь всё об этих ублюдках, что троих уложили за одну ночь. Мы их схватим, ты выступишь свидетелем обвинения и отделаешься тем, что судья погрозит тебе пальчиком, а прокурор пару раз ударит по рукам указкой. Ну как, неплохая сделка?

— Неплохая, но я…

— Кстати, — сказал Рэй, наклоняясь вперёд и понижая голос, — думаю, мальчик мой, ты вчера неплохо заработал. Я прав? А ты меня знаешь, Берни, мы с тобой и в прошлом делишки проворачивали. Так что колись, сколько кусков ты взял себе, старому Рэю тоже должно что-то перепасть.

Рэй всегда был до тошноты прямолинеен.

— Слушай, раз уж мы об этом заговорили, что они взяли из сейфа-то? — спросил я.

— Смешной Малыш! Это ты должен сказать мне, что вы взяли из сейфа. Ты был там, а не я.

— Да не было меня там!

— О Берни… — Рэй покачал головой. — Не разочаровывай меня, приятель.

— Мне очень жаль, Рэй, но правда…

— Ладно, тогда пошли.

— Куда?

— Тебе что, зачитать твои права? Вы имеете право хранить молчание, бла-бла, бла-бла, бла-бла. Достаточно, или повторить слово в слово?

— Достаточно! Ты серьёзно, Рэй? Ты что, арестовываешь меня?

— Именно это я и делаю. Убили троих горожан, и ты замешан в это дело по самые свои густые брови! Конечно, я тебя забираю. Ну что, теперь вспомнил что-нибудь интересное?

— Пожалуй, воспользуюсь правом хранить молчание. — Я повернулся к Кэролайн. — Позвони Уолли Хемфиллу, — сказал я, — пусть подключается. И, Кэр, можно попросить тебя ещё об одном одолжении? Засунь мой сэндвич куда-нибудь поглубже — так, чтобы Раффлс до него не добрался. Не знаю, сколько времени я проторчу в тюрьме, пока Уолли не вытащит меня, но уверен, что вернусь домой голодным как волк.

Глава 12

Я познакомился с Уолли Хемфиллом, когда как-то раз сидел под арестом по одному неприятному делу и мне отчаянно был нужен хороший адвокат. Вначале я попытался дозвониться до Кляйна — с ним мы много лет продуктивно работали, — однако с огорчением узнал, что за время моего пребывания на свободе Кляйн успел помереть. Если честно, такой подлянки я от него не ожидал и жутко расстроился, но тут судьба свела меня с Уолли, он в то время тренировался для участия в Нью-Йоркском марафоне. Надо сказать, я был рад, что мой новый адвокат способен бегать на длинные дистанции, это означало, что он не наберёт лишний вес и что у него всё в порядке с сердечно-сосудистой системой. Согласитесь, преступнику

требуется немало времени для того, чтобы привыкнуть к своему адвокату, а в идеале и подружиться с ним, поэтому хочется выбрать здорового юриста. У вора переживаний и так хватает, зачем ещё беспокоиться, как бы твой защитник не сыграл в ящик в самый неподходящий момент.

Уолли продолжал бегать довольно долго, пока не повредил себе колено. Как раз в этот момент он встретил симпатичную девушку, женился, и они родили ребёнка. А потом то ли он понял, что она не такая уж и симпатичная, то ли она поняла, что он — совсем не симпатичный, то ли оба поняли это одновременно, но, так или иначе, они развелись. Жена собрала вещи, и вместе с ребёнком махнула в Аризону, и там поступила ученицей к горшечнику.

— Она теперь занимается тем, что целыми днями зашвыривает глину на гончарный круг, — пожимая плечами, рассказывал Уолли. — Что ж, пускай лепит свои горшки, до тех пор пока она не швыряет их мне в голову, я — за! — обеими руками.

После развода Уолли начал заниматься боевыми искусствами и даже достиг определённых успехов. Больному колену это вроде бы не мешало, к тому же Уолли приобрёл уверенность в себе, что было удобно при общении с некоторыми особо сложными клиентами. Однако самое главное, как убеждал меня Уолли, состояло в духовном очищении.

— Попробуй сам, — говорил он мне, — займись делом! Ты можешь кардинально изменить свою жизнь.

Вначале я попробовал бегать, и, как ни странно, мне понравилось. Конечно, до уровня марафона я не поднялся, но бег действительно изменил мою жизнь. Я чувствовал себя прекрасно и несколько лет активно занимался бегом, а когда бросил, почувствовал себя ещё лучше.

— Займусь твоим махачем, когда времени больше будет, — отвечал я Уолли, и он улыбался мне всезнающей улыбкой духовно возрождённого существа.

— Ты ещё просто не готов, Берни, — говорил он ласково. — Когда созреешь, дай мне знать.

И вот мой Уолли приехал в департамент полиции на Полис-плаза, 1 (куда меня забрал Рэй), и к четырём часам уже выдернул меня на свободу. Мы пошли выпить чая в чайный домик над магазином, где продавалась китайская лакированная мебель. Усевшись за низкий столик, с трудом разместили ноги в углублении под столом и заказали чай. Чайник принесла крошечная девушка в облегающем шёлковом платье, она присела на корточки около стола и принялась учить нас заваривать чай. Раньше мне в голову не приходило, что заваривание чая — такая сложная процедура, я просто бросал пакетик в чашку и заливал кипятком, но не тут-то было. Стеклянный чайник кипел над спиртовкой, каждый раз в чашку размером с напёрсток мы должны были кидать несколько чаинок, а потом смаковать то, что получилось.

И вот мой Уолли приехал в департамент полиции на Полис-плаза, 1 (куда меня забрал Рэй), и к четырём часам уже выдернул меня на свободу. Мы пошли выпить чая в чайный домик над магазином, где продавалась китайская лакированная мебель. Усевшись за низкий столик, с трудом разместили ноги в углублении под столом и заказали чай. Чайник принесла крошечная девушка в облегающем шёлковом платье, она присела на корточки около стола и принялась учить нас заваривать чай. Раньше мне в голову не приходило, что заваривание чая — такая сложная процедура, я просто бросал пакетик в чашку и заливал кипятком, но не тут-то было. Стеклянный чайник кипел над спиртовкой, каждый раз в чашку размером с напёрсток мы должны были кидать несколько чаинок, а потом смаковать то, что получилось.

— О, какое наслаждение, — закатывая от удовольствия глаза, промурлыкал Уолли, одним глотком выпивая чашку прозрачной, практически бесцветной жидкости. — Попробуй, Берни!

Я попробовал и оценил необыкновенную тонкость и прозрачность вкуса. По мне, этот чай больше всего напоминал водопроводную воду.

— Потрясающе, правда? Такого чая здесь больше нигде не найдёшь — по крайней мере, по эту сторону от Гонконга.

— А мне казалось, здесь полно чайных — по дюжине на квартал.

— В этом-то всё и дело, — сказал Уолли. — Какая разница, есть они или нет, если о них всё равно никто не знает? Ну ладно, к делу. Что ж, Берни, на сегодняшний день у них на тебя ничего нет, поэтому тебя и отпустили без особой борьбы. Они, конечно, могут доказать, что ты находился в нескольких кварталах от места, где грабили и убивали людей. Ну и что? По крайней мере несколько тысяч горожан гуляли в том же районе в то же самое время. У них нет доказательств того, что ты входил в здание, не говоря уже о самой квартире. Не понимаю, на что рассчитывал Киршман? Если только…

— Если что?

— Если только они не найдут какие-нибудь улики во время обыска.

— Они что, обыскивают мою квартиру?

— Боюсь, что так, Берни. Рэй получил ордер под тем соусом, что ты, мол, главный подозреваемый. Эй, ты чего-то приуныл. Не хочешь сказать мне, что они могут у тебя найти?

— Да ничего незаконного, — пробурчал я. — У меня есть подлинник Мондриана, но все думают, что это обычная репродукция. Сто лет уже висит на стене в гостиной.

Я спрятал инструменты в тайник, туда, где лежали два паспорта, перчатки и вся наличка на чёрный день. Если копы обнаружат тайник, придётся попотеть, чтобы объяснить, зачем мне нужны инструменты, но я не думал, что они докопаются до тайника. По крайней мере, раньше у них ума не хватало.

— Надеюсь, ничего со вчерашнего ограбления? — продолжал Уолли.

— Меня там не было, Уолли!

— На всякий случай. И, надеюсь, ничего с… другого места, которое ты вчера посетил?

Уолли не спросил, что я делал в районе Мюррей-Хилл вчера вечером, но он не дурак и, наверное, давно уже сделал свои выводы. Всё чисто, заверил я его. Уолли откинулся на спинку с удовлетворённым вздохом.

— Ещё чаю, Берни?

— Э-э-э, конечно.

— Когда я думаю о том, сколько кофе раньше хлестал, — сказал Уолли, — меня начинает мутить. Чай настолько полезнее для организма!

— Не сомневаюсь.

— В нём есть эти, как их… микроэлементы, забыл, как они называются, но учёные каждый день обнаруживают новые полезные свойства. Я-то в этом ничего не понимаю. Знаю только, что чай бодрит, и мне довольно. А ты, Берни?

— О, он меня страшно бодрит, — заверил я.

— И меня тоже, приятель. Ну а как твоя личная жизнь, Берни? Встретил кого-нибудь или так и живёшь бобылём?

Я отрицательно покачал головой.

— А как ты, Уолли?

— Пусто. Да у меня времени нет на поиски: днём работаю как сумасшедший, вечером — занятия в додзё. Но, чёрт возьми, либидо-то, либидо-то куда девать? Понимаешь, о чём я?

— Прекрасно понимаю.

— Знаешь, чего бы мне действительно хотелось? Приударить за нашей официанткой. Ты заметил её?

— Не обратил внимания.

— По-моему, она очень красива. Ну, загадочная восточная красота и всё такое прочее. А это шёлковое платье? Я от него с ума схожу. Мне кажется, оно называется «чеонгсам».

— Неужели?

— Как бы я хотел залезть под этот шёлковый подол! Я бы пригласил её поужинать со мной, но не могу!

— Почему?

— Потому что она не говорит по-английски. Возможно, я сумел бы объяснить ей на пальцах, что хочу пригласить её в ресторан, но… даже если бы она согласилась просидеть весь вечер напротив лупоглазого белого дьявола, на что бы это было похоже?

— Не понимаю. Ты что, не умеешь есть палочками?

— Ну, ты даёшь, Берни! Я имею в виду, о чём бы мы стали с ней разговаривать? Может, мне следует взять несколько уроков китайского?

— Шутишь?

— А что, китайский язык очень пригодился бы в адвокатской практике. Посмотри вокруг — китайцы скоро наводнят весь мир, наверняка многим из них требуются адвокаты. Полагаю, им приятнее иметь дело с юристом, который умеет болтать по-китайски.

— Знаешь ли, им приятнее всего иметь дело с юристом-китайцем, если на то пошло.

— Чёрт, и правда! Получается, что китайский мне нужен только для того, чтобы пообщаться с официанткой. Мне кажется, я ей нравлюсь.

— Серьёзно?

— Каждый раз, когда я прихожу сюда, — мечтательно сказал Уолли, — она показывает мне, как заваривать чай. А я ведь захожу три, а то и четыре раза в неделю. Так зачем это надо? Мне кажется, ей просто нравится проводить со мной время.

— Возможно.

— Что значит «возможно»? А как ещё это объяснить?

— Ну, может быть, она просто не помнит тебя и все белые дьяволы для неё — на одно лицо.

— Да ты что!

— И возможно, — безжалостно продолжал я, — она думает, что ты настолько туп, что забываешь, как правильно заваривать чай, как только выходишь из чайной.

— Спасибо, Берни, — с чувством проговорил Уолли. — Ты умеешь подбодрить человека в трудную минуту. Ладно, забудь, я хотел спросить о другом. Понимаю, что вчера на месте преступления тебя не было, но, может быть, ты что-то знаешь об этом деле? Что-нибудь слышал?

— Только то, что мне сообщил Рэй.

— И что, с тобой никто не связывался? Никто не предлагал работу, и ты не отказывался от неё? Не обещал никому не рассказывать об этом?

— Почему ты спрашиваешь?

— Ну, это могло бы объяснить, зачем ты болтался в том районе и почему не мог признаться Киршману. Может, ты хотел посмотреть, как всё пройдёт.

Я замотал головой:

— Ничего подобного. Скажу тебе одно: у меня была причина находиться в Мюррей-Хилл, хотя признаю, не очень хорошая. Мне не хотелось бы рассказывать о ней Рею Киршману, да и тебе лучше об этом не знать.

— Понял.

— Но если бы я был хоть как-то связан с ограблением Роговиных… кстати, может, не стоит называть это славным словом «ограбление»? Это же зверское убийство, я в таких делах в жизни замешан не был…

— Именно это я и сказал в полицейском участке: «Если вы хоть когда-нибудь имели дело с Бернардом, вы должны знать, что в таких делах он никогда не участвовал…»

— …и никто со мной не связывался и ничего мне не предлагал. Я узнал обо всём от Рэя, когда он решил повесить на меня это дело. Но если бы кто-нибудь действительно хотел меня нанять, я послал бы их куда подальше…

— …мои слова, слово в слово…

— …и ты думаешь, что в этом случае я поехал бы в Мюррей-Хилл? Я что, выгляжу как полный идиот? Да я бы отправился на другой конец Нью-Йорка и провёл весь вечер в самом шумном баре, предпочтительно в компании двух судей и кардинала.

— Ну да, чтобы иметь крепкое алиби. Я понял, Берни, но сейчас я говорю немного о другом. Ты вращаешься в определённых кругах. Ты слышишь, что говорят.

— Я стараюсь не дружить с преступниками, Уолли.

— Я тоже, Берни. Конечно, за исключением присутствующих. Но, понимаешь, мне очень сложно самому разведать, что происходит в преступных кругах. Поэтому если ты что-нибудь узнаешь…

— Хочешь, чтобы я передал тебе то, что узнаю?

— Именно! Понимаю, это может идти вразрез с твоими моральными убеждениями. Ты ведь не стукач…

Я решительно поднялся.

— Знаешь, Уолли, эти мерзавцы заслуживают электрического стула. Я сделаю всё, чтобы помочь следствию найти их, и не только для того, чтобы с меня сняли подозрения. Они же замочили троих, чёрт подери! Такие люди — позор для нашей профессии.

Глава 13

— Они явились ко мне в салон, — обиженно сказала Кэролайн, — где-то около двух с копейками. Рэй и с ним два копа в униформе. Предъявили мне ордер на обыск «Барнегат Букс» и попросили отпереть дверь. Рэй знал, что у меня есть ключи. Когда я объяснила, что не желаю бросать работу посреди рабочего дня только для того, чтобы они могли выполнить свой долг, Рэй сказал, что полностью со мной согласен, но в этом случае они выломают дверь. Срежут болты на дверях, вырежут замки и сигнализацию на окнах. Я решила, что тебе это может не понравиться, и открыла им дверь. Надеюсь, я всё сделала правильно.

— Абсолютно правильно, спасибо.

— Когда я открыла, Рэй приказал мне уходить, но я сказала, что с места не двинусь, пока они не закончат. Вот ещё — оставить магазин открытым, в наше-то время? Так что я следила за ними, Берни, — ну, чтобы они не обидели Раффлса и не разводили грязь.

— Ну и как?

— Туз, верно, решил, что это покупатели пришли. Что с него взять, он всего лишь кот, где ему понять, что наши бравые копы и читать-то не умеют! Но, в общем, они вели себя прилично — честно признаться, не сильно старались. То есть, чтобы серьёзно обыскать книжный магазин, требуется не один час, а они даже книг с полок не снимали. В офисе у тебя пошарили, заглянули в кассу, вот в всё.

— Да, они оставили всё в идеальном порядке, — признал я. — Я бы даже не заметил, что у меня провели обыск.

— Ты что, уже был там?

— По дороге сюда забежал на минутку.

Topreading.ru

Мы сидели в квартире Кэролайн на Арбор-корт, в тихом тупичке Вест-Виллидж, таком тихом, что мало кто знал о его существовании. Когда Кэролайн переехала в этот район, ей в первые дни приходилось после работы стартовать домой с одного и того же места — иначе она просто не нашла бы свою улицу. Я обожаю её квартирку — такая же милая и старомодная, как и улица: на кухне стоит чугунная ванна, Кэр кладёт на неё лист фанеры, превращая в кухонный стол, накрывает скатертью, и мы пьём чай в уютной обстановке. Мы и сейчас сидели за столом-трансформером, жуя сэндвичи из бангладешской закусочной на углу — после двух часов в чайной у меня развилось отвращение к китайской кухне.

— Я был уверен, что ты запрёшь за ними, — продолжал я, — но всё же хотел удостовериться. И ещё, если честно, — я мечтал о припрятанном бутерброде.

— О, о нём особый разговор — его-то как раз и нашли наши молодцы в голубом. Один из них прямо-таки слюной истёк, но я была тверда — пригрозила, что накатаю на него жалобу, если он хоть пальцем тронет бутерброд. Испугался!

— Ну, Рэй бы не испугался.

— Если бы Рэй потянул к нему свои лапы, — сказала Кэролайн, — я бы не стала возражать. Только вначале насыпала бы в сэндвич стрихнину. Каков мерзавец, потащить тебя в тюрягу за просто так!

— Не могу сильно винить его, Кэр, ведь это ужасное убийство! Он из кожи выпрыгнет, чтобы раскрыть дело.

— Но как он посмел подумать, что ты в нём замешан?

— Может, он и не думал, но хотел проверить все возможные варианты. Перевернуть, так сказать, каждый камень.

— Если бы он был без греха, то мог бы перевернуть камень первым, — пробормотала Кэролайн и задумалась. — Странно, вроде я знала, что хочу сказать, но сама не поняла, чего у меня получилось.

Она спросила про Уолли, и я пересказал ей наш разговор в чайной. Кэролайн заметила, что так всегда и бывает: в чае, чем выше качество, тем тоньше вкус, так что за очень большие деньги вам принесут напиток вообще без вкуса.

— Зато наши бангладешские друзья не скупятся на специи, — добавила она и помахала рукой перед губами.

— Верно, до такой степени, что мы не сможем ощущать вкус в течение недели.

— Ладно, не привередничай, оно того стоит. — Кэр промокнула губы салфеткой и с наслаждением откинулась на спинку кресла. — Значит, напившись безвкусной горячей воды в чайной, ты пошёл в магазин?

— Нет, сначала заскочил домой.

— Чтобы посмотреть, всё ли там в порядке? И как?

— Ну, кое-какие следы они всё-таки оставили, но, надо признать, в целом работали довольно аккуратно. Может быть, новый уполномоченный посылает их в школу для юных леди, где учат

наводить порядок? Эй, ты чего хохочешь?

— Представила себе Рэя в школе для юных леди. Он бы сел в первом ряду, а когда классная дама вошла бы в комнату, изо всех сил пёрднул бы.

— Фу, Кэролайн, а он всегда так хорошо о тебе отзывался!

— Ага, так я и поверила! Он меня терпеть не может, и слава богу — по крайней мере, я могу его ненавидеть, не испытывая при этом угрызений совести. Значит, копы не нашли тайника, верно?

— Не нашли, я в этом и не сомневался.

— То есть всё в порядке? Они не думают больше, что ты замешан в деле Роговиных? Рэй отпустил тебя вчистую?

— Не думаю, что насовсем. Рано или поздно ему снова захочется подёргать за верёвочку, чтобы понять, как далеко я ушёл, что, впрочем, он в любом случае делает. Надеюсь, полиция быстро найдёт этих подонков! Их надо изолировать от общества как можно скорее.

— Бедняга привратник, — заметила Кэр.

— А Роговиных тебе не жалко?

— Их тоже, но разве Рэй не сказал, что Роговины — это не настоящее их имя?

— Только потому, что человека не зовут Роговин, его можно мочить среди бела дня?

Кэролайн закатила глаза:

— Ты что, сам не понимаешь? Если Роговины — прикрытие, значит, этим людям было, что скрывать. Возможно, они и сами работали вместе с убийцами, а потом не поделили бабло, или настучали на своих, или ещё что-нибудь подобное. Ну, ты же читаешь газеты, Берн? Такие истории происходят по десять раз на дню.

— Ну да, наверное.

— Но привратник-то точно был совершено ни при чём, — продолжала Кэролайн. — Никого не трогал, следил себе за дверью, а получилось — на тебе, задохнулся. Поэтому его мне жаль больше других. Роговиных тоже жалко, но гораздо меньше.

— Ладно, теперь я понял.

— Впрочем, какая разница, жалею я их или нет? Им от этого теперь ни холодно, ни жарко.

— Вот тут я мог бы с тобой поспорить, — сказал я, — но не буду, поскольку вопросами духовного свойства у нас заведует Уолли Хемфилл. По всем предметам, касающимся жизни после смерти, подружка, обращайся к нему.

Мы ещё поболтали, посмотрели телевизор, а потом я залёг с книжкой на диван и часик почитал, пока Кэролайн разбиралась со своими имейлами, как рабочего, так и личного

Topreading.ru

свойства. Потом она совсем затихла, похоже, вышла на просторы Гугла, и через какое-то время сообщила мне, что нашла одного мужчину по имени Сол Роговин, который играл в какой-то задрипанной бейсбольной лиге в 1950-х годах, и одну женщину с запоминающимся именем Сирелл Роговин Лейхи, опубликовавшую пару романов. Впрочем, эта дама потом переключилась на написание детективов и взяла себе псевдоним.

— Зачем? — спросил я. — Её настоящее имя покруче любого псевдонима.

— Я не могу найти ни одного Лайла Роговина, — сказала Кэролайн. — А как зовут его жену, нам неизвестно, поэтому её я даже не начинала искать. Хочешь послушать хорошие новости?

— Валяй.

Кэролайн широко улыбнулась:

— Моё свидание с Дородной Тёлкой состоится — завтра пятница! Она написала, что мечтает о встрече, представляешь?

— О, поздравляю!

— Спасибо! Но как насчёт наших планов на вечер?

— На вечер?

— Ну да, у нас запланировано одно дельце в Ривердейле. Оно остаётся в силе?

Я подумал пару секунд. За этой кутерьмой я вообще забыл о завтрашнем предприятии. Кэр пойдёт на свидание с Тёлкой, Мейпсы — на свидание с Моцартом, а мы с Кэролайн уже назначили свидание с их стенным сейфом.

Подумаешь, меня арестовали за преступление, которое я не совершал… Завтрашнюю оперу никто не отменял, свою профессию я пока тоже менять не собирался, а Мейпс как был говноедом, так им и остался.

Зачем же портить хороший план, да ещё в последнюю минуту?

— Конечно, — сказал я небрежно, — всё остаётся в силе. Почему бы и нет?

Я вышел из квартиры Кэролайн около десяти вечера и сел в метро на Шеридан-сквер. Пересаживаться на экспресс на 14-й улице мне не захотелось — в вагоне было так тепло и уютно, что я поехал себе потихоньку дальше со всеми остановками. На 72-й я вышел и прогулялся до дома, пытаясь понять, нужно ли что-нибудь купить в магазине. Вроде что-то было нужно, но я так и не вспомнил, что именно.

Добравшись до дома и войдя в парадное, я заметил, что привратника на обычном посту нет. Ничего странного — среди привратников ещё остались курильщики, а поскольку в помещении курение категорически запрещено, они чаще всего курят на улице. Однако недавно у нас в доме завёлся комитет по защите общества от табачного яда: его активисты требовали, чтобы привратники не портили воздух около парадного, и теперь бедняги уходили за угол, чтобы выкурить свою заработанную тяжким трудом сигарету. Я подумал, что рано или поздно

Topreading.ru

ситуация должна разрешиться — скорее всего, наш мэр вообще запретит курение во всех пяти округах.

Дверь в вестибюль была открыта настежь. Смешно! Будь это чужой дом, у меня возникло бы непреодолимое искушение войти внутрь и прощупать, нельзя ли кого-нибудь ограбить. Но я сам жил здесь, поэтому просто вызвал лифт и поднялся к себе на этаж.

Я приготовил ключ, так что не знаю, почему вдруг решил сначала подёргать за ручку, но, как только я прикоснулся к ней, дверь плавно открылась. Вот идиоты, рассердился я на полицейских, неужели даже дверь запереть за собой не могли, придурки чёртовы?

Я приготовил ключ, так что не знаю, почему вдруг решил сначала подёргать за ручку, но, как только я прикоснулся к ней, дверь плавно открылась. Вот идиоты, рассердился я на полицейских, неужели даже дверь запереть за собой не могли, придурки чёртовы?

Я вошёл в квартиру.

И через секунду застыл на месте. При чём тут копы? Я же сам был дома и, уж будьте уверены, запер за собой дверь. Я всегда запираю дверь. Но даже если бы я забыл это сделать — замок у меня французский, он захлопывается автоматически.

Значит, кто-то ещё побывал в моей квартире, и, если бы у меня оставалась хоть капля рассудка, я бы понял это, как только потрогал ручку и увидел, что дверь не заперта. А затем мне следовало бы повернуться и бежать бегом от этого места, громко призывая на помощь полицию.

Но теперь уже поздно.

Глава 14

Я был совершенно беззащитен; единственное, что могло бы мне помочь, — это машина времени и ускоренный курс рукопашного боя. Однако боялся я зря — никто не выпрыгнул на меня из тихих глубин моей берлоги, никто не обрушил тяжёлый предмет мне на голову. Кто бы ни побывал здесь раньше, они успели убраться подобру-поздорову. Я поблагодарил Господа за этот факт, на преминув отметить, что предпочёл бы, чтобы в мою частную собственность вообще никто не совался.

Они — почему-то я думал о грабителях во множественном числе — явно не посещали школу для юных леди. Квартира была перевёрнута вверх дном и отчасти напоминала парковку машин после пронёсшегося над ней урагана. Правда, специально отморозки ничего не ломали, спасибо и на этом, но ведь ураган тоже специально не ломает предметы, верно?

Они сняли Мондриана со стены, да так и оставили, слава богу, не стали уродовать картину. Или не узнали автора, или, как все остальные, подумали, что это — ничего не стоящая репродукция.

А между прочим, мой Мондриан стоит во много раз больше, чем вся квартира вместе взятая. На аукционе я легко мог бы получить за него пару миллионов баксов, при условии, конечно, что представлю необходимые сертификаты. Увы, у меня их нет. На чёрном рынке? Не знаю, никогда не думал продавать картину, ибо что порадует меня больше, чем этот квадратный

кусочек холста?

Я сел на пол и уставился на разноцветные кирпичики картины — всё веселее, чем глазеть на окружающий развал.

Что же, ребята неплохо потрудились. Книги были сброшены с полок и сложены штабелями на полу, все ящики, как письменного стола, так и комода, вынуты и перевёрнуты, содержимое рассыпано по полу. В платяном шкафу они сдвинули в сторону одежду, и — о горе, о ужас! — мой тайник, специально созданный для хранения нужных мне вещей, переживший не один полицейский обыск, зиял распахнутой дверцей.

Замок был сломан. Я заказал его когда-то по особому образцу, сродни китайской головоломке: сначала нужно было отогнуть деревянную планку влево, чтобы другая встала на её место, освобождая доступ к третьей, и, только если потянуть за последнюю, открывалась крышка. Зная последовательность действий, я открывал тайник за пару секунд, но с таким знанием не рождаются, а подобрать код практически невозможно, особенно когда, как в случае с моими предыдущими визитёрами, ты не подозреваешь, что перед тобой — сейф с секретом.

Но, к сожалению, *эти* прекрасно знали, с чем имеют дело. И они не стали ломать себе голову над кодом — просто сломали замок, да и дело с концом. С концом моего прекрасного тайника.

Они не тронули паспорта — что ж, наверное, их не волновало, собираюсь я бежать за границу или нет. Они оставили инструменты — тоже ничего удивительного, если принять во внимание, как грубо они поступили с тайником, тонкие щупы истинного взломщика им не по плечу, разве что в носу ими ковырять. Они не обратили внимания на бритву с треснутой розовой пластиковой рукояткой, сувенир, изъятый из квартиры Барбары Крили. А вот деньги забрали все — подчистую.

Накануне вечером, когда в последний раз убирал в тайник инструменты и перчатки, я добавил к своим накоплениям сумму, изъятую из морозильной камеры Барбары, а заодно ещё раз пересчитал наличность. Общая сумма, включая 1120 долларов, заработанные прошлой ночью, составила 8357 долларов США. Обычно я предпочитаю держать наличность в мелких купюрах — если понадобится срочно убираться из города, менять сто долларов на какой-нибудь платной дороге, где проезд стоит доллар тридцать центов, не очень-то интересно.

В общем, гады похитили у меня восемь тысяч баксов с копейками. Конечно, они пришли не за деньгами, но, найдя деньги, забрали их. Что тут скажешь? На их месте любой поступил бы так же.

И я тоже.

Прежде всего я собрал рассыпанные книги и начал расставлять их обратно на полки.

Глупо, верно? Книги уж точно могли подождать. Кому в голову придёт расставлять книги по полкам, когда у вас только что увели больше восьми тысяч баксов? К тому же они стояли на полу довольно ровными невысокими стопками, никого не трогали, кушать не просили. В каком-то смысле им было на полу даже лучше, чем на полках, — по крайней мере, ниже упасть они уже бы не смогли.

Но ведь я — продавец книг, моё призвание — расставлять их по местам, большую часть жизни

я провожу в магазинах подержанной книги, закупаю товар у людей, которые меняют книги на деньги, а затем продаю своих крошек другим людям, предпочитающим их деньгам. Обычно я отправляю книги в путешествие по две-три, не больше, но ко мне они приходят приличными партиями; несмотря на то что иногда мне перепадают штучные экземпляры от какого-нибудь случайно забредшего в магазин пацана, я предпочитаю покупать книги сумками, а ещё лучше — тележками или даже машинами. Когда мне случается купить целую библиотеку, книги вначале отправляются на склад, отдохнуть в картонных коробках до тех пор, пока у меня не появится время и желание повозиться с ними. Обычно мне хватает коробки в день, я вытаскиваю её на свет божий и расставляю содержимое в нужные места на полках.

Мне нравится эта рутинная, казалась бы, работа, она успокаивает нервную систему и позволяет занять себя в течение рабочего дня. Обычно у меня в магазине довольно тихо, так что времени на расстановку книг хватает, грех жаловаться.

Поэтому я занялся привычным делом, обдумывая при этом, как лучше поступить.

На душе у меня было премерзко — действительно, казалось, будто меня лично изнасиловали. Но, если отставить в сторону эмоции, что конкретно я потерял?

В первую очередь деньги. Больше восьми тысяч, немного, конечно, но, с другой стороны, и немало. (Когда-то это был целый капитал: мой дед Граймз, например, купил за восемь тысяч долларов дом, в котором родилась моя мать. А в наши дни богатые люди платят столько за месячную аренду квартиры на Манхэттене.) Ужасно жалко терять деньги, но так уж заведено в мире — потеря денег болезненна, однако от этого ещё никто не умирал.

К тому же такую потерю легко компенсировать — новыми деньгами. Барбара Энн Крили не смогла бы вернуть украденное у неё школьное кольцо, а мне ничего не стоит заменить одни восемь тысяч долларов другими, и сердечная боль сразу же утихнет.

Так, уже немного полегчало. Идём дальше. Что ещё я потерял, кроме денег? Время, конечно, прежде всего-на уборку помещения. Несколько часов как минимум и ещё довольно приличную сумму на восстановление замка на двери. Придётся придумать что-нибудь понадёжнее, чтобы в будущем замок так просто не взломали. Ещё баксов двадцать уйдёт уборщице, чтобы хорошенько вымыла тут всё, включая окна, — надо очистить квартиру от скверны чужого присутствия. Кстати, можно попросить миссис Хеш, мою соседку, одолжить мне на день её уборщицу, я уже так делал пару раз в прошлом. Но это потом, после того как я расставлю по местам книги, задвину ящики и разложу вещи по местам.

А как же мой тайник? Совсем забыл про него. Мастер-краснодеревщик, который соорудил мне этот тайник, давно уже переехал в другой штат, куда-то на западное побережье, если не ошибаюсь, так что я не представлял, где отыскать специалиста, сумеющего излечить мой тайник от нанесённых ему повреждений. В какой же город он подался? Не знаю… Звали его Дэвид Миллер, так что и по Интернету вряд ли найду, слишком уж распространённое сочетание. Конечно, в Интернете можно и иголку в стоге сена найти, но вот поиск *того самого* Дэвида Миллера… Это как найти *ту самую* иголку в *том самом* стоге сена… Чёрт, а он бы мог кого-нибудь порекомендовать!

Да ладно, сам справлюсь. Чего уже теперь, торопиться особо некуда, да и прятать уже особо нечего.

Я поднял очередную стопку книг и принялся рассовывать их по полкам. Самое важное на повестке дня — найти ублюдков, которые причинили мне столько хлопот и неприятностей. Они

сами пришли ко мне, они что-то искали, и это были не мои жалкие восемь тысяч. За такую сумму эти подонки даже не чихнули бы, это и ежу ясно.

Потому что это были те же самые подонки, что замочили прошлой ночью Роговиных.

Ну а кто ещё? Профессиональный вор не полез бы в мою квартиру, зачем ему это? Случайно заглянувший «на огонёк» бродяга не нашёл бы секретный тайник. Да и кто бы рискнул вот так нагло, практически среди бела дня, пройти мимо привратника…

Бог ты мой! Привратник!

Я бросился было к лифтам, но вернулся назад за инструментами. Вызванный мной лифт успел уйти, надо было ждать следующий. Я помчался вниз по лестнице, прыгая через несколько ступенек, объятый ужасом при мысли о том, что сейчас обнаружу.

Ведь привратник с 34-й улицы умер от удушья. Возможно, то был несчастный случай, а может, кто-то решил, что, залепив кусочком скотча ноздри несчастного, избавится от свидетеля. Но даже если это и был несчастный случай — где гарантия, что он не повторится теперь?

Я бросился к чулану, где у нас хранятся посылки. Дверь была заперта. Я прижался ухом к замочной скважине. Тишина, нарушаемая лишь моим собственным хриплым дыханием.

Тогда я встряхнул связку с инструментами и принялся за работу.

Глава 15

Кто бы ни были эти грабители, похоже, они запаслись огромным количеством скотча — наверное, поддались когда-то на идиотскую пропаганду, когда, помните, умники голубого экрана призывали жителей Нью-Йорка заклеивать окна скотчем в качестве профилактики от террористических атак. А может, ограбили канцелярский магазин… Короче, скотча они не пожалели: бедняга Эдгардо, который в тот вечер оказался на смене, был обмотан им с головы до ног и напоминал гигантскую куколку.

Они закрутили ему кисти рук за спину, посадили на стул, примотали ноги к передним ножкам стула, но этого им показалось мало, и они потратили не один рулон скотча, чтобы намертво приковать Эдгардо к спинке. Они залепили ему рот куском скотча, но, слава богу, ноздри остались снаружи, так что бедняга ещё дышал.

Но и только. Видимо, Эдгардо пытался освободиться, раскачиваясь на стуле взад-вперёд, — неудивительно, что в конце концов стул упал, естественно не улучшив положения пленника. Ноги его задрались вверх, голова осталась внизу, и кровь в тот же миг прилила к лицу. Хотя кровь могла бы и не спешить — у Эдгардо было полно свободного времени.

Из такого положения ему был виден лишь небольшой участок грязного потолка, так что, когда я со скрипом открыл дверь, он явно не мог знать, кто именно вошёл в комнату — то ли помощь подоспела, то ли грабители вернулись, чтобы залепить ему скотчем оставшиеся свободными дырки на лице. Но, вероятно, Эдгардо было нечего терять: он завопил во всю силу — точнее, попытался завопить, — а я услышал лишь серию весьма выразительных вздохов. По крайней мере, стало понятно, что привратник жив. Я тоже вздохнул с огромным облегчением, перевернул его на бок, чтобы он видел своего спасителя, и приступил к работе.

Topreading.ru

Для начала я подцепил ногтем конец скотча, которым был залеплен его рот, и предупредил, что сейчас будет больно.

— Будет больно, — сказал я и дёрнул что было силы. Ручаюсь, глаза у бедняги чуть не вылезли на лоб от боли, но он не проронил ни звука.

Не знаю, как он выдержал эту пытку. Надо заметить, что наш юный Эдгардо отрастил усы, чтобы казаться старше, но добился этим совершенно противоположного эффекта — усы росли редкими клочками и придавали ему вид подростка, который всеми силами пытается прикинуться взрослым. А теперь, когда большая часть усов красовалась на клейком скотче, оставшиеся редкие клочки выглядели ещё более жалкими.

Как только рот освободился, Эдгардо затараторил как пулемёт. Деталей его страстной и очень длинной тирады на чистом испанском языке я не понял, но с лёгкостью уловил общий смысл.

— Успокойся, — сочувственно проговорил я, — тебе больше ничего не угрожает. Они не вернутся. Тебе повезло, Эдгардо.

— Моё имя Эдгар, — поправил он меня.

— Минуточку, ещё вчера все называли тебя Эдгардо.

Он затряс головой:

— Вчера я сменил имя на Эдгар. Это звучит по-американски.

— Понял. Ладно, не дёргайся, попробую тебя размотать.

Не тут-то было. Поняв, что разматывать его придётся до утра, я подумал было сбегать наверх за своим любимым швейцарским перочинным ножиком, но сначала решил поискать вокруг. В комнате для посылок всегда имелся набор ножниц, не говоря уже о ноже для разрезания верёвок, — и точно, он валялся на столе. Я даже вздрогнул, когда увидел его — так зловеще он сверкал своим острым стальным лезвием. Но с ним дело пошло на лад: я сумел разрезать путы, не особенно повредив самого Эдгардо — ох, виноват, Эдгара, — и вскоре привёл стул с несчастным привратником в вертикальное положение.

— Теперь сиди тихо, я сейчас приду, — сказал я, отступая на шаг и вытирая пот со лба.

— Тихо? Почему тихо?

— Да ни почему, — с досадой отозвался я. — Просто посиди тут, и всё. Я принесу тебе стакан воды. Ты хочешь воды?

— Можно воды.

— Я вернусь через пару минут. Принесу воды, позвоню в полицию…

— Нет!

— То есть как — нет? Ты что, не понимаешь? Тебя же чуть не грохнули, эти парни уже отправили на тот свет троих людей, один из которых служил привратником — вроде тебя. Конечно, мне надо вызвать полицию.

Эдгар страдальчески скривил рот.

Topreading.ru

— Ну что с тобой теперь?

— Иммиграционная служба…

— Ты хочешь, чтобы я позвонил им?

— Ах, *Cristo*! Нет!

— Ага, понял, — сказал я. — Ты не хочешь, чтобы я звонил в иммиграционную службу. И ты не хочешь, чтобы я вызывал полицию, потому что боишься, что они позвонят в иммиграционную службу. Так?

Эдгар кивал головой как заведённый, видимо, довольный тем, что белый идиот-гринго наконец-то понял его.

— Но ведь ты не нелегал, а? Как же тебя взяли на работу без грин-карты?

Объяснение Эдгара заняло какое-то время, но в конце концов я понял. В Америке существует несколько видов грин-карт. Одни действительно выдаются службой иммиграции, но в ходу и другие, ничем не хуже первых, которые можно приобрести у частных лиц за умеренную плату. Их вполне хватает для того, чтобы устроиться на работу к доброжелательно настроенному хозяину, но вот иммиграционную службу они не проведут — в этом случае исход предрешён: ещё один работяга со свистом вылетит из Нью-Йорка и приземлится за границей на свою многострадальную испанскую задницу.

Я попытался растолковать Эдгару, что полиция будет слишком занята расследованием, чтобы вызывать службу иммиграции, что он нужен им лишь для того, чтобы составить словесный портрет грабителей, которые завернули его в целлофан, как новогодний подарок. Но я оборвал себя на полуслове, так как и сам сомневался в правдивости своих слов.

Перефразируя песню из мюзикла «Моя прекрасная леди», могу сказать, что, когда коп не находится близко от того, кого подозревает, он начинает подозревать того, кто находится близко. Конечно, ни один коп с этим не согласится, но в этом тем не менее скрывается печальная правда. Эдгар — жертва нынешнего ограбления, это понятно и ежу, но, если копы не найдут «правильного» подозреваемого, кто-нибудь из них рано или поздно решит, что надо получше присмотреться к привратнику: а вдруг он с самого начала действовал заодно с преступниками? Он ведь не умер от удушья, в конце-то концов!

А когда выяснится, что его зелёная карта по краям чуточку посерела, полиция с ещё большим подозрением отнесётся к её владельцу, да и к тому же им всё равно придётся известить о нём иммиграционную службу. И неудавшийся американец по имени Эдгар отправится обратно к себе на родину — в Никарагуа, Колумбию или Доминиканскую Республику, — где он жил до того, как сменил имя, и где зарабатывал три доллара в месяц на плантации сахарного тростника.

— Согласен, не надо полиции, — наконец согласился я. — Пойдём со мной наверх, я тебя почищу и дам попить воды. А может, сварю нам обоим кофе. *Una copa de cafe*, си?

— Чашка кофе, — подтвердил Эдгар. — *Si, como no*?

Их было двое, хотя Эдгар видел только одного, да и то мельком. Работали они по достаточно простой схеме. Эдгар заступил на смену в десять вечера, а минут через двадцать первый грабитель — белый мужчина немного выше и крупнее Эдгара — вошёл в фойе и спросил, дома ли я. На нём были тёмные брюки и коричневая замшевая куртка на молнии, а на голове — синяя кепка «Метс», надвинутая по самые брови. Ну и ещё рубашка, хотя Эдгар не запомнил, какого цвета.

Привратник позвонил мне по телефону, а когда я не ответил, посетитель показал ему небольшой портфель, объяснив, что хотел бы передать его мне. Только он должен быть уверен, что портфель попадёт в мои руки. Есть ли в этом доме комната, где хранятся посылки? С замком на двери?

Конечно, есть, заверил его Эдгар, он оставит портфель до моего прихода. Мужчина стал настаивать, что должен собственными глазами осмотреть комнату и убедиться в надёжности замка на двери. Он наклонился к Эдгару и, понизив голос, пробормотал, что отблагодарит его, сопроводив предложение характерным жестом, который прекрасно понимают в обоих земных полушариях. Эдгар немного удивился — ему ещё не приходилось зарабатывать чаевые таким странным способом! Но, с другой стороны, он давно привык к странностям Америки и её обитателей, поэтому без лишних разговоров достал ключ из ящика стола, провёл посетителя по коридору мимо лифтов и отпер заветную дверь комнаты для посылок.

Не успел он вынуть ключ из двери, как посетитель внезапно повернулся к нему и со всего размаха заехал ладонью по губам. Этот жестокий, но на первый взгляд бессмысленный удар имел важный практический смысл, поскольку, когда Эдгар попытался заорать от боли, его рот оказался залепленным куском скотча. Затем мужчина толкнул его в грудь, и привратник рухнул на стоящие в комнате коробки. В этот момент в дверном проёме появился второй мужчина, и, прежде чем Эдгар успел перевести дух, он уже был прикручен к стулу так крепко, что едва мог дышать, а грабители ушли, заперев за собой дверь. Опомнившись, привратник попытался высвободиться, но это привело лишь к тому, что стул опрокинулся и ноги бедняги оказались гораздо выше его головы.

Вот такая простая история.

Если бы Эдгара допрашивали копы, они задали бы бедняге в десять раз больше вопросов. Хотя нет, вопросы они задавали бы те же самые, но повторяли бы их по десять, а то и по двадцать раз подряд. Копы всегда так делают, чтобы удостовериться в правдивости слов допрашиваемого. Ну а я не стал мучить пострадавшего долгим допросом. Я влил в него три чашки кофе (он проглотил их залпом, быстрее, чем я сумел выпить одну), а затем разрешил воспользоваться туалетом — гуманно, согласитесь, после того, как я влил в мальчишку столько жидкости!

Однако через несколько секунд из ванной раздался вопль ужаса. Я было решил, что он увидел в раковине водяного клопа — этих тварей иногда приносит по трубам вода, они жирные и мерзкие. Но парень-то приехал из тропической страны и наверняка у себя на родине видел кое-что и похуже!

Тут он вышел из ванной, трясущейся рукой указывая на свою верхнюю губу.

— О, я и забыл, что ты ещё не смотрел на себя в зеркало, — сочувственно сказал я. — Подожди, найду бритву, сбреешь это безобразие.

Похоже, Эдгар не понял меня, и я жестами показал ему, как надо бриться. Его брови

трагически поднялись вверх домиком, и он выдал ещё одну горячую тираду на чистом испанском языке. Не могу перевести её дословно, но, наверное, звучала она примерно так: «Ведь я же тогда буду выглядеть как десятилетний дебил, и никто не станет воспринимать меня всерьёз».

Я взглянул ему в глаза и твёрдо произнёс:

— Поверь, без усов будет в сто раз лучше. Потом ты сможешь заново отрастить их, но сначала придётся сбрить эту кактусовую поросль.

Я дал ему одноразовый станок, крем для бритья и легонько подтолкнул в сторону ванной. Когда через пять минут Эдгар снова появился в дверях, он тянул лет этак на семнадцать, то есть примерно на полгода младше, чем до ограбления.

Я заверил его, что он выглядит как настоящий испанский мачо, и спросил, не нужно ли ему ещё чего-нибудь: таблетку аспирина, перекусить или принять душ, но он мечтал лишь о том, чтобы как можно скорее спуститься в вестибюль и вновь занять свой пост. Он и так оставил его на слишком долгий срок, если кто-нибудь узнает об этом и донесёт начальнику, ему не поздоровится. Начальник, конечно, родня, поскольку женат на кузине мужа сестры Эдгара, но человек он серьёзный и может оштрафовать на большие деньги.

К тому же (продолжал Эдгар) не дело оставлять вестибюль без охраны. Жильцы и так платят непомерно высокую арендную плату, они имеют право спать спокойно, зная, что Эдгар всегда на своём посту.

И он пулей вылетел из моей квартиры и скатился вниз по лестнице, прыгая через две ступени, так ему не терпелось вернуться на свой пост. Неудивительно, что иммигрантская служба всеми силами старается выдворить подобных трудоголиков прочь из страны. Нечего им тут делать, я согласен!

Глава 16

Итак, мой чисто выбритый привратник отправился обратно на свой пост, а я решил, что и мне негоже бездельничать, и продолжил уборку квартиры. Я позвонил в круглосуточную слесарную службу и объяснил, что мне нужно для того, чтобы починить замок. Я также попросил их привезти кодовый полицейский замок фирмы «Фокс» и пару цилиндров «Рабсон». Специалист по замкам приехал через пятнадцать минут, но ему потребовалось больше двух часов, чтобы починить старый замок и врезать новый. За работу он запросил такую цену, что, выписывая чек, я не смог сдержать гневного сопения. После этого дополнительного стресса я отправился спать, уверенный, что не проснусь раньше полудня, но в восемь утра глаза мои раскрылись как по команде, и мне пришлось начинать новый день, от которого я ничего особо интересного не ждал.

Утром я бродил по квартире как сомнамбула, но, побрившись и приняв душ, почувствовал себя несколько бодрее, а после завтрака и вовсе стал человеком. Я отпер двери магазина, покормил Раффлса и спустил за ним воду в унитазе — никто, даже Кэролайн, не смог приучить его делать это самостоятельно, — а затем вытащил столик с новинками и книжными распродажами на тротуар. Задумчиво присев за прилавком, я стал ждать, когда жизнь проторит дорогу в мой тихий угол. Спустя полчаса я совершенно заскучал и начал оглядываться по сторонам в поисках какого-нибудь занятия. Тут я вспомнил, что в кладовке у меня стоят коробки с новой партией книг, которые давно пора расставить по полкам. Я

направился в кладовку, но на полпути остановился, вернулся и снова уселся за прилавком. Нет уж, спасибо, вчера я расставил столько книг, что мне хватит на несколько месяцев вперёд! Надоело! Я лениво открыл новый роман Джона Сэнфорда, я всегда читаю новинки, чтобы потом рассказывать о них покупателям, и погрузился в чтение. Прочитав без всяких помех первые полсотни страниц, я решил, что к обеду осилю ещё пятьдесят.

В отличие от реальной жизни в романах Сэнфорда копы вечно острят и травят разные байки, временами действительно смешные, так что, когда зазвонил телефон, мне пришлось переждать минутку, чтобы унять смех.

— «Барнегат Букс», — строго произнёс я в трубку.

Голос на другом конце провода показался мне знакомым, но я не смог сразу вспомнить, где слышал его раньше. Он пожелал мне доброго утра и поинтересовался, нет ли у меня экземпляра книги «Тайный агент» Джозефа Конрада.

— Подождите минуту, — попросил я. — Кажется, я недавно видел её на полке.

Я прошёл в раздел художественной литературы и сразу же нашёл книгу: спасибо алфавитному указателю, она стояла на том самом месте, где я ожидал её найти. Я забрал её с собой и принёс за прилавок.

— Точно, есть такая книга, — обрадовал я звонившего. — Не новая, но достаточно чистая, незачитанная. За двенадцать долларов можете забрать красотку домой.

— Отложите её для меня, пожалуйста, — сказал голос. — Я зайду за ней сегодня после обеда.

Мне неловко было спрашивать его имя — что-то в речи этого человека наводило меня на мысль, что мы знакомы. Да и к чему спрашивать? Если он не появится до вечера, я поставлю книгу обратно на полку. У меня куча проблем, гораздо более важных, чем книга за двенадцать долларов.

— У меня куча проблем, — сказал я Кэролайн, — гораздо более важных, чем книга за двенадцать долларов.

— И не говори, — сочувственно кивнула Кэролайн.

— Не понимаю, что они искали. Они забрали деньги, но ведь не за баблом же они ко мне припёрлись! Как ты думаешь, что им было нужно?

— Понятия не имею. А что у тебя есть?

— Сегодня у меня есть на восемь тысяч долларов меньше, чем вчера. Даже почти на девять, если учесть запредельную сумму, которую пришлось выложить за новый замок. А так, сама знаешь, — практически ничего. Если ко мне приходили те же клоуны, что уложили Роговиных, а кроме них больше в общем-то и некому, то я ничего не понимаю. Я никак не связан с Роговиными, я вообще не слышал этого имени…

— Пока Рэй не арестовал тебя за их убийство… Я кивнул, соображая.

— Но какая-то связь должна существовать, — сказал я. — Меня арестовали за преступление, которое они совершили. Ну да, копы взяли меня по ошибке, но ведь в газетах не печаталось опровержения, так что они не могут этого знать.

— И ты хочешь сказать, что эти, как ты выражаешься, «клоуны» не знают, кто совершил то преступление? Они что, страдают потерей кратковременной памяти?

— Нет, они помнят, что сами совершили преступление, — отмахнулся я, — но не знают, что меня взяли лишь за то, что я случайно оказался поблизости. Они узнали, что меня арестовали в связи с этим делом, и предположили, что между мной и Роговиными есть связь.

— Какая, например?

— Такая, что я мог ещё до них залезть в сейф к Роговиным и достать оттуда то, что они искали, но не нашли.

— А ты представляешь себе, что это может быть?

Я покачал головой:

— Без понятия.

Начался обеденный перерыв. Несмотря на тихое утро, я сумел продать с десяток книг за три часа, включая дорогущий цветной альбом фотографий Бронкса, сделанных во времена его расцвета, которые, увы, давно прошли. А ещё мой приятель Микки Толерис, тот, что торгует журналами, забежал на минутку поболтать и в результате ушёл нагруженный целой коробкой «Плейбоя» и «Нэшнл джиогрэфик». Я никогда не выставляю журналы на полки — их можно задорого продать коллекционерам только целыми подборками, — но к некоторым периодическим изданиям сам питаю слабость. Я люблю дешёвые сборники детективов и другие «жанровые» журналы: фантастику, приключения, вестерны, а также «Плейбой» (если не вырвана центральная страница на разворот) и «Нэшнл джиогрэфик» — его подшивки собирает такое количество народа, что Микки, к примеру, неплохо живёт на продажах журнала.

— Какая, например?

— Такая, что я мог ещё до них залезть в сейф к Роговиным и достать оттуда то, что они искали, но не нашли.

— А ты представляешь себе, что это может быть?

Я покачал головой:

— Без понятия.

Начался обеденный перерыв. Несмотря на тихое утро, я сумел продать с десяток книг за три часа, включая дорогущий цветной альбом фотографий Бронкса, сделанных во времена его расцвета, которые, увы, давно прошли. А ещё мой приятель Микки Толерис, тот, что торгует журналами, забежал на минутку поболтать и в результате ушёл нагруженный целой коробкой «Плейбоя» и «Нэшнл джиогрэфик». Я никогда не выставляю журналы на полки — их можно задорого продать коллекционерам только целыми подборками, — но к некоторым периодическим изданиям сам питаю слабость. Я люблю дешёвые сборники детективов и

другие «жанровые» журналы: фантастику, приключения, вестерны, а также «Плейбой» (если не вырвана центральная страница на разворот) и «Нэшнл джиогрэфик» — его подшивки собирает такое количество народа, что Микки, к примеру, неплохо живёт на продажах журнала.

Я купил на обед гамбургеры и жареную картошку (что-то с фантазией плоховато стало) и пришёл в салон «Пудель», чтобы как можно скорее ввести Кэр в курс дела. Шестерёнки в моих мозгах с утра крутились с бешеной скоростью.

— Знаешь, — изрёк я наконец, — не так уж важно, *что* именно они у меня искали.

— Почему?

— Видишь ли, наверное, *им* это важно, — рассуждал я. — Может, и полиции тоже, поскольку копы теперь носом землю роют, раз не смогли повесить это дело на меня. Но самое главное — эти парни (кстати, даже не знаю, как нам их называть)...

— Уголовники, — предложила Кэролайн.

— Ну, хорошо, пусть будут «уголовники». Так вот, важно то, что уголовники пришли искать... чёрт, а как мы назовём то, что они искали?

— Чаша Святого Грааля, — хихикнула Кэр.

— Да? Ну ладно. Так вот, уголовники искали у меня чашу Святого Грааля, ведь они подумали, а вдруг я спёр её до них. Обо мне они узнали из газет. Искали, но не нашли её, и знаешь, Кэр? Я очень рад, что они обнаружили мой тайник, поскольку, видимо, сразу поняли, что именно *там* я храню самые ценные вещи, и если бы у меня был Святой Грааль... Святой Грааль?

— *Чаша* Святого Грааля.

— Я бы спрятал её в тайнике. Но её там не было. Врубаешься? Это значит, что теперь они должны оставить меня в покое.

— Думаешь, оставят?

— Ну да, а что ещё им может быть нужно?

— А тебе не кажется, что следует сообщить об этом в полицию?

— К чему? Я ведь пообещал Эдгару, что не донесу на него в иммиграционную службу. К тому же всё, что я могу им рассказать со слов Эдгара, — это то, что один из преступников... Или как их там?

— Уголовников, — подсказала Кэролайн.

— Что один из уголовников выше ростом и плотнее нашего привратника. Чёрт возьми, девяносто процентов белых ньюйоркцев выше малютки Эдгара и гораздо плотнее его. Ах да, ещё одна ценная деталь: либо один из уголовников часто бывает в Метрополитен-музее, либо он недавно замочил музейного фаната и теперь носит его кепку. Ну и, не поделившись с полицией этой информацией, как думаешь, я сильно заторможу следствие?

— Думаю, нет. Берн, знаешь, в чём тебе очень повезло? Что тебя не было дома вчера вечером.

Я зябко поёжился.

— А если бы ты был дома…

— Но меня же там не было, — перебил я, решив, что настало время сменить тему. — Кстати, сегодня выпивка в «Вечном кайфе» отменяется, так? Потому что ты идёшь на свидание к своей Тёлочке, а после этого у нас с тобой есть одно незаконченное дельце.

— То есть *его* ты решил не отменять?

— И не подумаю отменять, — пробурчал я. — После вчерашнего мне просто необходимо навестить наших друзей в Ривердейле. Денег-то почти не осталось!

Глава 17

Мы пообедали меньше чем за час, и к началу второго я вернулся в магазин и уселся за прилавок. Позже, вспоминая тот день, я решил, что толстяк, видимо, ждал моего возвращения в кафе напротив или у газетного киоска, поскольку не успел я протянуть руку к роману Джона Сэнфорда, как звонок на двери возвестил о приходе покупателя.

Конечно, это не означало, что я всё бросил и помчался обслуживать клиента. Я просто улыбнулся, кивнул головой и заложил пальцем страницу, вопросительно глядя на него. Обычно покупатели сразу проходят к полкам и начинают копаться в книгах, кроме тех, конечно, которые сами хотят продать мне книги. Есть и случайные посетители, те обычно спрашивают, как пройти к центральному собору. Но в руках у толстяка ничего не было, и по виду его было понятно, что книг он предлагать не собирается и достопримечательности его не интересуют. Я отложил роман Сэнфорда в сторону и стал ждать, когда толстяк подойдёт ко мне.

Вообще-то нынче употреблять слово «толстяк» вроде не принято — в последнее время политкорректность дошла до апогея своего идиотизма, скоро нам запретят и лопату лопатой называть. Может быть, мне стоило бы подобрать более мягкое определение, типа «дородный мужчина» или «кровь с молоком», но я страдать фигнёй не желаю и буду называть его просто — «толстяк». Надеюсь, вы меня не осудите за это! Кстати, я уверен, что и он тоже не стал бы возражать.

В общем, вы уже поняли, что посетитель мой был весьма толст, однако это ему вовсе не мешало. Понимаете, большинство жирных людей страдает от собственного веса. У меня иногда возникает чувство, что жир нарос на их боках как бы случайно, когда они на минуту отвернулись в сторону, и теперь им самим непонятно, что с ним делать. Но этот толстяк был совсем иной породы. По его манере держаться и двигаться можно было сразу определить, что он вовсе не тяготится лишними килограммами, ибо таким появился на свет. Он был толстым младенцем, затем толстым карапузом, будучи толстым подростком, какое-то время мучился, и наконец достиг толстой зрелости. У него не было «пивного животика», знаете, встречаются такие тонконогие и тонкорукие мужики с огромными животами, словно волейбольный мяч проглотили? Скорее даже они выглядят как картофелины, в которые воткнули зубочистки. Но этот молодой человек был равномерно толстым как сверху, так и снизу, и полнота ему даже шла.

Тёмно-синий костюм, явно сшитый на заказ, сидел на нём изумительно и не то чтобы сильно стройнил его, но придавал ему здоровый и благополучный вид. Чего ещё можно пожелать от нескольких метров синей шерсти?

Рубашка на нём была белая, с отложным воротником, галстук в традиционную красно-чёрную полоску завязан широким узлом, по моде. Ничего не могу сказать про обувь, за стойкой ботинки не видны, но готов поспорить, что это были дорогие, удобные ботинки из мягкой кожи. Все толстяки, которых я знаю, придают обуви огромное значение. И немудрено — ведь при их весе ногам всегда должно быть удобно.

— Мистер Роденбарр, — обратился он ко мне с полувопросительной интонацией.

Я кивнул, подтверждая правильность его догадки, и он одарил меня белозубой улыбкой. Зубы действительно были очень белые и очень ровные, настолько, что невольно закрадывались сомнения в том, настоящие ли они. Впрочем, то же самое можно было сказать и об улыбке.

— Очень приятно познакомиться, — продолжал он ровным, уверенным тоном, протягивая мне руку, которую я пожал. Рука оказалась весьма мясистой, что, впрочем, меня не удивило.

Я всегда жму протянутые мне руки. Может, и есть способ увернуться от рукопожатия, которое навязывают незнакомые люди, но я так и не постиг этого искусства и пожимаю руки направо и налево, не важно, нравится мне или нет. Впрочем, этому посетителю я пожал руку с охотой. Он был покупателем, но, если даже и не стал бы ничего у меня покупать, что с того? Он улыбался, хотел познакомиться, так за что же держать его с протянутой рукой?

Пока мы трясли друг другу руки, Раффлс вдруг раскрыл жёлтые глаза, спрыгнул с нагретого солнцем подоконника и заходил кругами вокруг ног толстяка, громко урча и потирая спину о его брюки. Он обычно делает так по утрам, когда я отпираю магазин, — хочет показать, что ему давно пора завтракать. Но, во-первых, он уже сегодня ел, а во-вторых, Раффлс достаточно умён, чтобы не ждать, что незнакомый посетитель, пусть сам и любитель покушать, станет его кормить.

Незнакомец отпустил мою руку и взглянул на Раффлса.

— Какая милая кошечка! — вскричал он с восторгом. — Я обожаю кошек. Но что случилось с нашим бедным хвостиком?

— Он родился без хвоста, — объяснил я, надеясь, что говорю правду. — Такая порода, бесхвостая.

— Ах да, конечно. Кошки с острова Мэн.

— Ну сам-то он вряд ли оттуда, но его предки произошли с острова Мэн. А Раффлс родился в Нью-Йорке.

— Какая прелесть. Обожаю кошек!

Чтобы подтвердить это заявление, он наклонился и почесал Раффлсу шею. Мелкий негодяй заурчал так, что на улице было слышно. Обрадованный толстяк почесал его между ушами, Раффлс замурлыкал ещё громче, а потом прыгнул на книжную полку, четвёртую от пола, и уселся между книгами, наблюдая за нами круглыми глазами. Если бы его дедушка происходил из Чешира, я уверен, что мы увидели бы на его лице широкую улыбку.

— Какая прелесть. Обожаю кошек!

Чтобы подтвердить это заявление, он наклонился и почесал Раффлсу шею. Мелкий негодяй

заурчал так, что на улице было слышно. Обрадованный толстяк почесал его между ушами, Раффлс замурлыкал ещё громче, а потом прыгнул на книжную полку, четвёртую от пола, и уселся между книгами, наблюдая за нами круглыми глазами. Если бы его дедушка происходил из Чешира, я уверен, что мы увидели бы на его лице широкую улыбку.

— Как приятно, должно быть, иметь кошечку, — задумчиво проговорил толстяк. — Если бы у меня был книжный магазин, я тоже непременно завёл бы кошку. Как мудро вы поступили.

— Благодарю вас.

— А теперь перейдём к делу, — сказал незнакомец. — Полагаю, что у вас для меня кое-что есть.

— У меня?

— Точно так.

Толстяк снова сверкнул белозубой улыбкой, и я подумал, что зубы у него всё-таки свои. Он выглядел таким ухоженным, чистеньким, наверное, к стоматологу ходил раз в месяц, а сейчас они умеют так отбеливать зубы, что все будут думать, будто они не настоящие.

Но чего же ему надо?

Ах да!

— «Тайный агент»! — воскликнул я, и он вновь заулыбался.

Я пошарил на полке за прилавком, вытащил книгу и показал ему. Он протянул руку, но я вдруг заколебался.

— Ведь это не вы звонили утром, верно? — Толстяк растерянно поднял брови, и мне пришлось додумать за него. — А, понимаю, наверное, ваш друг прислал вас за книгой.

Он с облегчением кивнул головой. Я передал ему книгу, и он повертел её в руках, рассматривая обложку. Делал он это как-то странно: не открыл книгу, не пролистал её, даже не взглянул на название, просто ощупал со всех сторон, как будто хотел запомнить ощущения в ладонях. Конечно, коллекционерам тоже свойственно нежно гладить древние переплёты из натуральной кожи, но у этой-то книги обложка была самая простая, обычный картон.

Если он забирает книгу для друга, может, он вообще не знает названия? А может, он не любит читать и о книжных магазинах ему известно только то, что кошки хорошо смотрятся на полках?

— Да, — с удовольствием повторил он, глядя на книгу. — И сколько же вы за неё хотите?

— Я же сказал вашему другу по телефону. Двенадцать плюс налог, выходит тринадцать с копейками, но мы можем остановиться на тринадцати.

— Тринадцать… — В его синих глазах промелькнуло весёлое изумление.

Толстяк повернулся к Раффлсу, вытащил из нагрудного кармана увесистый бумажник, закрыв его телом от моих глаз, отсчитал купюры, провозгласил: «Тринадцать, сэр!» — с тем же несколько недоверчивым выражением — и спрятал бумажник обратно в карман. Потом аккуратно сложил купюры пополам и подал их мне.

Topreading.ru

Почему-то у меня возникло желание их пересчитать, но я одёрнул себя. Не станет же он надувать меня на пару долларов? А даже если станет, что с того? Ну, получу одиннадцать долларов вместо тринадцати… И я так же аккуратно забрал у него деньги и, не считая, сунул себе в карман. Выписал расписку, заложил между страницами, взял со стойки стандартный пакет из коричневой бумаги и опустил в него книгу.

— Моё почтение, — сказал толстяк, забирая пакет у меня из рук. Он снова широко улыбнулся, лихо щёлкнул каблуками, подошёл к тому месту, где сидел Раффлс, и со словами «Ну что за милая кошечка!» почесал его под подбородком. Раффлс вложил всю душу в оглушительное мурлыканье.

После этого толстяк вновь повернулся на каблуках и направился к двери.

Как только дверь за ним закрылась, я достал из кармана деньги и сразу же увидел, что он ошибся. Верхняя купюра была сотенной. Я бегло просмотрел пачку — оказалось, что все купюры сотенные.

Я, конечно, вор, но всю жизнь оставлял воровские привычки за дверью моего магазина. Работа — это святое, я никогда на свете не обману покупателей и не позволю им обманывать себя. Получается, что толстяк заплатил мне тысячу триста долларов за книгу, которая стоила двенадцать. Такого налога, знаете ли, нет ни в одной стране мира.

Я выскочил из-за прилавка как ошпаренный, дёрнул за ручку двери и вылетел на тротуар, оглядываясь по сторонам. Толстяк стоял около пешеходного перехода через два дома от меня и собирался перейти улицу.

— Эй! — нерешительно крикнул я, но он не повернул головы. Знал бы я, как его зовут, мог бы позвать его по имени, но я понятия об этом не имел, поэтому выпалил первое, что пришло мне в голову: — Эй! Тайный агент!!! — и потрусил в его сторону.

Толстяк удивлённо повернулся ко мне и… лучше бы он этого не делал. А впрочем, какая разница? Даже если бы он вовремя заметил ту машину, пользы бы это ему не принесло.

Она медленно появилась из-за угла, и я увидел, что водитель вдруг резко поддал газу, а затем ещё более резко затормозил и остановился прямо посреди пешеходного перехода. Тут стекло пассажирского окна плавно опустилось, и из него показалось чёрное дуло винтовки.

А больше я ничего не видел, потому что сработал инстинкт самосохранения. Я бросился ничком на асфальт и резво заполз за ближайший ко мне припаркованный автомобиль. Конечно, чёрное дуло смотрело не в мою сторону, но ситуация могла измениться в любую минуту — зачем рисковать?

И изменилась. Винтовка оказалась автоматом, который принялся выплёвывать пули направо и налево. И прямо, разумеется, туда, где стоял толстяк. Несколько пуль ударило в капот машины, за которой я прятался, одна проделала аккуратную дырку в витрине магазина европейской антикварной мебели, ещё парочка со звоном влетела в окна первого этажа. Однако большинство пуль полетели туда, куда их посылала рука убийцы, — в грудь толстяка. Уверяю вас, ничего хорошего они ему не сулили.

Я, конечно, ещё этого не знал, потому лежал на животе, закрыв голову руками. Однако я всё-таки умудрился слегка повернуться и сквозь просвет между колёсами увидел, как дверь машины распахнулась, кто-то, вероятно стрелявший, выскочил на дорогу, подбежал к толстяку, нагнулся и поднял что-то, что вполне могло быть бумажным пакетом с книгой внутри. Машина

взревела и, оставляя на асфальте расплавленную резину шин, рванула с места. Около университета она свернула, не сбавляя скорости, направо и исчезла, провожаемая возмущёнными гудками десятка оторопевших от такой наглости водителей.

Не помню, как я поднялся и добежал до перехода, помню только, что нагнулся над толстяком, вглядываясь в его широко открытые мёртвые глаза. В моего недавнего посетителя попало не менее дюжины пуль, кровь ещё хлестала из ран. Он больше не улыбался, и кто стал бы его в этом винить?

— Берн? — раздался у меня над ухом голос Кэролайн. — Я услышала выстрелы и вышла посмотреть. Боже мой! Что произошло? Кто это? Откуда у тебя деньги?

Я всё ещё сжимал в кулаке тысячу триста долларов.

— Это его сдача, — пробормотал я. — Но, боюсь, она ему больше не понадобится.

Глава 18

— Эх, Малыш! — сказал Рэй. — Придётся пройтись ещё разок по вопросам.

Мы сидели в магазине, и, хотя часы показывали всего три пополудни, я уже едва держался на ногах. Я ведь почти не спал прошлой ночью, утро, правда, выдалось довольно спокойное, но последние два часа я провёл сидя за прилавком, а надо мной всей своей тушей нависал Рэй. Он задал мне вопросов тысячу, но что я мог на них ответить? Я знал не больше, чем он сам.

— Значит, в магазин зашёл незнакомый тебе чувак, — говорил Рэй. — Совершенно незнакомый, так? То есть ты его никогда не видел?

— Никогда.

— Здоровенный такой жиртрест, в костюме и при галстуке, а ты и в глаза его не видел.

— Я ведь только что сказал тебе, что не видел.

— И он никогда раньше не заходил в магазин, никогда не забирал книжку-другую для больного друга?

— Если бы он раньше заходил, — объяснил я терпеливо, — я бы его запомнил. Но мне сложно запомнить то, чего не было.

— Ай, не скажи! — воскликнул Рэй. — Кое-кто делает это мастерски! Это называется «врать», Берни, а ты у нас настоящий академик по этой части.

— Я не вру тебе, Рэй, — заверил я устало. — Он вошёл в магазин, поиграл с котом, а потом сказал, что у меня для него кое-что есть.

— И ты выдал ему книгу.

— Ага.

— Ты его в глаза не видел, но точно понял, какая именно книга ему нужна.

Topreading.ru

— Чёрт возьми! Да сколько раз я должен повторять одно и то же?

— До тех пор, пока я не пойму, Берни. Так что валяй, повторяй заново.

— Мне позвонили.

— Толстяк позвонил?

— Нет, не толстяк, а… один мой постоянный покупатель. Попросил отложить для него книгу.

— Книгу этого, как его… Конрада. Кстати, как его фамилия?

— Конрад. А имя — Джозеф. Он поляк, много лет провёл в море, сам выучил английский язык и стал известным романистом.

— Конрад? Это что, польское имя?

— Нет, он сменил имя, когда переехал в США.

— И правильно сделал, — заметил Рэй. — Его настоящее имя наверняка состояло сплошь из «щ» и «ж». Произнести это могут только сами поляки, да и то не все. Так что же было дальше? Ты нашёл книженцию и отложил в сторонку.

— Верно.

— А тут жирный чувак заходит к тебе в лавку, и ты отдаёшь книгу ему, а не тому, кто звонил.

— Я решил, что звонивший послал его за книгой.

— А ты спросил его, какая именно книга ему нужна?

— Я сказал название, и он от счастья чуть не лопнул. Я протянул ему книгу — он держал её с таким почтением, будто это были святые мощи. Я назвал цену, и он отсчитал купюры с быстротой молнии.

— А затем он вышел из магазина.

— Сначала попрощался с котом, — поправил я. — Только потом вышел.

— И тут ему прострелили башку, — проворчал Рэй. — А ты зачем за ним попёрся?

— Он не забрал сдачу, — объяснил я.

— И ты помчался за ним, чтобы вернуть сдачу? Ты, Берни?

— В своём магазине я чист, Рэй, — сказал я. — Чист как стекло и честен как папа римский. И хватит мучить меня, заканчивай свой допрос, пока я не умер от нервного истощения.

— Сколько стоила книга?

— Тринадцать баксов.

— А сколько он дал тебе?

Topreading.ru

— Пятнадцать. — Правдивость необходимо нормировать, даже внутри магазина. — Он дал мне десятку, а потом ещё пятёрку, и не стал ждать, пока я отсчитаю сдачу.

— Ты хочешь сказать, что сорвался с места из-за двух долларов, Берни? Двух паршивых баксов?

— Когда Авраам Линкольн был мальчиком, — начал я назидательным тоном, — он подрабатывал в магазине продавцом. И вот однажды недодал сдачу покупателю…

— Да что ты? Старик Аб был нечист на руку?..

— Это вышло случайно, — сказал я. — Покупатель ушёл прежде, чем Линкольн сообразил, что ошибся. Так вот, тем вечером он выяснил, где живёт покупатель, и по глубокому снегу в полной темноте отправился к нему домой, чтобы вернуть долг. А знаешь, сколько он недодал?

— Пару баксов?

— Нет, Рэй, одно пенни.

— То есть как это — одно пенни? Но, по крайней мере, его рожа хоть была на нём?

Я бросил на Рэя негодующий взгляд:

— Это был один цент по-нашему, Рэй, но Линкольн знал, что поступил нечестно, и не мог заснуть, пока не исправил ошибку.

Рэй нахмурился, и его лоснящийся лоб пошёл морщинами.

— Знаешь, — протянул он, — вообще-то я тоже слышал подобную байку в школе. Ты что, серьёзно веришь, что так оно и было?

— Я верю, что в этой притче скрывается глубокая духовная истина.

— Чего-чего?

— Другими словами, Рэй, — признался я, — нет. Не верю.

— Я тоже не поверил, когда услыхал. Да и сейчас… Не, старый Аб был хитрой лисой. В школе нам вкручивали ещё про Джорджа Вашингтона, помнишь? Ну, как он срубил вишню в саду отца, а потом признался в этом, типа «не могу врать тебе, па…»? История, конечно, гладкая, да только верится с трудом. Но к делу, Малыш, к делу. Так что это за книга такая особенная?

— Просто подержанная книга.

— Может быть, ценная или редкая?

— Ничего подобного.

— Тогда с чего ты решил так дорого продать её? Ты же сказал, она у тебя давно стояла.

— Чёрт знает как давно!

— То есть жиртрест явно не за ней приходил.

— Молодец, Рэй, хорошо соображаешь.

Topreading.ru

— Ладно, скажи мне вот что… — Рэй навалился животом на прилавок и понизил голос. — Что происходило в последнее время в твоей собственной воровской жизни, а? Что могло зацепить внимание таких серьёзных дядей?

Я столько раз сам думал об этом! Но кого я навещал в последнее время? Барбару Крили, конечно, но там меня никто не видел… Я также собирался наведаться к Мейпсам, но пока только собирался.

— Не представляю себе, Рэй, — сказал я честно.

— Выходит, всё началось с убийства Роговиных, — пробурчал он недовольно. — Короче, шакалы уложили Роговиных, взломали сейф, но не нашли в нём то, что искали. Что-то похожее на книгу, верно?

— Чашу Святого Грааля?

— Чего-чего?

— Не важно, — сказал я. — Ты прав, они искали что-то, что можно спутать с книгой.

— Ага, я тоже так думаю.

— Но только не «Тайного агента» Джозефа Конрада. Это было бы слишком невероятным совпадением.

— Точно, — протянул Рэй задумчиво. — Они не знали, на что *именно* похожа нужная им вещь, иначе жирный парень вернул бы тебе книгу сразу же.

— Или швырнул бы её мне в голову.

— Или в голову твоему коту. Однако странно, что он ничего не заподозрил, когда ты попросил за неё тринадцать баксов.

Правильно, Рэй, умница, он-то решил, что я прошу тринадцать сотен, да и это показалось ему смехотворно низкой суммой! То-то он так странно улыбался и отвернулся от меня, чтобы я не видел, сколько денег у него с собой. Один Бог знает, сколько я мог бы наварить на одной книжке!

— Может быть, он думал, что я напуган и хочу сбыть книгу с рук как можно быстрее, а тринадцать баксов прошу, ну… чтобы сохранить лицо? — предположил я.

— Ты не сможешь сохранить лицо за тринадцать баксов, Берни. Никто не сможет. Разве усы слегка подправить, но по-крупному — не выйдет, приятель! Короче, вот что думаю я: тут действуют две группы игроков — те, что пришили Роговиных, и другие. Я полагаю, что жиртрест — из этих других, а те, что замочили Роговиных, пристрелили и его.

И обчистили мою квартиру. Я тоже так думал, поскольку почерк второго ограбления в деталях копировал стиль «дела Роговиных», вплоть до обмотанного скотчем привратника. Но я не стал рассказывать об этом Рэю, потому что обещал Эдгару, что не сдам его иммиграционной службе.

— Так вот, — продолжал разглагольствовать Рэй, — их две команды. И на одной скопилось уже четыре «мокрых» дела. Но взгляните, кто же восседает за стойкой посреди всеобщего

Topreading.ru

побоища? Ну, конечно, наш друг сердечный — Берни, сын миссис Роденбарр!

— Я «восседаю» здесь по чистой случайности, — возмутился я. — Из-за тебя, между прочим! Чего тебе вздумалось тащить меня в тюрягу? Конечно, они прочитали об этом в газетах. Откуда им знать, что всему виной — полицейская некомпетентность?

— Эй, полегче, приятель!

— Они, верно, решили, что наши бравые парни в форме не могут так ошибаться, — продолжал я. — И что теперь прикажешь делать мне? Потребовать круглосуточную защиту, а? Ведь я — ценный свидетель, мне тоже может угрожать опасность!

— Ты серьёзно, Берни? Малыш, я для тебя в два счёта это устрою. Выделю тебе свободную одноместную камеру.

— Очень смешно.

— Нет, серьёзно, ты что, действительно хочешь, чтобы за тобой по пятам ходил легавый? Ты же с голоду помрёшь, приятель! Но я могу поговорить с капитаном…

Я представил себе человека в штатском, сопровождающего меня в Ривердейл. А что тут такого? Он может покараулить машину, по крайней мере, меня не оштрафуют за неправильную парковку.

— Ладно, проехали, — сказал я. — Обойдусь без легавых.

Пока мы с Рэем общались, в магазин входили покупатели, но в большинстве своём они просто бесцельно шатались вдоль полок и выходили, ничего не купив. Время от времени, однако, кто-то подходил ко мне с книгой, и я прерывал словесный понос Рэя, чтобы пробить чек. Временами меня спрашивали о стрельбе на улице, я вздыхал, качал головой и говорил, как всё это было ужасно и в какие страшные времена мы живём.

Когда Рэй свалил (правда, обещав вернуться), я смог наконец-то вздохнуть свободно и вновь предаться чтению романа Джона Сэнфорда. Повествование становилось всё более интересным, хотя сюжет был притянут за уши в ещё большей степени, чем в других книгах этой серии. Как всегда, речь велась от лица сразу нескольких персонажей, главного героя Лукаса Дэвенпорта, бесстрашного полицейского с внешностью мачо, и злодея, которым в этой книге оказался разочарованный в жизни священник-конгрегационалист, к тому же бывший вегетарианец. Злодей мотался по Миннесоте, зверски убивая известных вегетарианцев и фермеров, выращивающих овощи без удобрений, разделывая их тела и поедая печень. Надо отдать автору должное, писал он весьма убедительно, так что вскоре я с головой погрузился в чтение, но тут затренькал звонок на двери и в магазин вошёл ещё один покупатель, высокий мужчина с аккуратно подстриженной бородкой, тощий как жердь, в коричневом твидовом костюме с жилеткой. Я знал его. Это был профессор Колби Риддл, преподававший в «Новой школе». Он специализировался в области какой-то науки, название которой я забыл, что-то сложное, заканчивающееся на «логия».

— Добрый вечер, — пророкотал он. — Как мы сегодня поживаем?

Тот самый голос, что я слышал по телефону! Меня аж чуть не подбросило на стуле.

— Вот чёрт! — простонал я. — Вы что, пришли за книгой?

— Кажется, я не вовремя зашёл?

— Не в этом дело! — воскликнул я. — Колби, должен вам кое в чём признаться. Я отдал вашу книгу другому.

— О-о-о… — протянул он.

— Мне правда очень жаль.

— Вы ведь вроде обещали отложить её для меня.

— Я и отложил.

— О…

— А затем в магазин пришёл другой покупатель, и я ему её отдал.

Колби помолчал, пытаясь осмыслить сказанное мной, но потом его лицо немного прояснилось.

— Вы ведь вроде обещали отложить её для меня.

— Я и отложил.

— О…

— А затем в магазин пришёл другой покупатель, и я ему её отдал.

Колби помолчал, пытаясь осмыслить сказанное мной, но потом его лицо немного прояснилось.

— Вы что, решили, что он — это я? — спросил он наконец.

— Нет, я решил, что вы послали его за книгой. Он сказал, что у меня кое-что есть для него, и я…

— Понимаю, вы подумали, что это я его послал, и отдали ему книгу. Но почему он не вернул её вам?

— Не знаю…

— Потому что крайне, заметьте, *крайне* маловероятно, что ему нужна была та же самая книга, что и мне.

— Но он не вернул её. Хотя мне кажется, что он вообще не знал, что именно ему нужно.

— Но вы ведь дали ему мою книгу, и он её взял.

— Точно так.

— И заплатил за неё?

— Полную стоимость плюс налог.

Topreading.ru

— Нашей казне сегодня повезло. Вы думаете, он принесёт её обратно, когда поймёт, что допустил ошибку?

— Боюсь, что нет.

— Но почему? Когда он поймёт, что это не та книга…

— Он никогда не поймёт этого.

— У него что, смерть мозга?

Я решил, что он всё равно узнает об инциденте с толстяком, так что незачем ходить вокруг да около.

— Да, смерть мозга я могу констатировать лично, — сказал я. — Он вышел из магазина с книгой в руках, но у пешеходного перехода его расстреляли из автомата.

— Боже правый! Вы серьёзно? Вы не придумываете небылицы, Берни, чтобы оправдаться передо мной? Может, кто-нибудь просто предложил вам на два доллара больше…

— Я никогда бы не продал отложенную книгу, — возмутился я. — Поверьте, я говорю абсолютно серьёзно! В соседней витрине пулей пробита дыра, можете сами взглянуть! Некоторые пули ушли «в молоко», но большинство достигло своей цели.

— Какой ужас! — сказал Колби. — Как драматично! Драматичнее, чем всё, что написал сам Джо Конрад. Берни, я понимаю, что говорю ужасные вещи, но всё же… Когда этого человека убили, он же… упал на асфальт, так?

— Ну да.

— И уронил книгу, не правда ли? Не думаю, чтобы он умер, прижимая её к груди.

— Нет.

— И как вы полагаете, нельзя ли…

— Нет.

— Ах, понимаю, полиция забрала её как улику…

— Нет, её забрали убийцы.

— Не понимаю. Зачем убийцам?..

— Я тоже не понимаю. Однако стрелявший специально вылез из машины, поднял её с тротуара и унёс с собой. А затем они умчались прочь на огромной скорости, чуть не сбив по дороге ещё с десяток пешеходов. Но им, похоже, на это было совершенно наплевать.

— То есть они застрелили человека, чтобы забрать у него мою книгу, — задумчиво произнёс Колби. — Ну, не мою книгу, конечно, я ведь ещё не купил её. Вашу книгу, Бернард.

— Как хотите, Колби.

— Что же мне читать в выходные? — Колби нахмурился и подошёл к полкам. — Посоветуйте

что-нибудь, Берн.

Мы прошли в отдел художественной литературы. Я показал ему другие романы Конрада, но он отмёл их одним взмахом руки. — Слишком много воды, — сказал он, — и это раздражает. Действие «Тайного агента», по крайней мере, происходит на суше.

Другие рассказы Конрада казались Колби слишком уж мореходными.

— А как насчёт Грэма Грина? — спросил я. — У меня полно его книг. Некоторые тома даже ещё нечитаные, представляете?

— Боже правый, нет! — воскликнул Колби. — Кто угодно, только не Грэм Грин.

— Он что, вам не нравится?

— Самая заметная черта творчества Грэма Грина, — проворчал Колби, — состоит в том, что его персонажи получают от секса с молоденькими красавицами ещё меньше удовольствия, чем мы, когда обнимаем своих старых жён. Нет уж, благодарю покорно, в выходные я воздержусь от Грэма Грина.

В конце концов мы остановились на Ивлине Во, забыл, на каком именно романе. Колби сказал, что уже читал его, хоть и очень давно, но с удовольствием перечитает. Эта мысль полностью захватила его, он заявил, что ему вообще давно пора перечитать всего Во, и набрал целую сумку книг.

— Однако это ничего не значит, — заявил он мне на пороге. — Я всё равно хочу прочитать «Тайного агента». Если кто-нибудь принесёт эту книгу…

— Я обязательно отложу её для вас, — заверил я. — И теперь уж никто не посмеет её у меня отнять.

Глава 19

Я уже собирался закрывать магазин, как, на моё несчастье, вернулся Рэй Киршман.

— Какая приятная неожиданность, — скривив губы, пробормотал я. — Как же мне повезло-то!

— Почему?

— Да вот, надо внести в магазин столик с книгами. Берись-ка за тот край.

— Ой, как жалко, Малыш, а мне как раз доктор запретил поднимать тяжести. Не больше килограмма, говорит. Всё из-за больной спины.

— Ах, вот как! — сказал я. — Знаешь, на моём месте ты немедленно потребовал бы от меня фамилию лечащего врача и номер его телефона. Ну да ладно, не надо так смущаться, я не злопамятный. Просто отойди в сторонку и смотри, как человек надрывается.

И ведь этот сукин сын так и сделал! Правда, он подержал дверь, когда я заносил столик внутрь, заверив, что это самое меньшее, что он может для меня сделать, он бы с удовольствием сделал меньше, да просто не получилось. Вот жирная свинья! Я налил Раффлсу молока, насыпал корма и почесал между ушами, давая вечерние наставления.

— Эй, Малыш, — позвал Рэй, тяжело опускаясь на стул. — Я приглашаю тебя в бар сегодня. Когда закончишь болтать с котом, разумеется. В тот, что так нравится вам с Коротышкой. Я было хотел пойти вперёд тебя, устроить тебе сюрприз.

— Жаль, что не пошёл.

— Почему? Ты что, так любишь сюрпризы?

— Обожаю, когда преподносят кому-то другому, а сегодня сюрприз получил бы ты сам, потому что мы с Кэр не собираемся в бар.

— Ты что, разлюбил это местечко?

— Вовсе нет. Но у Кэролайн вечером встреча, и мне не хочется пить в одиночестве.

— Ну и прекрасно, выпьешь со мной. Давай поднимай свою задницу, и пошли.

Я покачал головой:

— Не сегодня, Рэй.

— Почему не сегодня? Разве нынче не пятница?

— Пятница, слава богу, мир не перевернулся. Просто пить мне не хочется.

— Ну, тогда выпьем по чашке кофе. Напротив университета открылась новая кофейня, говорят, приличная.

— Да, неплохая. Немного дороговата, на мой вкус.

— Не проблема, — бодро сказал Рэй. — Ведь ты угощаешь.

Мне пришлось угостить его двойным латте за четыре бакса, и я так расстроился, что взял себе такой же. Какого чёрта он так дорого стоит? Наверное, из-за своего французского названия… Я принёс бокалы к нашему столику, уселся в мягкое кресло и рассказал Рэю о визите Колби Риддла и о том, что загадка романа Конрада наконец-то разрешилась.

— Всё так, как я и предполагал, — отметил я. — Мой давнишний покупатель заказал книгу, вот я и решил, что толстяк пришёл за ней, а он думал, что книга — именно то, за чем он пришёл, поскольку он вообще не знал, за чем пришёл. Знал только, что этот предмет у меня.

— А у тебя он есть?

— Был бы, — сказал я, — ты бы узнал об этом первым. Чёрт возьми, если из-за этого барахла погибают люди, какого дьявола мне за него держаться? Я бы сразу же сдал его в полицию.

— В первый раз в жизни, наверное, — проворчал Рэй. — А что, у этого твоего покупателя есть имя?

— Конечно, есть, — заверил я. — Нынче сложно прожить жизнь без имени.

— Ну и как же его зовут?

— Не могу сказать.

— То есть как это — не могу? Почему?

— Обещал молчать, — пояснил я. — Ты что, газет не читаешь? Недавно была заметка про нашумевшее дело в Денвере: полиция пыталась вытянуть из владелицы книжного магазина информацию о том, какие именно книги она продавала одному клиенту. Видишь ли, этот тип торговал наркотой, и копы надеялись доказать, что он покупал книги вроде «Практическое пособие по производству метамфетаминов в домашних условиях».

— Ни хрена себе! Кто же печатает такие книги?

— Ну, может, название звучало немного иначе. Не в этом дело. Джойс Мескис, владелица магазина, обратилась в суд и выиграла процесс, хотя сама чуть не разорилась от судебных издержек. Но она пошла на принцип — сказала, что пожертвует собой ради записанного в Конституции «права на чтение», так что и я последую её примеру.

— Всё это чушь собачья, — возразил Рэй. — Какая связь между поляком Конрадом и наркотой на кухне? Сам не знаешь, что болтаешь, Берни, а если хочешь меня запутать, так тебе это не удастся. Не хочешь говорить мне его имя? Чёрт с тобой, тогда я сам скажу тебе имя. Нравится такой поворот?

— Давай валяй.

— Арнольд Лайл.

— Арнольд Лайл?

— Вспоминаешь?

Я покачал головой.

— Ну а как насчёт Ширли Шнитке?

— Арнольд Лайл и Ширли Шнитке. Шнитке?

— Мне кажется, я правильно произнёс. Возможно, но, когда Рэй произносил, к примеру, «Мондриан», у него получалось что-то вроде «Мона Удриана».

— Так значит, Арнольд Лайл и Ширли Шнитке. Арнольд Лайл плюс Ширли Шнитке равняется любовь. Они что, вырезали свои имена на коре дерева? Кто они такие?

— Так значит, Арнольд Лайл и Ширли Шнитке. Арнольд Лайл плюс Ширли Шнитке равняется любовь. Они что, вырезали свои имена на коре дерева? Кто они такие?

— Помнишь, как звали Роговина?

— Сейчас, минутку… вертится в голове.

— Давай вспоминай.

— А, вспомнил! Лайл. Арнольд и Ширли — Роговины?

— Были когда-то, — сказал Рэй. — Сейчас-то они оба — трупы. Мы наконец-то пробили их пальчики, так вот, у этих двоих послужной список чуть ли не длиннее твоего. Они оба из

России, приехали в Нью-Йорк пару лет назад и поселились на Брайтон-Бич. Конечно, на Брайтон-Бич немало трудолюбивых русских, которые уважают закон, но эта парочка была сделана явно из другого теста.

— То есть он — чистокровный русский, и зовут его — Арнольд Лайл?.. Уже смешно.

— Нет, имя своё он поменял, когда приехал в Америку. Между прочим, законным путём, наверное, то было последнее законное действие, которое он совершил. А Шнитке… вроде она родилась с этой фамилией.

— Ну, везёт же некоторым! — заметил я.

— Они сняли квартиру меньше месяца назад. Заключили договор на год и сразу заплатили вперёд наличными. Только не спрашивай, откуда они взяли эту фамилию: Роговины.

— Может, они вспомнили о Соле Роговине?

— А это ещё кто такой?

— Он играл за «Бизонов Буффало» пятьдесят лет назад, — сказал я. — Или их вдохновила Сирелл Роговин Лейхи? Она — писательница у меня в магазине даже есть её книга.

— Как мило, Берн. Ладно, давай называть их реальными именами, то есть Лайл и Шнитке. Ты уверен, что никогда раньше о них не слышал?

— Уверен.

— Видимо, они привезли сейф с собой. Квартира сдавалась с мебелью, мы связались с владельцем, и он подтвердил, что сейфа там не было. Мы обзвонили все магазины, но никто ничего не видел и не слышал.

— Интересно, — промямлил я и зевнул. — А почему ты рассказываешь об этом мне, Рэй?

— Я должен сам себе задать этот вопрос.

— Ну и?

— Во-первых, я уверен почти на сто процентов, что ты в этом деле не замешан.

— Я сказал тебе об этом всего лишь сто миллионов раз.

— Ага, я помню, да только не пришли ещё те времена, Малыш, когда я поверю тебе на слово. А если случится со мной такое, немедленно вызывай «скорую» и вези меня в «дурку». Но сейчас ты, похоже, не врёшь. Странно, но факт. И я подумал, а что, если нам поработать вместе?

— Что?!

Рэй серьёзно закивал головой:

— Согласись, Берни, мы знаем друг друга давно и всегда умели находить общий язык.

— Если учесть, что говорим мы на одном языке, согласен.

— Так вот, смотри, что получается. Куча придурков ищет что-то такое, ради чего они готовы

убивать друг друга и всех вокруг.

— Это что, повод поработать? По мне, так это повод собрать чемодан и свалить из Штатов первым же самолётом.

— Если я раскрою это дело, Малыш, меня точно повысят. Понял теперь? Конечно, мы пока не знаем, в чём замешаны эти Роговины, а после стрельбы на улице начальство вообще отобрало у меня это дело. Теперь им занимается майор Кейси. Но кто мне запретит покумекать чуток в свободное от работы время? А если я вдруг раскрою дело, ну тогда… Тогда, друг мой, пара звёзд мне обеспечена.

— Понял. Ну а я тут при чём, Рэй?

Рэй и ухом не повёл.

— Не все преступления раскрываются, сам знаешь, — продолжал он как ни в чём не бывало. — Даже лучшие полицейские не вездесущи.

— По мне, так вы, копы, гораздо более вездесущи, чем тараканы, — сказал я. — Уж лучше бы не совали всюду свой длинный нос.

— Ах, дружище, не надо так плохо думать о нас. Видишь ли, эти Лайл и Шнитке, похоже, были частью преступной группировки, а в таких случаях до самой сердцевины не достать, хоть и знаешь, кто за всем стоит. Но ведь нам начхать на мораль, верно, Берни? Нам следует думать о наших собственных бедных маленьких шкурках.

— Ну да, а для этого надо найти то, что так сильно всех интересует.

— Ах ты, мой умница! — восхитился Рэй.

— И ты не знаешь, что это может быть?

— Никаких идей. А ты?

— Ни малейшего представления.

— Ну, тогда я предлагаю такой план, — сказал Рэй. — Мы оба раскроем уши и глаза как можно шире и будем обмениваться информацией. Если ты узнаешь что-нибудь интересное, говори мне, а я буду говорить тебе. Идёт?

— И почём ты продаёшь свой план? — спросил я.

— Пятьдесят на пятьдесят, — заявил Рэй. — Кроме славы, конечно, которую я хочу получить единолично. Или ты тоже жаждешь прославиться? Я могу поговорить с мэром, возможно, он сделает тебя «горожанином года» или что-нибудь в этом роде. Но наличку будем делить старым, проверенным способом: пятьдесят на пятьдесят.

— Ну, хорошо, — согласился я. — В этом я вполне солидарен с сыном палаточника.

Рэй подозрительно уставился на меня:

— Какого ещё палаточника? Ты о чём? Не знаю я никаких палаточников.

— Уверен? А я думал, ты хорошо знаком с Омаром, сыном палаточника.

Topreading.ru

— Ты что, спятил? Или опять шутишь свои дурацкие шуточки?

— Вообще-то да, — признался я, — шучу понемногу. Не волнуйся, Омар нынче тоже труп, ещё хуже Арнольда и Ширли, но когда-то он был знаменитым персидским поэтом Омаром Хайямом и наставил немало людей на путь истинный. Он говорил, например: «Так бери же бабло, / Оставь славу пророку, / И не думай, мой друг, / Что случится потом».

Рэй почесал затылок.

— Оставь славу пророку? — фыркнул он презрительно. — Ну нет, не дождётесь! Я хочу получить и то и другое.

На 23-й улице, недалеко от угла с 5-й авеню, есть магазинчик, где продаются мобильники с оплаченной картой. Наверняка подобные магазины разбросаны по всему городу, однако обычно их не замечаешь, глаза скользят по витрине, не видя её. Вполне вероятно, что на 14-й улице, где мы с Рэем пили кофе латте за четыре доллара, имелся похожий магазин, но я не стал рисковать и пошёл по проверенному адресу.

Я дал продавцу десять баксов, а он протянул мне мобильный телефон. Я не помнил, сколько звонков могу сделать, прежде чем кончится лимит, — всё равно я собирался использовать лишь малую часть отпущенного мне времени. Я собирался позвонить на один-единственный номер и, возможно, даже всего один раз. В крайнем случае два или три раза, не больше.

Я вышел из магазина с телефоном в кармане и бездумно зашагал по улице, только через несколько кварталов вдруг осознав, куда меня несут ноги. Я взглянул на часы. До назначенного времени оставалось ещё часа два, так что я позволил своим ногам шагать туда, куда они сами желали, и вскоре стоял напротив дома на углу 24-й улицы и 3-й авеню. Я вспомнил, что проходил мимо него в среду вечером, чёрт его побери, но тогда у меня и на секунду не возникло желания остановиться.

Во-первых, этот дом был уродлив до предела — такие кирпичные многоэтажные монстры, к счастью для всех, вышли из моды лет этак сорок назад. Никаких украшений фасада, низкие потолки, дешёвые материалы, стены тонкие настолько, что на первом этаже слышно, как чихнули на пятом. Слава Всевышнему, больше таких уродов в нашем городе не строят.

Я подумал было подойти к привратнику — он задумчиво курил на тротуаре перед открытой дверью, — перебросится с ним парой слов, но в конце концов не стал этого делать. Что он мог мне рассказать сверх того, что знал Рэй?

Не то чтобы я сильно рассчитывал на партнёрство с Рэем, но всё же… Кто-то ведь на самом деле замочил Роговиных (хотя, пожалуй, правильнее теперь было назвать их «Лайл и Шнитке»). И те же самые бандиты — или «уголовники», по выражению Кэр, — чуть не убили привратника Эдгара, обнесли мою квартиру, стащили неприкосновенный запас и наделали с десяток дыр в одном из моих лучших клиентов. (Я, правда, видел толстяка один-единственный раз в жизни, но согласитесь, если человек, проведя в магазине пять минут, покупает книг на тысячу с лишним баксов, его можно назвать даже не просто «хорошим клиентом», а «чертовски хорошим клиентом». К тому же Раффлс отнёсся к толстяку необычайно благосклонно.)

Так что, если я помогу Рэю найти «уголовников», да ещё получу с этого какой-никакой

навар, — что в этом плохого?

Я ещё немного прошёлся, мимоходом подумав о том, сколько камер уже зафиксировало мою сегодняшнюю прогулку. Куда делись свободы демократического общества, скажите мне? Такое ограничение свободы передвижения, к примеру, весьма отрицательно сказывается на продуктивности людей нашей профессии, неудивительно, что количество преступлений падает. Рано или поздно все мы остановимся перед выбором: тюрьма или честная жизнь — и выберем честную жизнь, конечно, если только у нас не будет возможности уйти в большой бизнес. Или в политику. В этих кругах преступления чаще всего остаются безнаказанными, и камер можно не бояться.

Лучше всего рассуждать о суетности земного в заведениях, продающих спиртные напитки; недалеко от 37-й улицы я набрёл на довольно приличный бар «Парсифаль». В это время суток народу в баре было немного — наиболее сознательные клиенты уже свалили домой, а несознательные только копили силы, чтобы мощным фронтом заявить о себе через пару часов. У стойки бара имелись свободные места, и я уселся на высокий табурет и заказал себе бутылку минеральной воды. Девушка-бармен, высокая блондинка с такими высокими острыми скулами, что о них можно было бы порезаться, принесла мне бутылку «Пелегрино», выдавила в бокал ломтик лайма, содрала за это два бакса и оставила меня напиваться до посинения.

Наверное, именно в таком баре Барбара Крили и встретила хриплоголосого насильника, который вначале сунул ей в кофе таблетку снотворного, а затем в знак уважения (или отсутствия оного) засунул в неё свой жезл. Интересно, не отирается ли он тут и сейчас? Я незаметно осмотрелся, не очень отчётливо представляя, кого именно пытаюсь найти. Я ведь не видел его лица, кроме голоса я вообще ничего о нём не знал, так что шансов опознать негодяя, если он молча сидел на соседнем табурете, у меня практически не было.

Зато я мог опознать Барбару Крили — она стояла у бара, поставив одну ногу на стальную штангу, через пять табуреток от меня.

Но это была не она, хотя и похожа. Эта женщина была немного плотнее и старше той, под чьей кроватью я недавно провёл несколько часов, лицо у неё было тяжелее, а волосы — короче. Чем дольше я смотрел на неё, тем меньше находил сходства с Барбарой.

Я ещё раз оглядел помещение, просто так, проформы ради. Знал, что Барбары сейчас здесь нет, но почему-то не сомневался, что она регулярно появляется в этом баре. Возможно, она встретила своего «приятеля» в другом месте, тем не менее тут атмосфера была как раз подходящая. Если бы я имел возможность посидеть подольше, рано или поздно оба они материализовались бы у этого бара.

Ну а мне зачем нужно, чтобы они материализовались?

Абсолютно незачем, сказал я себе, поднимаясь. Что мне нужно, так это отправиться домой, собраться и пойти на дело. Я залпом допил остатки «Пелегрино», забрал большую часть сдачи и вышел.

Глава 20

В 8:45 я уже сидел за рулём бронзового седана «меркьюри-сэйбл», припаркованного практически вплотную к единственной пожарной колонке на Арбор-корт. Это, конечно, против

правил, но мне было наплевать, поскольку машину я угнал.

Я иногда сомневаюсь, что на Арбор-корт хоть иногда заходят копы из дорожной полиции — не думаю, что эта улочка им вообще известна, — но, если по закону зловредности какая-нибудь девчонка-полицейский и вздумала бы забрести в наш тупичок, я был к этому готов. С моего места мне была видна вся улица. Конечно, ключ в замке зажигания я не держал, так как у меня его попросту не было, но мог завести машину и слинять оттуда быстрее, чем самый быстрый коп в мире.

Однако за десять минут я не увидел никого — ни полисменов, ни пешеходов, ни даже кошек и собак. В конце концов из дома вышла Кэролайн и растерянно остановилась, осматриваясь по сторонам. Я завёл машину и сделал пару гудков, чтобы привлечь её внимание. Сначала она не признала машину, но, когда я опустил стекло и позвал её по имени, подбежала ко мне.

— О, вот ты где! — сказала она. — Классная тачка. Где взял?

— На Семьдесят четвёртой улице. Одолжил на время.

— Да? У кого же?

— Понятия не имею.

— Украл, что ли?

— Только формально, — сказал я. — Потому что намереваюсь её вернуть.

— Ты знаешь, так всегда говорят аферисты и растратчики после того, как их посадят. «Господин судья, но ведь я собирался вернуть эти деньги!» Только почему-то они никогда этого не делают.

— Ну а я не такой, — заверил я Кэр, — конечно, я её верну. А на что она мне сдалась? Где её парковать? Машины — это зло вообще, а когда у человека нет гаража, приходится парковать на улице…

— И кто-нибудь может её «одолжить», — подхватила Кэр, — чтобы сдать на запчасти.

— Слушай, что это с тобой? — спросил я. — Ты всё меньше походишь на мою единомышленницу и всё больше — на господина Рэя Киршмана.

— Не говори гадости! — возмутилась Кэролайн. — А впрочем, может быть, ты и прав. Я просто растерялась, не знала, приедешь ты или нет.

— Я же сказал, что приеду.

— Ну, после того, что случилось с толстяком…

— Мы едем в Ривердейл! Садись давай! Это всего в нескольких милях отсюда.

— Я знаю, но всё же…

— Мне нужны деньги.

Мне также совершенно необходимо было поднять самооценку — последнее время всё шло наперекосяк. После моего позорного лежания под кроватью дела шли из рук вон плохо. Копы

приставали, воры грабили квартиру, клиентов убивали прямо у меня на глазах. Я и не знал, чего ждать в следующую минуту. Надо было действовать: может быть, разбомбить Ирак я и не смогу, но уж Мейпса ограбить — это непременно, будьте уверены! PI я не стану дожидаться, как на это отреагирует премьер-министр Франции.

— Ладно, жди здесь, — сказала Кэролайн. — Я скоро вернусь. И не вздумай ехать туда в одиночку.

Довольно урча, «сэйбл» двигался по Вест-Сайд-драйв. Ехать на нём было одно удовольствие, он прекрасно слушался руля и шёл гладко, да и движение уже успело рассосаться. На 57-й улице я застрял на светофоре и повернулся к Кэролайн:

— По твоей загадочной улыбке можно предположить, что свидание прошло успешно.

— О да! Но только вначале я натерпелась…

— А что случилось?

— Ну, понимаешь, я пришла первая, всего на пару минут раньше назначенного времени. Вошла в отель «Алгонкин», как до меня туда заходили всякие знаменитости — к примеру Дороти Паркер и Роберт Бенчли.

— Ну да, и Александр Вулкотт, и Джордж Кауфман…

— Ну и эти ребята тоже. Так вот, я села за столик прямо в вестибюле, и ко мне сразу же подлетел официант — по виду прямиком из Лондона — и спросил, что я буду пить. А я растерялась.

— Ну ты даёшь! Почему?

— Во-первых, бар расположен у них чуть дальше в фойе, так что я не знала, может, в лобби людям подают только чай. Правда, почти все вокруг пили чай из бокалов для мартини. Похоже, слово «чай» там употребляют для определения любых напитков… И потом… вдруг она действительно собиралась пить чай, а тут — нате вам! Я хлебаю бухло, как последняя алкоголичка!

— Подожди, ты ведь написала на сайте, что любишь скотч?

— Ну да, написала, но не была уверена, что мне надо демонстрировать свою любовь на первом же свидании. Ты же знаешь, как говорят: *«У вас не будет второго шанса, чтобы произвести хорошее первое впечатление»*.

— Неужели так говорят?

— Мне кажется, я где-то это слышала. Ну и пока я решала, что лучше, в вестибюль зашла женщина и устремилась к моему столику. Она даже не огляделась — увидела меня и рванула с места в карьер.

— Это что, была распространительница продукции «Эйвон»?

— Да нет же, это была моя Дородная Тёлка!

— Ну и как она в жизни? Дородная?

— Красавица! Немного выше меня, хотя это ни о чём не говорит, тёмные волосы, изумительная фигура, такое нежное лицо, и румянец… И серые глаза…

— Серые?

— Ну да, она сказала, что в детстве они были голубыми, но потом с возрастом цвет вымылся из глаз. Такое бывает?

— С волосами.

— Ну а тут это произошло с глазами, так что «Клэрол» ей не поможет. Она пришла с работы, сказала, надеется, что не заставила меня долго ждать, а я ответила, что сама только пришла и даже не успела ещё сделать заказ, и тогда она…

Бла-бла-бла-бла… И так далее, и тому подобное. Кэролайн пересказывала мне их диалог слово в слово, ей бы работать репортёром, описывая королевские свадьбы. Я сразу же отключился, поскольку внешность новой знакомой Кэролайн поразила меня.

Волосы, цвет лица, фигура, конечно, тысячи женщин могли обладать теми же параметрами, но… В последнее время меня не оставляло чувство, что в моей жизни вот-вот произойдёт нечто неожиданное, какое-то невероятное совпадение, от которого я приду в шок, и это «нечто» тихо ждёт сейчас своего часа, размышляя, с чем бы ему совпасть.

Я снова включился в тот момент, когда Кэролайн в своём рассказе подошла к моменту выбора напитков.

— …И она спрашивает, что я хочу заказать, а я в ответ: «Наверное, чашку чая». И тут она говорит: «Я думала, ты любишь скотч», — представляешь? Ну, я подтверждаю — мол, типа, да, люблю, но иногда приятно и чаю выпить; а она говорит, что целую неделю вкалывала как проклятая и что чаем напряжение не снимешь; тогда я соглашаюсь: «Ладно, я тоже выпью рюмочку». Я ведь знаю, что ты никогда не пьёшь перед делом, верно, Берн, но мне-то одна рюмочка не может помешать? Не может, верно, Берн? Я ведь не пойду с тобой в дом?

— Нет, я пойду один.

— Ну вот я и подумала, что от одной рюмки не опьянею.

— Так ты выпила одну рюмку?

— Вообще-то две.

— А я думал, ты только что сказала.

— Берн, ну кто пьёт одну рюмку? Это как одна половинка ножниц. Или одна штанина. Они всегда вдвоём. Понимаешь?

— Нет, бывает, что люди пьют одну рюмку, — твёрдо возразил я. — Иначе откуда взяться выражению: «Выпить по рюмочке»? По одной рюмочке, верно? Не по две, не по шесть, не по десять. Ты сама всегда говоришь: «Выпью рюмку». А потом пьёшь две. Где логика?

— Логика есть, и преотличная! Сначала я говорю: «Выпью рюмку», а чуть позже спрашиваю себя: «А не пропустить ли по второй?» Так что первая рюмка — не самоцель, а просто некий

этап. В общем, мы выпили по две рюмки, и я съела целую тарелку орехов, чтобы нейтрализовать действие алкоголя. Теперь я в порядке.

— Берн, ну кто пьёт одну рюмку? Это как одна половинка ножниц. Или одна штанина. Они всегда вдвоём. Понимаешь?

— Нет, бывает, что люди пьют одну рюмку, — твёрдо возразил я. — Иначе откуда взяться выражению: «Выпить по рюмочке»? По одной рюмочке, верно? Не по две, не по шесть, не по десять. Ты сама всегда говоришь: «Выпью рюмку». А потом пьёшь две. Где логика?

— Логика есть, и преотличная! Сначала я говорю: «Выпью рюмку», а чуть позже спрашиваю себя: «А не пропустить ли по второй?» Так что первая рюмка — не самоцель, а просто некий этап. В общем, мы выпили по две рюмки, и я съела целую тарелку орехов, чтобы нейтрализовать действие алкоголя. Теперь я в порядке.

— Точно?

— Точно, не волнуйся. К тому же я не за рулём, тест на алкоголь проходить мне не грозит. И я не пойду в дом, так в чём проблема?

— Ни в чём. Так что, она тебе понравилась?

— Очень, Берн. И мне кажется, я тоже ей понравилась.

— Произвела хорошее первое впечатление?

— И это замечательно, потому что второго шанса у меня бы не было.

— А где она живёт?

— На Манхэттене. Я и раньше это знала, вовсе не хотела влюбиться в девчонку с окраины. Где бы мы с ней встречались?

— Ты права, это ужасно. Однажды мне понравилась девушка, мы начали встречаться. Но она никак не хотела рассказать, где живёт. Мы ходили по барам или шли ко мне…

— Она что, жила в Бруклине?

— Хуже, в задрипанной заднице Куинса. Сначала туда несколько дней едешь на метро, потом пересаживаешься на автобус и только после этого чапаешь пешком кварталов этак десять. Это на самом краю мира.

— Но ведь она каждый день приезжала в город…

— Когда твоя девушка живёт в такой жопе, — печально сказал я, — это не может не отразиться на отношениях. Представляешь, отпускать её каждый вечер в такую задницу? Пришлось расстаться.

— Вау, как печально.

— Ну и кроме того, — добавил я, — у неё был довольно визгливый, пронзительный голос. Сначала мне казалось, что я к нему привыкну, но в один прекрасный день я вдруг понял, что не хочу к нему привыкать. Даже скорее так: я не хочу слышать его, чтобы случайно не

привыкнуть. — Я вытащил из кармана телефон и, взглянув на клочок бумаги, набрал номер. — Вот так-то. — Из динамика раздались далёкие телефонные звонки в доме на Девоншир-клоуз; после четырёх гудков включился автоответчик и записанный на плёнку голос хозяина пригласил меня оставить сообщение. Я дал отбой.

— Ну, моя Тёлочка не такая, — заявила Кэролайн.

— А какая?

— У неё нет изъянов. По крайней мере, я их не вижу.

— То есть голос не визгливый?

— Чудесный голос. Такой чуть-чуть хрипловатый.

— Даже если она живёт на Манхэттене, расстояния здесь немаленькие. Она может жить, к примеру, на Вашингтон-Хайтс.

— Ну и что? Не так уж это и далеко. У меня была подружка с Вашингтон-Хайтс.

— Именно на это я и намекаю.

— О, то был кошмар, конечно, но география тут ни при чём. Просто не получилось у нас с ней, и всё. Но Тёлочка живёт ближе, если хочешь знать, ей от работы пятнадцать минут идти.

— А где она работает?

— В юридической фирме на углу Сорок пятой улицы и Мэдисон-авеню. Поэтому она и выбрала «Алгонкин». А что?

— Просто пришло в голову… Если она живёт в пятнадцати минутах ходьбы от работы, значит, на востоке это могут быть Шестидесятые улицы.

— Полагаю, да.

— А на западе — Пятидесятые.

— Ну и что?

— А на юге — Тридцатые.

— К чему ты клонишь?

— Мне просто хочется удостовериться.

— Удостовериться? В чём?

— Что она не та, кем, как я думаю, она может быть.

— Чего?

— Понимаешь, это было бы, конечно, невероятным совпадением, — сказал я. — Но совпадения происходят с нами сплошь и рядом, а в последнее время они так и вертятся вокруг меня. Так что, если она окажется той, о ком я думаю…

Topreading.ru

— Кем это?

— …было бы здорово, если бы вы, девушки, назвали друг другу свои настоящие имена.

— А мы и назвали.

— Правда?

— Ты же не думаешь, Берн, что я стала бы в лицо называть её Тёлкой? Мы сразу же представились, ещё до того, как нам принесли выпить.

— И какое имя ты назвала?

— Я? Кэролайн Кайзер. Понимаю, с воображением у меня плоховато, но я просто сказала первое, что пришло в голову…

— А она?

— Она? Что она могла сказать: «Привет, Кэролайн!» Она поверила мне, у неё даже в мыслях не было, что я могу назвать чужое имя…

— Ну и как зовут твою Тёлку?

— Лейси Кавиноки. — Кэролайн засмеялась. — Смешное имя, правда? Рифмуется со всем на свете… *Лейся-залейся, да только не спейся…*

— Ты уверена?

— Что рифмуется? Сто процентов.

— Нет, я имел в виду…

— Знаю, что ты имел в виду. Что это не настоящее её имя? А что я должна была делать? Попросить паспорт или водительские права? Чего ты боишься, не могу понять? Кем она может оказаться, по-твоему?

— Барбарой Крили.

— Барбара Крили. Это та дамочка, которую…

— Да, изнасиловали и ограбили. Знаю, знаю, сейчас ты скажешь, что это смешно.

— Это не просто смешно! — воскликнула Кэролайн. — Это совершенно нелепо. В Нью-Йорке восемь миллионов жителей, Берн. Какой шанс, что это она?

— Восемь миллионов в пяти районах, — поправил я, — только два миллиона в Манхэттене.

— Один шанс из двух миллионов?

— Ну, половина из них — мужчины, — сказал я. — А из второй половины тебе сначала надо вычесть детей и старушек, потом тех, кто замужем, а потом…

— Берн, не сходи с ума.

— Ладно, ты права.

— К тому же Лейси — не твоя Барбара.

— Я знаю.

— Что за идиотские мысли появляются у тебя ни с того ни с сего?

— Я знаю…

— Ты что, думаешь, я злюсь на тебя? Ничего я не злюсь, просто это так глупо…

— Ладно, забудь…

— Мою подружку зовут Лейси Кавиноки, — сказала Кэр. — Она прелестна как картинка, умная и весёлая. А ещё — стопроцентная лесбиянка, и гордится этим. Она не из тех, кто сегодня может пойти с дамой, а завтра — с мужиком. Понимаешь, Берн? Она — вроде меня, не имеет ничего против мужчин, но ей вовсе не хочется прильнуть к ним своим красивым телом. Помнишь эту песню?

— Помню.

— «Если я скажу, что у тебя красивое тело, ты прильнёшь ко мне?»[7] Так вот, Берн, если ты скажешь, что у неё красивое тело, она к тебе не прильнёт.

— Чудесно.

— А ко мне прильнёт. Понятно? Ладно, поживём — увидим. Но я абсолютно уверена: она не Барбара Крили. Она — Лейси, Лейси Кавиноки, и в ближайшее время изнасиловать её может лишь один человек — я.

Глава 21

Мы продолжали двигаться на север по Вест-Сайд-драйв, пока не пересекли реку Гудзон и не въехали в Бронкс, где по 232-й улице добрались до Палисайд-авеню. Слева от нас простирался узкий зелёный мыс ривердейлского парка, а линии Метро-Норт отделяли парк от реки.

Я заранее изучил маршрут, но в этом районе столько улиц с односторонним движением, что я быстро сбился с дороги — пришлось поплутать, пока мы не выехали на Девоншир-клоуз. По дороге я рассказал Кэролайн о своей вылазке в среду и о том, как пытался найти в доме Мейпса хоть одно уязвимое место. Но отключить его сигнализацию снаружи оказалось не по силам даже мне, окна были тоже подключены к общей системе, а мой давний приятель — угольный люк — вообще отсутствовал, заложенный кирпичом и намертво зацементированный.

— Сдаюсь, — признала безвыходность ситуации Кэролайн. — И как же ты собираешься проникнуть внутрь?

Я пообещал, что покажу ей, когда доберёмся туда, и вскоре мы приехали на место будущего преступления. Я снова достал телефон, позвонил Мейпсам и вновь услышал автоответчик. В этот раз я подождал сигнала, а затем произнёс встревоженным голосом:

— Доктор Мейпс? Вы дома? Пожалуйста, подойдите к телефону. Это очень важно!

Никто к телефону не подошёл, и я повернулся к Кэролайн.

— Это на всякий случай, если он не отвечает на звонки с незнакомых номеров.

— Здорово, конечно, — сказала Кэролайн, — но теперь твой голос записан на его автоответчике. По-моему, не очень умно, а?

— Сейчас это не важно, — успокоил я Кэр. — Вот если он там будет, когда я выйду из дома, тогда другое дело.

— Ну конечно, ты сотрёшь свою запись. Но известно ли тебе, что это можно сделать, только если автоответчик современный, цифровой. Если телефон у него старый, где используется магнитная плёнка, твой план по удалению записи не сработает. С ленты ничего стереть нельзя, её можно лишь прокрутить заново, чтобы следующее сообщение записалось поверх старого. Что ты будешь делать с магнитофонной плёнкой?

— Украду её, — ответил я и галантно кивнул.

Свернув на Девоншир-клоуз, я подъехал к дому Мейпсов. Возможно, я ошибался, но мне показалось, что огни в доме горели в тех же комнатах, что и два дня назад. Напротив дома на другой стороне улицы было место для парковки, однако я сделал то, что намеревался сделать с самого начала: въехал на дорожку, ведущую к гаражу Мейпсов, и остановился напротив ворот, не заглушая двигатель.

Кэролайн что-то пискнула, но я проигнорировал её, вылез из машины и подошёл к гаражу. Ворота были опущены и не поддались, когда я попробовал приподнять их. Рядом с воротами я увидел небольшую дверь, которая оказалась незапертой. Конечно, установленный на двери крошечный замочек в любом случае не смог бы затормозить меня больше чем на пять минут, но в открытую дверь я вошёл ещё быстрее. Включив в гараже свет, я нажал кнопку подъёма ворот, а когда они поднялись, погасил свет, сел в машину и загнал её в гараж — чувствуя себя жалким уродцем рядом с роскошным «лексусом».

Я выключил зажигание и вылез из машины. Кэролайн не шевельнулась. Она вздохнула и с сомнением в голосе спросила:

— Берн, ты уверен?.. Мы же в самом брюхе чудовища.

— Пока нет. Скорее в районе горла.

— Нет, тогда уж в пасти… Застряли между зубами, как кусок жевательного табака, — не прожевать и не выплюнуть. Ты что, не понимаешь? Мы запарковали машину в гараже дома, который собираемся ограбить. А что, если кто-нибудь придёт?

— Никто не придёт.

— А что, если кто-нибудь будет проходить по улице и увидит в гараже чужую машину? Что, если он позвонит Мейпсам?

— Никто ничего не увидит, когда я опущу ворота.

— Опустишь ворота? Но ведь тогда, если что-то случится, мы вообще окажемся в западне.

— Не мы, а машина.

— Но ведь я-то остаюсь в машине!

— Ты не будешь ждать меня в машине, — объяснил я. — Ты будешь стоять на стрёме около гаража. Тебя должно волновать только одно: если кто-то повернёт на въездную дорожку.

— Ну и что мне делать в таком случае? Завести машину и ждать, когда выхлопные газы решат проблему за меня?

— Нет, — сказал я, — тебе надо трижды посигналить. Дай три сигнала, как можно громче.

— А ты услышишь?

— Услышу, не бойся, — заверил я. — Таким образом ты меня предупредишь, а после этого убирайся отсюда как можно скорее.

— Как?

— На заднем дворе изгородь невысокая — всего-то футов пять, не больше. Сможешь через неё перелезть?

— Ну, если за мной будет гнаться разъярённый хозяин дома, думаю, не просто перелезу — перелечу через неё, — ответила Кэролайн. — А что потом? Бежать?

— Чем меньше внимания ты к себе привлечёшь, тем лучше. Беги до следующей улицы, заверни за угол и смешайся с толпой пешеходов.

— А куда мне идти? Я не знаю этого района.

— Иди в любую сторону — рано или поздно выйдешь к метро. Никто не будет гнаться за тобой. И в любом случае всё это — чистая теория, поскольку мы уедем отсюда вместе, когда я освобожусь.

— Как скажешь, Берн. Чёрт! Хотела бы я быть такой же спокойной! Ну ладно, расскажи, как ты проберёшься в дом.

— Сейчас увидишь. — Мы вышли из гаража, я нажал кнопку, и ворота плавно поехали вниз. Я повёл Кэролайн по дорожке вокруг дома, где-то на полпути к двери остановился и показал рукой:

— Видишь?

— Вижу что? Боковая дверь, но ведь ты говорил, что все двери на сигнализации.

— Справа от двери.

— Справа? Да ничего там нет!

— Посмотри внимательней, — настаивал я. — На уровне глаз. Что ты видишь?

— Чёрт его знает! Какой-то белый прямоугольник. Я бы сказала, что это похоже на кошачью дверь, но только ни одна кошка так высоко не запрыгнет. Кенгуру, может, и запрыгнет, но для кенгуру дверка маловата. Так что же это?

— Молочный люк.

— Молочный люк? Что за хрень такая?

— Это своего рода отверстие, — объяснил я. — Отверстие в стене, с обеих сторон закрытое дверками. Молочник открывает дверь снаружи и ставит внутрь бутылку молока, а хозяин достаёт её изнутри. Понимаешь?

— Здесь что, до сих пор существуют молочники?

— Не думаю, — сказал я. — Но в то время, когда строились эти дома, молочники функционировали. В полный рост. Полагаю, что в домах, облицованных металлическим сайдингом, молочных люков уже нет, но здесь — видишь? — другое дело. Хотя Мейпсы и замуровали угольный люк, они вряд ли стали связываться с молочным. Кому он мешает? Если его заложить кирпичом, это явно не украсит фасад. А у тебя в доме не было молочного люка?

— В квартире на двенадцатом этаже? Молочники, к сожалению, не летают.

— Ну а я вырос в доме. Мы всё время пользовались молочным люком. Вернее, я пользовался. Как-то вернулся из школы, а мамы не было дома. И я залез в дом через молочный люк.

— Сколько лет тебе было тогда, Берни? — спросила Кэролайн.

— Не помню. Одиннадцать, может, двенадцать.

— Ты был меньше ростом, — скептически заметила она.

— Ну и что?

— Да то, что с тех пор ты вырос, а молочный люк — нет. Посмотри на себя. Как ты собираешься пролезть в эту крохотную дырку?

— Не волнуйся, пролезу, — сказал я, но Кэролайн явно не разделяла моей уверенности. — Я проделывал это неоднократно. В последний раз, если не ошибаюсь, мне было уже семнадцать лет, а то и больше, и ничего! — продолжал я убеждать её. — Никто не верил, что я смогу протиснуться туда, даже когда мне было двенадцать: просто отверстие кажется меньше, чем оно есть на самом деле. А я кажусь больше, чем есть.

— Ну а что на той стороне люка?

— Не знаю пока, потом расскажу. Обычно он открывается в шкаф.

— А что, если внутренняя дверь заперта? — Перехватив мой молчаливый взгляд, Кэролайн тяжело вздохнула. — Прости, Берн, забыла, с кем говорю. Ну ладно, предположим, ты отопрёшь ту дверь. Но всё-таки, представь себе, что будет, если ты не пролезешь в это игольное ушко?

— Тогда я очень быстро вернусь, — сказал я, — и мы с тобой поедем в какой-нибудь бар и хорошенько напьёмся.

Да будет вам известно, что самое главное — просунуть в отверстие голову.

Это — правило для начинающих, но, конечно, оно подходит не для всех. Если ты весишь, к примеру, четыреста фунтов, твоя, извините, задница, безусловно, застрянет в проёме, через который легко пройдёт голова. (Я вспомнил толстяка в дорогом костюме, который так щедро

заплатил мне за «Тайного агента». Вот ему бы не следовало пробираться в дом этой дорогой — скорее верблюд пройдёт сквозь игольное ушко…)

Однако в целом этот принцип работает, что новорождённые младенцы доказывают каждый божий день. Раффлс инстинктивно действует таким же образом: если его усы щекочут стенки отверстия, он не полезет внутрь, скорее отойдёт и сделает вид, что вообще никогда туда не собирался.

Молочный люк в доме Мейпсов был достаточно велик, чтобы вместить мою голову, усы и даже уши. Я надел перчатки и приступил к работе.

Перво-наперво я занялся маленьким крючком, который следовало откинуть, чтобы открыть дверь. Это даже не замок, а просто устройство, не позволяющее двери самопроизвольно распахиваться. Крючок не откидывался: время и несколько слоёв краски заклинили его намертво, так что мне пришлось прибегнуть к помощи ножа.

Внутренняя дверь также закрывалась на крючок. Я достал инструменты и просунул в отверстие руку. Четырехдюймовый отрезок гибкой стали отогнул крючок так быстро и просто, как будто был сделан специально для этих целей. Внутренняя дверца приоткрылась, но, когда я попытался распахнуть её настежь, она не поддалась. Ей явно мешало что-то мягкое: стоило нажать посильнее, она открывалась, но, как только я убирал руку, снова захлопывалась.

Я посветил в темноту фонариком и конечно же сразу понял, в чём проблема: внутри дома люк открывался в платяной шкаф, и мне мешала висевшая там шуба.

Пришлось ещё раз просунуть в щель руку и пошуровать в шкафу, отодвигая вбок вешалки. Вскоре я расчистил достаточно места, чтобы раскрыть дверцу настежь. Я убрал инструменты и фонарик в задний карман и, не снимая перчаток, осторожно засунул в отверстие голову, а затем — плечи. Это было непросто, но я сжался, как мог, постаравшись принять форму угря, произнёс краткую и страстную молитву Санта-Клаусу, известному своими проникновениями в дома через дымоход, и принялся, извиваясь как червяк, ввинчиваться в молочный люк.

Надо сказать, что в этот момент меня захлестнула волна ностальгии. Не только по тому первому, магическому разу, когда я понял, что могу войти в дом независимо от того, заперт он или нет. Тогда я как раз ничего противозаконного не делал. Меня оставили на улице по чистой случайности, так что я имел полное право войти к себе домой, однако возбуждение и нервный трепет я почувствовал сразу же.

Вскоре после этого я научился мастерски разбирать и собирать замки всех систем и конструкций, но первым делом сделал слепок маминого ключа в куске мыла и выпилил себе дубликат, позволяющий мне не зависеть от родителей.

Если бы в тот судьбоносный день меня не оставили на улице, кто знает, как сложилась бы моя судьба? Возможно, я не пошёл бы по преступной дорожке? Но что-то мне подсказывает, что всё равно пошёл бы. Вообще-то в нашем семействе нет яблони, от которой я мог бы, так сказать, недалеко откатиться. В роду как Граймов, так и Роденбарров — сотни поколений честных работяг, исправно обменивавших свой труд на скромное вознаграждение. Но я — прирождённый вор, из тех достойных порицания субъектов, о которых говорят, что им приятнее украсть доллар, чем заработать пять. И у меня действительно талант проникать в любые помещения, даже если их владельцы делают всё возможное, чтобы этого не допустить. Я долгое время изучал замки, практиковался в отпирании любых дверей, но это давалось мне легко. Без ложной скромности признаюсь, что родился с большими способностями в воровском

деле.

Вообще-то я не часто мысленно переношусь в старые добрые времена, да и молочные люки не мой профиль. Но, вместо того чтобы напрячь свои извилины и заставить мозг работать в нужном направлении, дабы побыстрее выбраться из затруднительного положения, я в самый неподходящий момент предался сладостным воспоминаниям. Хотя могу авторитетно заявить, что нет ничего неприятнее, я бы даже сказал опаснее для вора, чем оказаться застрявшим в стене, когда ноги у тебя торчат с одной стороны, а голова — с другой. Мне было бы трудно объяснить копам, вздумай они появиться, что я делаю в молочном люке чужого дома. Вот идиотская ситуация — ни вперёд, ни назад! Даже оттолкнуться не от чего — ноги мои болтались над гравийной дорожкой Мейпсов, носом я упирался в какую-то шубу, а руками зацепиться ни за что не удавалось, поскольку они были плотно прижаты к телу.

Единственное, что я мог, — продолжать извиваться как червяк. Ладно, а что, если я найду нужное положение и начну ритмично подтягиваться с одной стороны и распрямляться — с другой? Червяки ведь передвигаются таким образом, и очень быстро… Проклятье, ну почему я не червяк!

Ни хрена не получается.

Господи, неужели эта эпопея закончится полным позором? Неужели я так и буду дожидаться, когда Мейпс и его жена вернутся из театра и вызовут полицию? Если бы я застрял в тот первый раз, возможно, Господи, это навсегда отвратило бы меня от карьеры домушника. Но за что же ты преподаёшь мне урок сейчас? Надо было наказывать тогда.

Я мог бы и дальше развивать эту мысль, даже получить некое извращённое удовольствие от абсурдности происходящего, но в этот момент почувствовал, как чьи-то руки крепко взяли меня за щиколотки.

Глава 22

Я не слышал звука подъезжающей машины, не слышал шагов. Голова моя уже давно прибыла на место назначения, то есть в шкаф, так что пальто и шубы глушили окружающие звуки. К тому же не могу сказать, что я напряжённо прислушивался, — слишком был занят своим червякообразным продвижением к цели. Неужели Кэролайн уже посигналила три раза? Я сказал ей «три раза, как можно громче». Неужели я не слышал сигналов? Но с другой стороны, машина-то стоит в гараже с закрытыми воротами, а моя голова находится в закрытом шкафу. Мог и не услышать.

На мои щиколотки будто надели железные оковы. Сердце у меня упало, мозг застыл, и единственной промелькнувшей мыслью было: «Хоть Кэролайн выбралась невредимой и позвонила Уолли Хемфиллу!»

Казалось, прошли часы, впрочем, наверное, секунды, и тут я услышал её спокойный голос:

— Это я, Берн.

Вот и всё, что она произнесла. Согласитесь, она могла бы много чего мне наговорить в тот момент, но не стала — и в этом одна из причин, почему мы с Кэр останемся друзьями навсегда. Вместо насмешек она с силой подтолкнула меня вперёд, и этого оказалось достаточно: я

приземлился на пол в тёмном шкафу.

Через сорок минут я вышел на улицу через боковую дверь, ту, что находилась возле молочного люка. В прихожей рядом с входной дверью я нашёл панель управления сигнализацией — там их обычно и крепят, чтобы хозяин дома мог ввести код, как только войдёт в дом. Я достаточно хорошо изучил систему «Килгор», чтобы знать, как она работает: можно выставить определённые зоны в доме, которые она будет обходить своим вниманием. Я нашёл зону боковой двери, отключил её и преспокойно вышел наружу.

Как и подавляющее большинство домохозяек, миссис Мейпс держала пустые полиэтиленовые пакеты в нижнем отделении кухонного шкафа. Я взял четыре пакета, поскольку то, что мне предстояло вынести из дома, весило весьма прилично. Я засунул несколько пакетов один в другой, увеличив таким образом их грузоподъёмность, и наполнил добычей, взятой из сейфа в спальне Мейпса, потом добавил ещё одну вещь, которую просто не смог не захватить с собой, и донёс пакеты до гаража, где Кэролайн встретила меня шумным вздохом облегчения — очевидно, бедняжка практически не дышала всё то время, что я провёл в доме.

— Господи, как я волновалась, — сказала она. — Тебя не было почти час!

— Сорок минут, — поправил я.

— Сорок минут! Это же почти час! Подожди, давай я подержу дверь. Хочешь, чтобы я подняла ворота?

— После того, как я сяду в машину.

Багажник поднимался нажатием кнопки — удобно для тех, у кого нет ключа от машины. Я сложил внутрь пакеты и сел за руль. Кэр подняла ворота гаража, мы выкатились задним ходом, после чего я оставил включённым двигатель и снова вышел наружу, чтобы в последний раз опустить ворота. Не снимая перчаток, я тщательно протёр все поверхности, которых могла коснуться Кэролайн.

Она заметила, что я делаю, и сказала, что старалась ни до чего не дотрагиваться.

— Ну, всё равно, — пробормотал я, подошёл к боковой двери и запер её с помощью своих отмычек. Открыв дверцу молочного люка, я тщательно протёр её снаружи и изнутри, затем закинул на место крючок. Крючок внутренней дверцы я закрыл, ещё будучи в доме.

Мы выехали на улицу — Девоншир-клоуз не могла похвастаться интенсивным движением, что было и хорошо, и плохо: с одной стороны, сложно затеряться среди машин, за неимением оных, но с другой стороны, улица казалась настолько вымершей, что просто некому было нас замечать. Мы бодро свернули на Плуменс-Буш и через несколько минут выехали на Бродвей и погнали на юг, к Манхэттену.

Можно было вернуться тем же путём, каким приехали — вдоль реки Гудзон, — но что-то не позволяло мне свернуть с Бродвея, и мы чинноблагородно двигались в строю, останавливаясь на светофорах, пропуская пешеходов, не нарушая скоростной режим. Бродвей — почтенная старинная дорога, она ведёт от начала Манхэттена до самого Олбани. Я когда-то читал заметку об одном человеке, который прошёл весь Бродвей пешком, не от Олбани, а от границы графства Уэстчестер. Он рассказал обо всём, что видел по пути, получилось интересно, и я не

Topreading.ru

удивлён. Чего только не насмотришься по дороге! Конечно, и пока едешь на машине, можно многое увидеть, но в тот момент мне не хотелось смотреть по сторонам.

— Берн?

— А?

— Что-то не так?

— Нет, всё прекрасно. Почему ты спрашиваешь?

— Ты молчишь.

— Что? — спросил я. — А… ну да, молчу.

— Вот я и подумала — может, что-то не в порядке?

— Нет, всё в порядке.

— О!

— Я забрал из сейфа кучу денег, — сказал я. — Полагаю, с ним часто расплачивались наличкой. Если её декларировать или отмывать, то в первом случае платишь налоги, а во втором случае платишь за отмывание. И пока ищешь способ, как это сделать подешевле, она где-то должна храниться.

— Для этого он и устроил тайник в стене, верно?

— Да, хранил там деньги, думал, что надёжно спрятал их. Ха! Могу сказать, что, когда я снял эту морскую ерунду со стены и принялся за работу, времени, чтобы открыть сейф, мне потребовалось немного — ну, может, чуть больше, чем на молочный люк.

— И к тому же тебе не надо было заползать внутрь.

— Очень смешно! — оценил я. — В общем, кроме налички, он хранил там всякую ерунду — акции, акт собственности на дом, какие-то страховки, ценные бумаги. И кое-что из украшений жены. Я нашёл шкатулку розового дерева на трюмо, полную цацек, но самые дорогие хранились в сейфе.

— Ручаюсь, их там больше нет.

— Ошибаешься. Я оставил в сейфе и бумаги, и драгоценности.

— Господи, почему? Не похоже на тебя, Берн.

— Рассуди сама, — сказал я. — Больше всего меня устроит, если полиция никогда не узнает об этом ограблении. Конечно, они не смогут догадаться, кто грабитель, а уж доказать — и подавно, но если они вообще не будут знать об этом инциденте, то не станут и копаться. Если бы я взял драгоценности, у Мейпса возник бы повод обратиться в полицию. Наверное, они застрахованы, так? Чтобы получить деньги со страховой компании, необходимо полицейское заключение. Но деньги? Они-то не застрахованы и не задекларированы, так что Мейпсу вовсе не улыбается, чтобы к нему домой на всех парах примчалась налоговая полиция.

— То есть ты думаешь, он проглотит эту пилюлю с улыбкой?

— Не знаю, как насчёт улыбки, но пилюлю ему придётся проглотить. Наверное, будет изрыгать проклятия, но только в туалете и шёпотом. Возможно, его утешит выражение «как нажито, так и прожито»? Или как оно там звучит? «Бог дал, Бог взял»?

— О! — воскликнула Кэролайн сочувственно.

— Вот так-то.

— Бедняга! Конечно, я понимаю, что он Говноед и всё такое, но всё равно… И сколько там было, ты не считал?

Я отрицательно покачал головой. Сложно было сосчитать на месте, куча купюр разного достоинства, от одного до ста долларов, какие-то конверты, пачки, перетянутые резинкой… По самому грубому расчёту там было больше ста тысяч и меньше миллиона, но точно сказать я не мог.

— Да уж достаточно, чтобы отдать Марти его долю — и ещё немало останется!

— То есть ты думаешь, он проглотит эту пилюлю с улыбкой?

— Не знаю, как насчёт улыбки, но пилюлю ему придётся проглотить. Наверное, будет изрыгать проклятия, но только в туалете и шёпотом. Возможно, его утешит выражение «как нажито, так и прожито»? Или как оно там звучит? «Бог дал, Бог взял»?

— О! — воскликнула Кэролайн сочувственно.

— Вот так-то.

— Бедняга! Конечно, я понимаю, что он Говноед и всё такое, но всё равно… И сколько там было, ты не считал?

Я отрицательно покачал головой. Сложно было сосчитать на месте, куча купюр разного достоинства, от одного до ста долларов, какие-то конверты, пачки, перетянутые резинкой… По самому грубому расчёту там было больше ста тысяч и меньше миллиона, но точно сказать я не мог.

— Да уж достаточно, чтобы отдать Марти его долю — и ещё немало останется!

— Не забудь про свою долю, — напомнил я.

— Что ты! Мне не надо много. Я ведь поехала просто так, за компанию.

— Эй, минутку, — возразил я. — Во-первых, ты спасла меня. Если бы не ты, я бы до сих пор висел там между небом и землёй.

— У меня как-то были такие отношения с одной девушкой, — задумчиво сказала Кэролайн. — Между небом и землёй… не очень-то приятное состояние. Ну ладно, я тебе чуть-чуть помогла, но ведь я не рисковала?

— Правда? А если бы приехала полиция, как бы ты оправдывалась? «Я тут просто погулять вышла»?

— Нет, но…

— В общем, расклад такой, — сказал я. — Марти получает пятнадцать процентов с общей суммы. Ты получаешь треть того, что останется.

Последовало минутное молчание — Кэролайн пыталась подсчитать в уме свою долю.

— Чёрт, у меня нет бумаги и карандаша, — сдалась она наконец, — но мне кажется, что при добыче в сто тысяч я получу что-то в районе тридцати тысяч долларов.

— Наверное, выйдет даже больше.

— Больше? Боже праведный, Берн! Ты знаешь, сколько пуделей мне нужно вымыть, чтобы заработать такие деньги?

— Немало.

— Хорошо сказано, именно «немало». Берн? А что мне делать с этими деньгами?

— Да что пожелаешь. Это же теперь твои деньги.

— Мне что, надо будет их… отмывать?

Я потряс головой:

— Нет, конечно нет. Просто сними в банке ячейку и храни их там. Будешь брать по мере надобности. Чёрт возьми, Кэр, ты просто сможешь себе позволить немножко больше, чем раньше, — лишний пиджачок, например, или билеты на новый мюзикл. Поверь, как только ты войдёшь во вкус, от них быстро ничего не останется.

— И на том спасибо.

Мы промчались по Бродвею почти до моего квартала, а там я свернул на Коламбус-авеню и проехал мимо Линкольн-центра. Площадь была запружена выходящими из дверей людьми, и на секунду мне показалось, что «Дон Жуан» уже закончился. Нет, для него слишком рано — это закончился концерт в «Эйвери-Фиш-Холле», тоже весьма популярном месте. Если бы я украл не «меркьюри-сэйбл», а обычное такси, мог бы сейчас неплохо подработать. Мы с трудом выбрались из скопления машин и покатили в сторону нашей «Деревни».

— Берн? Раз мне причитается как минимум тридцать штук, значит, ты получишь больше шестидесяти. Так?

— Верно. Но если тебе кажется, что это несправедливо..

— Нет, нет, — поспешно сказала Кэролайн. — Очень справедливо, даже более чем. Я о другом. Ты ведь взял эту «кассу», сделал всё чисто, копы на тебя наседать не будут…

— Ну и что?

— Так почему же ты не улыбаешься?

— То есть как?

— Да так, вид у тебя какой-то невесёлый. Ты такой…

— Какой?

— Озабоченный, что ли.

— Озабоченный, это верно, — подтвердил я. — Тут ты попала в точку.

— Не хочешь рассказать мне, что случилось?

— В своё время, — сказал я, — но не сейчас. Сначала поедем к тебе и разгрузимся. У меня в последнее время слишком много посетителей, так что хранить там наличку не хочется. К тому же мне надо срочно заказать новый тайник, а я даже не знаю, к кому обратиться. Короче, я тебя выгружу у дома, а потом отгоню машину на то место, откуда её взял. Да, и ещё избавлюсь от телефона. А затем я снова приеду к тебе — сваришь мне кофе? И закажи чего-нибудь вкусного, хорошо? Мы с тобой пересчитаем денежки, поделим их и немного посидим, поболтаем за чашечкой кофе. Тогда я расскажу тебе, что меня сейчас беспокоит.

Глава 23

Когда я снова вернулся на Арбор-корт, меня ждал целый стол яств — Кэр не поскупилась на экзотику. Говядина в апельсиновом соусе от Хунань Пана, тыквенный мусс из маленькой сирийской забегаловки на углу, разнообразные закуски из корейского ресторана.

— Я вспомнила, что мы сегодня не ужинали, — сказала Кэролайн. — А я так хотела есть, что чуть сапог свой не сглодала. Ты, наверное, тоже голоден как волк. Но я не знала, чего тебе захочется, так что просто прошлась по улице и купила всего понемногу.

Мы наполнили тарелки и в два счёта опустошили их под голодными взглядами котов Кэролайн; они так жалостливо глазели на нас — прямо детки-сиротки с плаката о пожертвованиях. Однако мы не поддались даже на их провокационное мяуканье. Арчи — сиамец, Уби — русская голубая, и эта парочка выглядит так, как будто с рождения не пропустила ни одного обеда.

А вот мы пропустили и обед, и ужин, поэтому уплетали вкусности за обе щёки. Но, как мы ни старались, Кэролайн купила слишком много (когда человек голоден, ему свойственно увлекаться), так что часть недоеденных продуктов пошла в холодильник, а остальное досталось котам.

— Ты только посмотри на маленьких негодников! — возмущённо сказала Кэр. — Как только им положили еду в миски, они сразу потеряли к ней всякий интерес. Теперь полчаса будут ходить кругами вокруг, делая вид, что ничего не замечают. А потом посмотрят друг на друга со значением, типа: «Что это у нас? Еда? Боже, у меня вообще не бывает аппетита, но надо хоть попробовать, а то хозяйка обидится…»

— Вот и я тоже, — сыто пробурчал я, — едва заставил себя проглотить несколько кусков. Теперь надо заставить себя выпить чашечку кофе.

— Я приготовила кофе, потому что ты попросил. Но тебе не вредно пить кофе на ночь? Ты же не заснёшь!

— Надеюсь, что не засну, — сказал я.

— А что, ещё тонна работы осталась?

— Даже несколько тонн, — подтвердил я. — У тебя, полагаю, не было времени пересчитать

деньги?

— Пересчитать их? Да мне смотреть-то на них страшно! Я поставила мешки в чулан, а перед тем, как выйти из дома, забаррикадировала дверь стулом. Как будто это помогло бы!

— Представляешь картинку: как раз в этот момент к тебе в окно залезают мелкие воришки, чтобы украсть твой старый радиоприёмник, и — опаньки! Что у нас тут?

— Да, я тоже подумала, что по закону подлости именно это и может произойти.

— Ну что ж, мелкие воришки не стали бы отодвигать стул, — сказал я. — Ты — умница, что подумала об этом.

Пока мы считали деньги, я успел выпить две чашки крепкого кофе. Вот наркодилеры, как я слышал, купюры не считают, а взвешивают, прекрасно зная, сколько долларов стоит фунт денег, но это работает только в том случае, когда все банкноты одинакового достоинства. Однако Мейпс не стеснялся брать и долларовые бумажки, так что наша задача была гораздо сложнее. Да и взвесить деньги мы могли бы только на весах Кэр, что стоят у неё в ванной — вряд ли они очень точные, мне кажется, она там что-то подкручивает. Поэтому мы просто разобрали банкноты по номиналу, разложили по кучкам и тупо пересчитали. Это заняло уйму времени, но, надо вам сказать, считать деньги довольно приятно, особенно если эти деньги — ваши.

Каждый из нас брал в руки стопку купюр, пересчитывал их и записывал результат на листке бумаги, затем откладывал в сторону. После того как последняя стопка была сосчитана и отложена в сторону, я сделал общий подсчёт и показал результат Кэролайн. Брови её поползли вверх.

— Двести тридцать семь тысяч, — сказала она. — Ровно?

— Я округлил.

— Это же почти четверть миллиона долларов!

— Ага.

— Господи боже, это же целое состояние!

— Детка, возьми себя в руки. Это просто цена приличной однокомнатной квартиры в хорошем здании и в хорошем районе.

— Ну да, если так рассуждать… Но мне не нужна новая квартира, поэтому я буду думать о целом состоянии. Я ведь могу заплатить аренду за чёрт знает сколько лет вперёд! Насколько этого хватит?

— Лет на девяносто. Но если брать в расчёт инфляцию, то меньше — что-то около семидесяти.

— И это немало! Правда, через семьдесят лет я буду если не в гробу, так уж точно в местном доме для престарелых. Хорошо бы, они позволили мне взять туда моих крошек. Да, я и забыла, что не все эти деньги — мои. Подсчитай-ка, сколько мне причитается?

Topreading.ru

Я снова взялся за карандаш, вычел долю Марти, разделил остаток на три. Получилось 67 тысяч 150 долларов.

— Берн, я богата!

— Скажем так: богаче, чем ты была пару часов назад.

— Богаче, чем я была когда-либо! О, Берн, теперь я буду бояться хранить эти деньги дома.

— Ничего с ними не случится, у тебя хорошие замки. Ты живёшь на первом этаже, конечно, но зато на окнах решётки. А самое главное — никто не заподозрит, что у тебя дома может лежать такая сумма.

— Вот спасибо!

— Ты понимаешь, что я имею в виду. Только мы знаем об этих деньгах, и что касается меня, то я собираюсь держать язык за зубами.

— И я тоже. Конечно, здесь безопаснее, чем у тебя. Но ведь разве чулан — не самое первое место, куда лезут грабители?

Кэролайн была права, и я спросил, не хочет ли она принять ванну.

— Ванну? Ну, не то чтобы очень… От меня что, воняет? — Кэр подняла руку и понюхала у себя под мышкой. — Да не особенно, — заключила она обиженно, — бывает и хуже. Приму ванну перед сном.

— Нет, давай уж сейчас.

— Почему? А… Поняла! Сейчас, только полотенце возьму.

— А я пока книжку почитаю, — сказал я. — Чёрт, жаль, не захватил с собой нового Джона Сэнфорда.

— Я купила эту книгу, Берн. И уже прочитала, неделю назад закончила. Так что можешь взять её, на здоровье!

— А ты про какую говоришь? Я читаю ту, где один маньяк мочит вегетарианцев.

— Ну да, она самая. Знаешь, а я его понимаю, однажды я сама чуть не прибила вегетарианку. Представляешь, приглашаю к себе на ужин эфирное создание, ради неё сбегала в дорогущую мясную лавку этого итальянца, как его там? Отоманелли? Приготовила роскошный ужин, и тут выясняется, что она не ест красное мясо. Я её чуть не убила! Хотела сказать: «Что ж, возьми его домой, положи на полку, и через неделю оно позеленеет — тогда сможешь съесть его вместо салата!» Ну что, нашёл? По-моему, она на верхней полке. Да, классный роман! Лучше всех та сцена, помнишь, где он рубит в капусту диетолога, который заставлял пациентов сидеть на ростках спаржи и сельдерее.

Я буркнул, что так далеко ещё не продвинулся, и углубился в чтение. Через полчаса Кэролайн прервала меня, сказав, что успела принять ванну и одеться.

— Я протёрла ванну полотенцем, — добавила Кэр. — Ну а ты как? Хорошая книжка?

— Да, ничего себе.

— По-моему, это его лучшая вещь. Мне даже название нравится: «Жертва салата». Ванна готова, Берн.

Я сложил пакеты с деньгами в ванну, накрыл столешницей, но после минутного колебания снова снял её.

— Жаль, что у тебя кошки приучены пользоваться туалетом, — пробормотал я.

— Да? А, понимаю. Если бы мы засыпали пакеты наполнителем для кошачьих туалетов, воры решили бы, что кошки ходят туда по своим делам!

— Да, именно об этом я и подумал.

— Они бы решили, что кошки у меня гораздо чистоплотнее хозяйки, ибо где мылась бы я? Впрочем, их мнение меня не интересует! Как ты думаешь, одного пакета хватит? Или взять два? Ближайший магазинчик ещё работает!

Двух мешков наполнителя вполне хватило: теперь, если кому-нибудь пришла бы охота снять с ванны столешницу (хотя кому такое может прийти в голову?), он немедленно поставил бы её на прежнее место. Конечно, мы могли бы поднять индекс достоверности ещё больше, если бы пригласили кошек использовать туалет по назначению, но на моё предложение Кэролайн сказала твёрдое «нет». Она и так потратила уйму времени и сил, чтобы приучить кошек ходить в нормальный туалет, если теперь они начнут мочиться в ванну, ей придётся их усыпить и завести новых.

— И так хорошо, — констатировала она. — О, кстати, я забыла спросить тебя: ты стёр сообщение с автоответчика?

— Да, всё в порядке, — сказал я. — Автоответчик у него цифровой, так что это оказалось проще простого. И я избавился от мобильного телефона. В наши дни мобильная связь устроена так, что копы могут идентифицировать любой телефон. Даже если номер не опознаётся, он остаётся в системе, и потом его можно оттуда выудить.

— Да, в «Законе и порядке» твердят об этом всё время.

— Но в отношении моего телефона они в лучшем случае дойдут до магазина, узнают, в каком месте я купил его, но не смогут выяснить моё имя. Так что я выбросил телефон, да и дело с концом.

— Просто выбросил?

— Мог бы, да стало жалко. Там ещё осталось столько минут! Я положил его на парапет в метро. Надеюсь, что кто-нибудь подберёт его и сможет бесплатно позвонить мамочке в Санто-Доминго.

— Какой ты молодец, Берн, что думаешь о других!

— Моё благородство дошло до того, что я даже хотел заправить бак в «меркьюри-сэйбл», —

Topreading.ru

сказал я. — Но не стал. Я нашёл свободное местечко недалеко от того места, откуда угнал машину. Кстати, цилиндр замка зажигания я вернул в первоначальное состояние, так что владелец и не узнает, что его машиной пользовались.

— Ты же говоришь, что припарковал её в другом месте — наверное, хозяин решит, что у него начал развиваться склероз. Эй, Берн, что случилось?

— А?

— Ты был озабочен, а теперь нет. Что произошло?

— Я всё ещё озабочен, — сказал я. — Просто положил свою заботу на полку.

— Да?

— В буквальном смысле этого слова, — пояснил я и открыл дверцу чулана. Кроме денег я забрал из дома Мейпса ещё одну вещь, которую убрал на верхнюю полку чулана подальше от глаз Кэролайн. Теперь я достал её и протянул ей.

— Это книга! — удивлённо провозгласила Кэролайн. — Твёрдый переплёт, суперобложка отсутствует. — Прищурившись, она взглянула на корешок. — «Тайный агент» Джозефа Конрада. Странно, разве это не то же название, что…

— …у книги, которую я продал толстяку за тринадцать сотен? Да.

— Ты что, нашёл ей замену в библиотеке Мейпса? Как удачно, Берн. Теперь ты сможешь обрадовать своего клиента. Как его звали?

— Колби Риддл.

— Точно, как я могла забыть? В любом случае, Берн, ты недавно говорил, что у тебя такое чувство, будто ты вот-вот наткнёшься на совпадение, и пожалуйста! Чем не совпадение? Или же у Мейпса такая огромная библиотека, что эта книга по-любому должна там быть?

— У Мейпса совсем небольшая библиотека, — сказал я.

— Тогда это действительно поразительное совпадение.

— Особенно если откроешь книгу и взглянешь на титульный лист. Видишь эти цифры? «Двенадцать долларов», написано моим почерком. И я нашёл её не на книжной полке. Она лежала у Мейпса на письменном столе.

— То есть это — та же самая книга?!

— Ага.

— Не просто то же название, но тот же самый экземпляр?!

— Точно.

— Но ведь это даже не совпадение… Берн, как она попала к нему?

— Не представляю, — сказал я. — Ты интересовалась, чем я так озабочен? Ну вот, теперь знаешь.

Глава 24

— Толстяк купил книгу.

— Точно.

— Но долго она у него не пробыла. Кто-то подстрелил толстяка и похитил книгу.

— Точно.

— Толстяк думал, что книга — не просто книга, и так же думал его убийца.

— Точно. А затем книга оказалась на столе у Мейпса. Значит ли это, что Мейпс сидел в той машине? Что он убил толстяка?

— Он, конечно, Говноед, — сказал я. — Но Марти никогда не называл его убийцей. Он же пластический хирург, должен уметь пользоваться скальпелем, а не автоматом Калашникова.

— Из такого застрелили толстяка?

— Похоже, да. Автомат, Кэр, — особенная штука: нажимаешь на спуск — и начинают выскакивать пули. Но я плохо разбираюсь в автоматах. Предпочитаю держаться от них подальше.

— Я тоже. Либо Мейпс сам сидел в машине, либо убийца отвёз ему книгу потом.

— Логично.

— Книга как-то связана с Роговиными, только это — не настоящее их имя. Я забыла, как их звали.

— Их было двое: Лайл и Шнитке.

— А они как связаны с Мейпсом?

— Не имею понятия.

— Блин, я совсем запуталась. Кто был в машине? Те же, что убили Роговиных? Точнее, Лайл и Шнитке?

— Я тоже вначале так думал. Теперь не уверен в этом. Мою квартиру обыскали убийцы — Лайла и… знаешь что? Отныне я буду называть их обоих «Лайлы». Не знаю, женаты они были или просто жили вместе, но меня тошнит от слова «Шнитке».

— Да уж, приходится напрягаться, чтобы выговорить.

— Ага. Но мы можем быть уверены, что в обоих случаях орудовала та же самая банда — привратника связали скотчем и так далее.

— Что-то типа их личного почерка. Это те, кого мы назвали «уголовники».

— Пусть будут «уголовники». Не представляю, кто за всем этим стоит, Кэр. Для меня это всё слишком сложно. Слишком запутанно. Единственное, что я знаю, — это что моя книга лежала

Topreading.ru

на столе у Мейпса.

— И ты забрал её?

— Сделал такую глупость… И что на меня нашло?! Вроде всё провернул чисто, резиновые перчатки и полная анонимность, а потом — бамс! — забрал книгу! Да не просто книгу, а именно «Тайного агента» Джозефа Конрада! Я мог бы с таким же успехом оставить свою визитку в сейфе.

— Берн, не забудь, он сегодня потерял четверть миллиона баксов.

— Ну не четверть…

— Почти. Он потерял квартирку в центре Манхэттена…

— Ну не четверть…

— Почти. Он потерял квартирку в центре Манхэттена…

— Хорошую однокомнатную квартиру в хорошем районе…

— …и ты думаешь, что он заметит пропажу какой-то книжки? К тому же книга — не Святой Грааль, как мы знаем. Она — ложный Грааль, за неё бьются только до тех пор, пока не выяснят, что она — вовсе не то, что им нужно…

— А разве мы не можем сказать то же самое в отношении жизни вообще?

— Берн…

Я поднялся на ноги и вытянул вперёд руки, отсекая все последующие вопросы.

— Это слишком сложно для меня, — сказал я. — Слишком запутанно.

— Ты куда собрался?

— В бар.

— Что, решил надраться? Оставайся здесь, Берни, у меня полно бухла.

— Ты задаёшь слишком много вопросов.

— Чего?! — возмущённо воскликнула Кэролайн. — Ты что, совсем рехнулся? Только что выпил целый кофейник кофе, а теперь идёшь в бар? Да ты же напьёшься в хлам и свалишься где-нибудь под кустом, а заснуть тебе не удастся из-за кофеина, так и будешь валяться до утра. Берн, что это вдруг на тебя нашло?

— Не буду я напиваться, — сказал я. — Мне просто хочется проверить, как далеко могут зайти совпадения.

Я взял кеб до «Парсифаля». В этот поздний час иначе как на такси до Вест-Виллидж не

Topreading.ru

добраться, а в свете того, сколько мы с Кэр заработали за вечер, я полагал, что могу себе это позволить.

Я не был уверен, что бар всё ещё открыт, но почему-то мне казалось, что они торгуют выпивкой всю ночь. По законам Нью-Йорка бары имеют право продавать алкоголь до четырёх утра и только в субботу обязаны закрываться на час раньше (когда вы имеете дело с законами города Нью-Йорка, стоит заранее приготовиться к тому, что все они противоречат здравому смыслу).

Толпа в «Парсифале» заметно поредела, но оставшиеся пили, так сказать, за двоих, а алкоголь в их крови вызывал повышение личных показателей громкости, так что, по общему впечатлению, коллективный шум был чуть ниже рёва мотоциклетного двигателя без глушителя, но много выше, чем интеллигентное урчание «роллс-ройса». Хорошо бы этот шум выбил мне из головы надоедливые мысли! Но мысли упорно лезли в голову, как я ни старался прогнать их.

За стойкой стояла та же сексуальная блондинка. Выяснилось, что она помнит меня, поскольку сразу же спросила, хочу ли я воды. Я покачал головой и заказал виски.

— Давно пора, — сказала барменша. — Желаете конкретную марку? Наш фирменный виски — «Тичерс».

— Нет ли у вас «Глен Драмнадрохит»?

Она сморщилась и сказала, что вообще не слыхала о таком. Неудивительно. Я сам в первый раз попробовал этот виски в маленьком семейном отеле в Беркшире[8] — и вернулся домой с тремя бутылками в чемодане. Я растягивал их, как мог, но — увы! Они давно закончились. Я больше никогда не пробовал виски с таким прекрасным вкусом. При воспоминании о «Глен Драмнадрохит» я понял, что «Тичерс» меня не устроит, и попросил вместо бленда чистый солодовый. К моему удивлению, в баре имелся отменный выбор солодовых виски. Я остановился на «Лафройге», может быть, потому, что с первого раза смог правильно произнести название, и заказал двойной. У этого виски довольно необычный вкус, к нему надо привыкнуть. Несколько лет назад я вроде бы привык на какое-то время, но сейчас понял, что должен привыкать заново. Лучший способ привыкнуть — потягивать виски маленькими глотками, позволяя ему растекаться по нёбу и не забывая повторять, как тебе нравится этот вкус. Если всё сделать правильно, то, к моменту, когда осушишь первую двойную, ты сам в это поверишь.

Я сделал первый глоток и сказал себе: «О, это настоящий „Лафройг“. Я и забыл, каков он на вкус, но теперь вспомнил. Я бы с закрытыми глазами узнал этот вкус…» Немного позже я сделал второй глоток и задумался, нравится ли он мне. Решил, что нет, совсем не нравится. На пятом глотке я привык к своему напитку, так что вопрос о том, нравится ли он мне, отпал сам собой. Я привык к нему, как к своему кузену «Он твой кузен, чёрт побери! Что значит, он тебе не нравится? Он член твоей семьи, и довольно!»

Я готовился к шестому глотку, когда в бар решительным шагом вошла женщина и уселась у стойки через пару табуретов от меня. Стоял второй час ночи, но она выглядела так, будто только что вышла из офиса: тёмно-серый брючный костюм из тонкой шерсти, тёмные волосы убраны в узел на затылке, — вы, конечно, сразу догадались, о ком речь, но мне потребовалось на это несколько минут. Не забудьте, что я видел её лишь раз — с закрытыми глазами, открытым ртом и распущенными волосами. И без одежды.

Блондинка за стойкой, видимо, хорошо её знала.

— «Дж» и «т»? — спросила она.

— Да, пожалуйста. Побольше «дж» и поменьше т.

— Поняла. Что-то припозднилась ты сегодня, а? Я не смотрел в её сторону, но по тишине понял, что брюнетка закатила глаза.

— Я и не собиралась заходить, — сказала она. — Уже подумывала, а не оформить ли доставку на дом?

— Ха! Сначала утряси это с Государственным комитетом по борьбе с алкоголизмом.

— Ну, не знаю, может быть, стоило открыть «прецедентное дело»? — Но перед ней уже стоял джин с тоником, она схватила рюмку и одним махом опустошила её.

— А-а-а-х! — с облегчением воскликнула она. — Вот теперь мне гораздо лучше! Сигрид, скажи, душечка, до того, как ты остановила свой выбор на карьере барменши…

— Эй, полегче! Работа барменшей ничего общего с карьерой не имеет. Я вовсе не хотела стоять за стойкой…

— То есть как?

— Кто это в Нью-Йорке хочет работать в баре? Все девушки хотят получить образование в области истории искусств, например, а чтобы свести концы с концами — работают официантками. Очень скоро они понимают, что бармены зарабатывают гораздо больше и им не надо возиться с грязной посудой. К тому же не надо бояться, что уронишь поднос, уставленный тарелками со спагетти болоньез, прямо на стол, за которым сидят шесть банкиров из Риджуэя, Нью-Джерси…

— … Боже, неужели такое случилось с тобой?

— Нет, но вполне могло случиться. И ты заканчиваешь курсы в Американской школе барменов, получаешь работу, начинаешь смешивать мартини, «отвёртки» и «Маргариты», а потом, когда босс в первый раз лезет тебе под юбку, увольняешься..

— Такое случилось с тобой?

— Нет, но могло случиться. Так вот, дрейфуешь с места на место, пока не бросишь якорь в бухте, где коллектив нормальный и к тебе хорошо относятся. Но время идёт, и ты вдруг замечаешь, что уже два месяца не была на прослушиваниях и не ищешь в газете вакансии в художественных галереях, и какое-то время переживаешь по этому поводу, а потом… всё! Привыкаешь, и готово — до конца своих дней будешь смешивать «солёных псов» и «харви волбенгеров». Но карьера тут ни при чём.

— Вау!

— Извини, — сказала Сигрид. — Что это я так разболталась?

— Нет, это очень интересно. — Брюнетка допила свой джин-тоник, и я тоже сделал ещё один небольшой глоток «Лафройга». Вкус определённо улучшался на глазах.

— Наверное, я просто устала, — недовольно пробормотала Сигрид. — Уже поздно, да ещё этот придурок… Приклеился как банный лист…

— Да ладно, наверное, к тебе каждый день кто-нибудь клеится!

— Не без этого, конечно, но в большинстве своём они понимают слово «нет», а остальные уж точно воспримут «пошёл на…». Но тот идиот… Да кто он такой? Вёл себя так, как будто не сомневался, что я всё брошу и упаду к его ногам, и так удивился… вообще-то я его раньше уже видела здесь..

— И что?

— Да ничего. — Сигрид широко улыбнулась. — Не помню, что намеревалась сказать, мысли прыгают. Мне кажется, ты хотела меня о чём-то спросить, а я вместо ответа наболтала тут с три короба.

— Я? О, точно, вспомнила. Я просто собиралась спросить, не мечтала ли ты о карьере юриста, но, похоже, уже получила ответ. Ты хотела стать актрисой.

— Да, актрисой и моделью.

— Неужели моделью? Не верю, что тебя туда не взяли.

— Деточка, им же нужны худышки, чем тоще, тем лучше, по крайней мере, по мнению педиков-модельеров, которые ненавидят женщин. Конечно, время от времени я работала моделью. Только недолго. Они говорили, что я слишком «высокомерна».

— Высокомерна?

— Да, представляешь? Что ж, пусть так, в работе бармена чуточка высокомерия не мешает, особенно если при этом с сиськами всё в порядке. Но нет, я никогда не хотела стать юристом. А почему ты спрашиваешь?

— Потому что сегодня я тоже не хочу. Но уже не так сильно, как полчаса назад. — Она салютовала Сигрид пустой рюмкой. — Хорошо помогает!

— Смешать тебе ещё один? Подожди секунду. А вы как, в порядке? Ещё рюмочку «Лафройга»? Нет?

Я ответил, что пока не надо, и барменша отвернулась, чтобы приготовить джин-тоник.

— Как она обозвала то, что вы пьёте?

— «Лафройг», — сказал я.

— Это ещё что такое? Капли от сердца?

— Нет, виски. Солодовый, его производят на острове Айл-оф-Айлей, в Шотландии.

— Господи, а это где? Между Четвёртой и Пятой авеню?

— Наверное, ближе к Пятой.

— Ну и как вкус?

— Улучшается с каждым глотком. Полагаю, через три глотка я уже дойду до состояния «превосходный».

Она усмехнулась:

— Понятно, не привыкли к вкусу?

— Пока нет.

— Но двигаетесь в правильном направлении.

— С каждый глотком он становится всё лучше.

— Что ж, это объясняет, почему глотки такие маленькие. Если бы вы привыкали рюмками, давно бы уже вырубились.

— Как вы правы! А что такого ужасного случилось с вами сегодня?

— Просто я уже отчаялась вообще уйти сегодня домой. Думала, просижу до утра в конторе. Я юрист. Впрочем, вы, наверное, и сами догадались.

— Да, взял два и два и сложил вместе.

— Я работаю в этой проклятущей фирме недалеко отсюда. — Она махнула рукой. — На углу Сорок пятой и Мэдисон. Удобно, конечно, можно ходить на работу пешком, и всё такое, но когда случаются авралы… А они случаются всегда, когда нам надо закончить срочное дело. Вот сегодня, например, надо было закончить до полуночи, а за пару часов вся работа накрылась — пришлось начинать всё заново.

— Как обычно, — сказал я.

Она взяла протянутый барменшей напиток. Сигрид, увидев, что мы разговорились, тактично отвернулась и отошла в сторону. Не знаю, учат ли этому в Американской школе барменов. Судя по всему, да.

— Мы работали над сделкой, в которой был задействован отель в Шревепорте, Луизиана, в принципе всё шло хорошо. Может быть, стоило поехать на подписание туда, но, поскольку продавец и покупатель оба живут в Нью-Йорке, мы решили, что нам это на фиг не надо, и остались здесь.

— А вы кого представляете? Покупателя или продавца?

— Арендодателя. В принципе мы просто обмениваемся бумажками, так что худо-бедно подготовили сделку, но, блин! Самой важной бумаги не хватило, и как назло меня оставили вдвоём с этой дурой-помощницей. У меня есть ещё одна помощница, умненькая, но ей, понимаете ли, надо было уйти ровно в шесть, чтобы успеть потрахаться со своим хахалем. Простите мой латышский, — смущённо сказала брюнетка, скользнув по мне взглядом. — Меня просто трясёт от злости, как подумаю об этом…

— Почему «латышский»?

— Ну, знаете, говорят «простите мой французский», когда ругаются. А почему, собственно,

французский? Почему не латышский?

— И верно.

— Мне нравится, как это звучит: «простите мой латышский». Кстати, вы пьёте уж совсем мелкими глотками. Ну и как вам вкус теперь?

— О, почти великолепный. Я бы дал вам отхлебнуть, но боюсь, что вы к нему пока не привыкли.

— Тогда не надо. — Она снова взглянула на меня, в этот раз прямо. — Я — Барбара, — объявила она.

— Берни.

Она немного подумала.

— Барбара Крили.

— Берни Роденбарр.

— Я вас не знаю.

— Что ж, вы в этом не одиноки. Миллионы людей не знают меня. Да в одном только Китае…

— Просто не видела вас раньше, я это хотела сказать.

— Что ж, меня не видели также миллионы людей в Шанхае.

— Но, может, вы уже приходили сюда?

— Почему вы спрашиваете?

— Странно, — пожала плечами Барбара, — но почему-то мне кажется, что мы с вами раньше встречались, на каком-то мистическом уровне. — Она нахмурилась. — Чёрт, надо меньше пить! Я болтаю что-то несусветное, не слушайте меня.

— Скорее журчите как ручеёк.

— Как мило вы это сказали, Берни?

— Берни.

— Если хотите, я куплю вам ещё один как-его-там.

— Нет, одного «Лафройга» более чем достаточно. Давайте лучше я куплю вам ещё один «дж-и-т».

— Ой, нет. Вы, наверное, думаете что я — законченная алкоголичка!

— Что вы! Я понял, вам просто отчаянно хочется выпить.

— Думаю, да. Обычно я прихожу сюда после работы, но выпиваю не больше двух коктейлей. А впрочем, позавчера…

— Что случилось позавчера?

Topreading.ru

— Что-то странное. Я выпила две рюмки, ничего особенного, но вдруг вырубилась напрочь. Совсем.

— О?

— Ничего не помню, ни как выходила, ни как до дома дошла. Утром у меня было такое состояние — хоть вешайся. Это притом что у меня никогда не бывает, как его… похмелья. Только однажды, когда мы на первом курсе играли в «веришь-не-веришь», а проигравший должен был выпивать рюмку. Не знаю, сколько тогда мы выпили, но уж явно больше, чем позавчера.

— Ах, юность наша!

— В конце игры я перестала понимать, что происходит, но утром мне было не так уж плохо. Да и все сказали, что ничего не заметили.

— Ну и всё в порядке!

— Да, но позавчера… — Она опять нахмурилась. — А вас тогда здесь, случайно, не было? В среду, я имею в виду.

— Нет, — ответил я. — Единственный раз, когда я был здесь, — сегодня вечером после работы остановился, чтобы выпить.

— «Лафройг»?

— Нет, бутылку «Пеллегрино». Конечно, привыкнуть к «Пеллегрино» довольно сложно, но этого, к счастью, и не требуется.

— Точно, просто пьёшь его, и все дела. А зачем вы вернулись?

— Не допил.

— Понятно. А где вы работаете?

— У меня книжный магазин, — сказал я.

— Да ну? Вы — мистер Барнс или мистер Ноубл?[9]

— Знаете, никто до сегодняшнего дня не называл меня «мистер Ноубл». У меня маленький магазинчик. Да и торгую я подержанными книгами в основном.

— А мне нравится, так романтично! Хотела бы я тоже торговать книгами. А где ваш магазин? Где-нибудь неподалёку?

— На Одиннадцатой улице между университетом и Бродвеем.

— И вы остановились здесь после работы?

Ей бы следователем быть — всё замечает!

— Да вот, привёз клиенту книгу на заказ, — соврал я, — и мне понравилась вывеска «Парсифаль».

Topreading.ru

— И вы зашли, чтобы выпить «Пеллегрино».

— Вообще-то я просил «Перье», но мне принесли «Пеллегрино».

— Что ж, это значит, что вы не капризны. — Она протянула руку и накрыла своей ладонью мою. Это вышло непроизвольно, но мне показалось добрым знаком — первый контакт произошёл по её инициативе.

— Как странно, — сказала она. — Понимаете, в среду я пришла домой не одна.

— Вы специально говорите так, чтобы шокировать меня.

— Смешной вы. Вам-то что? А вот сама я страшно шокирована. Не тем, конечно, что пришла домой со спутником — подумаешь, мы же взрослые люди… К тому же, если два человека понравились друг другу…

— Конечно, почему бы и нет?

— Но я ничего не помню, Берни! Н-и-ч-е-г-о! Кто он такой, чем занимается — вот что меня пугает. Кого я притащила к себе домой? Он ведь мог оказаться кем угодно — даже «мистером Проктером»! — Она вдруг подняла на меня встревоженные глаза: — А это были не вы, часом?

— Нет, повезло кому-то другому.

— Ну вот, опять! Вы умеете сказать это так мило, Берни… Конечно, это не могли быть вы, вы же раньше сюда не приходили, но почему-то меня не покидает чувство, что мы с вами…

— Были любовниками?

— Ну-у-у, не совсем, но что мы очень хорошо друг друга знаем. Я это сразу же почувствовала, как только вошла.

— Прошлые жизни, — сказал я высокопарно. — Кармическая связь.

— Вы думаете?

— А как ещё это объяснить?

— А вы что чувствуете, Берни?

В какой-то момент я сам взял её за руку, и мне понравилось, что её узкая ладошка полностью уместилась в моей. Что-то шевельнулось во мне, так давно забытое, что я сразу и не понял, где именно.

— А та квартира, куда вы отвели непонятно кого, — помолчав, закинул я удочку, — она что, недалеко отсюда?

— За углом.

— Интересно, а вдруг я почувствую, что уже был там однажды? — спросил я.

— Вы думаете, такое возможно?

— Может быть, выясним?

— Прекрасная мысль, — сказала она. — Мы оба это заслужили!

Глава 25

Если вы не возражаете, я опущу детали следующих часа-двух. Достаточно заметить, что некоторые вещи не забываются, как, например, вкус «Лафройга», и к ним нет необходимости привыкать заново. Как к езде на велосипеде, например, или плаванию.

— Одно я знаю наверняка, — сказала Барбара, — это был не ты.

— Кто был не я?

— В среду ночью. Я и раньше знала, что это не ты, но теперь абсолютно уверена.

— Почему?

— Если бы это был ты, — объяснила она, — я бы тебя запомнила.

— Если бы это был я, — подхватил я её интонацию, — уж точно не стал бы ждать столько времени, чтобы освежить твою память.

— Не могу понять, что это было, Берни. Я проснулась с дикой головной болью и, конечно, забыла поставить будильник, поэтому чуть не опоздала на работу. Я проглотила четыре таблетки аспирина, приняла контрастный душ и вылетела за дверь без завтрака… Даже кофе не выпила. Прыгнула в такси и по дороге успела всё-таки купить кофе в «Старбаксе». А в девять уже сидела за своим столом.

— Вот это преданность делу!

— Сидела там как дура и гадала — что же случилось? Помню, разговаривала с каким-то типом в кафе, но ничего о нём не помню. Только что проснулась утром с тяжёлой головой.

— Сидела там как дура и гадала — что же случилось? Помню, разговаривала с каким-то типом в кафе, но ничего о нём не помню. Только что проснулась утром с тяжёлой головой.

— Так, может быть, ты всё-таки не приводила его домой?

Барбара покачала головой:

— Я тоже хотела бы так думать, но, к сожалению… Вчера вечером я вошла к себе и сразу же увидела, что здесь кто-то орудовал. Причём вёл он себя довольно нагло — все ящики пересмотрел, всё перетрогал.

— Даже жутко становится, как представишь.

— Правда? Тебе тоже? Мои украшения были сложены по-другому, но он почти ничего не взял. Хочешь знать, что он забрал?

Topreading.ru

— Что?

— Только не считай, что я сошла с ума. Он украл мою электробритву!

— Не может быть! Но в таком случае это не ты, а он сумасшедший. Кому нужна…

— Очень странно, согласна. Но я всё обыскала… Я всегда кладу её на полочку в ванной. Такая маленькая бритва, дешёвенькая, вылеплена по форме женской руки. Ну, скажи мне, кому она могла понадобиться?

Я взял её маленькую ручку в свою.

— Тот, кто забрал её, вряд ли рассчитывал снова прийти к тебе домой.

— Понимаю. Но всё-таки — зачем? Может, у его подружки нет бритвы?

— Фу, противно даже слушать.

— Если бы он был фетишистом, то взял бы что-нибудь более интимное, как ты думаешь?

— Не знаю, я-то не фетишист!

— Он явно копался в моём бумажнике, но денег тоже не взял. Наоборот, мне показалось, что утром у меня стало больше денег, чем было вечером. Так этот незнакомец — не простой грабитель. Скажи, а твою квартиру когда-нибудь обворовывали?

Несколько раз, но я не стал рассказывать про последний случай, а вместо этого сочинил историю.

— Пару лет назад, — начал я, — ко мне домой залез вор. По пожарной лестнице. Он хотел вытащить телевизор, но тот оказался слишком тяжёлым — так и оставил его на подоконнике. А забрал портативный приёмник, плеер, который я только что купил, вместе с диском… — Смешно, как ложь внезапно отделяется от тебя и начинает жить собственной жизнью! Я с трудом обуздал воображение и продолжал: — Ещё он забрал деньги, всё, что у меня были. Но что самое противное, он украл моё школьное кольцо — дело не в цене, оно совсем недорогое, просто эту утрату возместить я никак не мог.

— Как странно!

— Что в этом странного?

— Странно то, что я тоже не могу найти своё школьное кольцо.

— Не может быть! Ты же не думаешь, что это был тот же самый вор?

Мы оба рассмеялись, а потом она выразила сомнение в том, что именно вор похитил её кольцо. Оно могло и раньше пропасть. «Потому что он не взял ни серёжек, ни часов, ни дорогущего браслета; я этот браслет никогда не ношу, но золото с него прямо-таки капает. А школьное кольцо даже не золотое, вместо камня там — стекляшка».

— Похоже на то, что украли у меня. Зачем оно ему? За него же больше десяти баксов не дадут.

— А какого оно было цвета? Может быть, ему нравилось, как оно гармонирует с твоей хорошенькой розовой электробритвой? — Я перевернулся на бок и положил руку на её горячее

бедро. — Барбара, твой джин с тоником уже выветрился? Ты ведь не забудешь меня до утра?

— Ты что? Как я могу забыть?

— Но всё-таки, может быть, повторим, чтобы я не сомневался?

— О, — прошептала она, прижимаясь ко мне, — какая чудесная мысль!

Пока я одевался, Барбара лежала, закрыв глаза. Она распустила волосы, и они рассыпались по подушке точно так же, как и в первый раз, но сегодня у меня не было причин отводить от неё взгляд. Как и тогда, она лежала на смятых простынях обнажённая, и я с удовольствием ещё раз оглядел её всю, до самых кончиков розовых пальчиков.

Я уже пошёл к двери, и тут Барбара вдруг спросила:

— А как ты узнал, что она была розовой?

Я даже не понял, о чём речь. Барбара сама была такой соблазнительно розовой, особенно… Ладно, не буду углубляться в детали.

— Моя бритва, — пояснила она. — Та, что украл вор. Откуда ты знаешь, что бритва розовая?

Вот блин!

— Ты сказала, что она розовая.

— Я сказала такое?

— Наверное.

— Но я никогда бы не стала описывать её как розовую. Вообще-то она цвета фуксии. Так было написано на коробке, я бы так её и описала.

— Может, ты так и сказала, а я запомнил, что она розовая.

— Может, но я этого не говорила.

— Правда? — Я улыбнулся. — Ты уверена, что не *забыла* этого? Не знаю, почему я решил, что она розовая. Наверное, мне кажется, что всякие женские штучки всегда розовые. Скажи, бритвы бывают другого цвета?

— Конечно.

— А я думал, только розового. А что? Какая разница в том, какого она цвета?

— Никакой, — сказала Барбара сонным голосом. — Просто спросила…

Глава 26

Проблема «Какое счастье, наконец-то пятница!» заключается в том, что за этим неизменно

следует «Вот чёрт, чем же заняться в выходные?». Свободное время имеет ценность, только когда у тебя есть интересное дело, которому ты можешь его посвятить. В хорошую погоду, конечно, убивать время проще и приятнее — можно даже на пляж сходить, поваляться на песочке и поглазеть по сторонам, тогда, скорее всего, и не заметишь, как тебе скучно. Но что делать, когда на улице дождь?

Дождь начался часа в два ночи, как раз когда я выходил из такси на Вест-Энд-авеню. У дверей дежурил Эдгар — он встретил меня тёплой улыбкой и зонтиком. Усы отрасти ещё не успели. Эдгар сообщил, что ко мне никто не заходил, и я был счастлив слышать это.

Я отправился спать, а когда проснулся, дождь уже вовсю барабанил по стеклу. Я лениво включил телевизор. Девица в новостях извиняющимся тоном сказала, что погода наладится только к понедельнику. Спортивный обозреватель выдал что-то насчёт «подмокшего энтузиазма игроков», ведущий глухо застонал, и я выключил телевизор.

Хотя время было уже обеденное, я вышел позавтракать. С аппетитом съев омлет, выпил чашку кофе и просмотрел «Таймс». Новости навеяли на меня ещё большую тоску. Я заглянул в киноафишу и не нашёл ни одного фильма, который хотелось бы посмотреть. Газету я оставил на столе.

Телефонный звонок был слышен с лестницы. Это звонила Кэр с отчётом, что ночь прошла спокойно.

— Никто ко мне не вломился, — отрапортовала она, — но я на всякий случай проверила, на месте ли мешки. Не просто отодвинула фанеру, а сунула руку в кошачий наполнитель.

— Странно, что ты не вытащила их, чтобы пересчитать деньги, — пошутил я.

— Могла бы, если бы додумалась. Слушай, когда мы сможем от них избавиться?

— Избавиться?

— Ну, ты понимаешь. И кстати, пока не забыла: не знаю, собираешься ли ты открывать сегодня магазин, но я на всякий случай покормила Раффлса, так что смотри, чтобы он не выманил у тебя вторую банку «Китикэта».

— А, ну тогда я точно не потащусь туда, — сказал я. — Да и кто пойдёт за подержанной книгой в такую дождину? А ты что собираешься делать? Работать?

— Нет, я разрешила себе устроить выходной. Не думай, я не специально поехала в магазин кормить Раффлса, просто у меня была назначена на утро пара встреч. Остальные я отменила — ты бы слышал, с каким облегчением говорили со мной клиенты! Конечно, в такую погоду хороший хозяин собаку точно не выпустит на улицу…

— Что мне делать? Ни фильмов хороших нет, ни концертов…

— А про Джона Сэнфорда забыл? Ах да, ты же оставил книгу у меня. Но у тебя есть ещё одна, правда? Да, точно, она же в магазине, а ты туда сегодня не собираешься… Может, купишь ещё один экземпляр? Ты же достаточно богат для этого.

— Достаточно богат, да, но недостаточно ненормален. Куда мне три Сэнфорда? У меня же всего два глаза!

Topreading.ru

— И только один рот, верно. Почему ты не взял с собой книгу вчера? Я думала, ты её забрал, но нет, вот она, валяется на кресле.

— Не хотел таскать с собой.

— Что? Разве ты не взял такси?

— Взял.

Кэролайн немного помолчала.

— Ты что, поехал не домой?

— В точку.

— Ну да, вспомнила, ты хотел пойти в бар, но не с целью напиться.

— Я и не напился. Если быть предельно честным, за весь вечер я выпил одну-единственную рюмку виски.

— Значит, рано домой пришёл.

— Не угадала, — возразил я. — Из бара я пошёл не домой.

— Что? Боже правый, Берни, только не говори мне, что ты отправился на очередную вылазку! Это после куша, который мы сорвали… Ты что, сошёл с ума?

— Не шуми, — сказал я. — Я действительно отправился на вылазку. Но не по поводу денег.

— А зачем тогда… О, неужели?.. И как?

— Что «как»?

— Тебе повезло?

— Разве можно спрашивать джентльмена о таких вещах? Да, повезло.

— Я её знаю?

— Почти.

— Почти? Что это значит, чёрт возьми?

— Она работает в юридической фирме на углу Сорок пятой улицы и Мэдисон-авеню, но не в качестве помощника юриста, а самым настоящим юристом в той же фирме, что и твоя Тёлка.

— Как? Что? Не может быть!

— Почему? Потому что в Нью-Йорке восемь миллионов жителей?

— Ничего себе совпадение! У меня свидание с одной девушкой, а ты в ту же ночь отправляешься в гости к другой, да ещё из той же самой фирмы!

— Полагаю, фирма не маленькая, однако ты права. Чертовски интересное совпадение. Но есть

Topreading.ru

и более интересное.

— Какое?

— Девушка привела меня в свою квартиру… Но она и представить себе не могла, что я уже бывал там раньше.

— Ты уже там бывал… Но как? Господи, Берн, неужели это… Нет, не говори!

— Хорошо, не буду.

— Ты что, с ума сошёл? Рассказывай мне ВСЁ и НЕМЕДЛЕННО!

Я рассказал Кэр всё позже, с глазу на глаз, но сначала позвонил в круглосуточный заказ цветов, правда, сразу повесил трубку. Ведь Барбара живёт в кирпичном доме без привратника, с ворчливым нижним соседом, так что цветы посылать ей можно, только удостоверившись, что хозяйка дома.

Поэтому я сначала позвонил ей — как раз вовремя, поймал буквально на пороге. Она торопилась на свадьбу к подруге и уже опаздывала.

— Но я подумала, что это, наверное, ты звонишь, — сказала она. — Поэтому решила взять трубку.

Я рассыпался в комплиментах по поводу прошлой ночи, она тоже в долгу не осталась, и тогда я предложил ей завтра поужинать вместе. Оказалось, что она заночует у подруги — на следующий день предполагается продолжение торжеств, но, если ей повезёт, кто-нибудь из гостей подбросит её вечером на машине, и тогда мы вполне сможем поужинать.

Так что я не стал заказывать букет. Какой смысл — всё равно цветы завянут до её возвращения!

Ливень не прекращался, и я решил ехать до Кэролайн на такси, но, видимо, то же самое решили все остальные жители Манхэттена — за двадцать минут я не увидел ни одной свободной машины. Да и чёрт с ними! Я раскрыл зонтик и решительно зашагал в сторону метро.

— Как странно, однако, что обе они работают в одном и том же месте, — проговорила Кэролайн. — Действительно, удивительное совпадение. Однако то, что ты пошёл к ней домой, вовсе не совпадение. Ты же искал её, верно?

— В принципе да. Но с тем же успехом я мог бы встретить там и его.

— Его? А, ты имеешь в виду маньяка-насильника? А как бы ты его узнал?

— По голосу, конечно. Мне показалось, что он заходил немного раньше, мы разминулись буквально на час, не больше.

— А это ты откуда знаешь?

— Просто показалось. Ладно, не важно. Господи, ну как же я ненавижу такие вот сопливые субботы.

— Ага, а все остальные их обожают!

— Особенно эту субботу! Но я ненавидел бы её, даже если бы светило солнце. Я застрял у тебя — и все вокруг застряли!

— Где застряли?

— Деньги застряли в твоей ванне, потому что банки не работают по субботам. Барбара застряла на чужой свадьбе где-то на Лонг-Айленде, даже Рэй Киршман и тот застрял чёрт-те где. Вот где он, спрашивается? Вроде бы говорил, что часто работает по выходным, так почему же он не отвечает? Я звонил в участок, мне сказали, что он сегодня выходной, позвонил этому гаду домой — не берёт трубку!

— А зачем тебе Киршман понадобился?

— Я подумал, что он мог вынюхать что-нибудь интересное, например имя толстяка или что уголовники искали у Лайлов. Он знает почти столько же, сколько и я, но у меня есть один важный козырь — я знаю, у кого оказался Джозеф Конрад, наш липовый Грааль.

— Но ты ведь не скажешь ему о том, что мы делали в доме Мейпса?

— Об этом не скажу, конечно, но почему бы не намекнуть, что Мейпс получил книгу? Если я кину Рэю кость, то в обмен смогу получить информацию и от него.

— А с чего ты решил, что он что-то раскопал?

— Даже если сам не раскопал, я хочу попросить его раскопать кое-что для меня. Но не могу, чёрт возьми, потому что не знаю, где он шатается. Почему ты так смотришь на меня?

— Вот уж не думала, что услышу от тебя такое.

— Ненавижу выходные! — в сотый раз повторил я. — Кэр, слушай, у меня идея. Давай съездим куда-нибудь!

— Куда ещё? В такую-то погоду?

— Давай съездим в Париж.

— На выходные?

— Да! Полетим на «конкорде», закажем шикарный номер в «Георге Пятом», поужинаем у «Максима», прокатимся на кораблике по Сене, пройдёмся под ручку по Сен-Жермен и закажем *un café au lait avec croissant*[10] на набережной, а потом снова прыгнем в самолёт и вернёмся домой. Ну как, идёт?

— Берни, это ведь будет стоить целое состояние!

— Верно. Но у нас, как ты знаешь, и есть целое состояние. Давай совершим какое-нибудь безумство! Потратим пятнадцать-двадцать тысяч на билеты на «конкорд», ещё тысяча за

номер, пятьсот за обед, уверяю тебя, мы вполне уложимся в пятьдесят тысяч.

— Знаешь, Берни, я тебя, конечно, очень люблю, но…

— Но мы не сможем этого сделать, — закончил я. — Хотя бы потому, что «конкорды» больше не летают. И если кто-нибудь из нас попытался бы купить авиабилеты за наличку, тем более за тридцать тысяч баксов, он немедленно оказался бы в наручниках. Мы даже кеб до аэропорта не найдём в такой дождь. Так что поездка отменяется.

— Не забудь, что завтра вечером ты идёшь на свиданку с Барбарой Крили.

— Да она не успеет вернуться до вечера с Лонг-Айленда, — уныло сказал я. — В такой дождь-то! Чёрт, ну как же я ненавижу выходные!

Одно дело я всё-таки сделал, правда, пришлось немного помокнуть под дождём. Пока Кэролайн забирала вещи из химчистки, я залез в мешок и вытащил оттуда пачку денег. Можно было бы вытащить её и при Кэр, но мне не хотелось краснеть, отвечая на её вопросы. Я отложил в сторону Сэнфорда, оделся, вышел на улицу, допёхал до 14-й улицы и сел на автобус до Третьей авеню, а там пересел на другой автобус. Выйдя на 34-й улице, я прошёл немного вперёд и оказался у дома, где жила Барбара Крили.

Я поднялся наверх мимо квартиры Фельдмана и отпер два замка, вовремя вспомнив, что Барбара не запирает третий. Вся операция заняла у меня не более пяти минут. На улице я задумался: что же мне делать дальше? Куда деваться? Поехать назад к Кэролайн? Домой? В магазин?

Я дошёл до «Парсифаля» и нырнул внутрь, размышляя, что за люди собираются в баре в дождливую субботу. Как я и ожидал, там собралась дождливо-субботняя толпа. Есть что-то очень доброе, уютное и ласковое в тёплом, сухом баре, в который попадаешь с холодной мокрой улицы. И, только сев за столик, начинаешь чувствовать ауру уныния и безысходности, исходящую от молча напивающихся в баре людей.

Да я и сам не лучше. За стойкой сегодня хозяйничала чернокожая копия Сигрид с курчавыми волосами, покрашенными в рыжий цвет. Она была так же высока, с такими же резкими скулами, выпуклыми глазами и виртуальной надписью на лбу: «Переспать со мной и умереть — вот мечта любого из вас, долбаные придурки! Ан не выйдет — на-ка, выкуси!»

Я заказал «Лафройг» и долго сидел над рюмкой, обсыхая и пуская пар. В этот раз дело быстро пошло на лад — после четвёртого глотка меня перестало тошнить, а к концу виски и вовсе показался мне превосходным.

Потягивая «Лафройг» крошечными глотками, я прорабатывал бар глазами, ни с кем не говорил, но оба уха держал открытыми. Однако никто из посетителей не выглядел как насильник и никто не говорил глубоким басом.

Хотя я особо и не прислушивался. Я был занят. Думал. Тебе надо распутать это дело, говорил я себе, давай, Берни, напряги извилины! Такое количество совпадений подозрительно, но рано или поздно все они встанут на свои места, образуя связный, чёткий рисунок. Так я утешал себя, одновременно прокручивая в мозгу обрывки сведений, пытаясь совместить их как кусочки головоломки, в которой отсутствовало больше половины деталей. «Нет, так ничего не

выйдет, вначале надо найти недостающие части, — сказал я себе. — Но не расстраивайся парень, по крайней мере, ты попытался».

Я подошёл к таксофону в углу, бросил монету и набрал восемь цифр, последовательность которых запомнил, поскольку уже дважды набирал их сегодня. Телефон в квартире Рэя Киршмана звонил и звонил. У него что, нет автоответчика? Я ждал, пока не устал слушать гудки, затем повесил трубку и вернулся к стойке. В моей рюмке ещё оставалось два крошечных глотка, да и денег, которые я положил на стойку, было слишком много для чаевых, но барменша, чьё имя я не запомнил, видимо, решила, что я ушёл, и смахнула со стойки и то и другое.

Нет, я решительно не выношу выходные!

Глава 27

Где-то после полуночи дождь кончился, но опять пошёл на рассвете, чтобы как следует испортить воскресенье. Я вышел позавтракать и вернулся домой с газетой. У меня так и не появилось экземпляра «Жертвы салата», но воскресный выпуск «Таймс» настолько толст, что его вполне хватило бы не на один дождливый день, а на целую неделю. Даже после того, как я очистил его от страниц рекламы и выбросил их в мусорное ведро, а затем добавил туда же разделы «Ищу работу» (я не ищу работу) и «Автомобили» (мне не нужен автомобиль), у меня в руках всё равно осталось столько испачканной чёрной краской бумаги, что в голову невольно полезли сомнения в целесообразности свободы печати.

Я уселся на диван, разложив вокруг себя газету, и углубился в чтение, прерываясь только на то, чтобы время от времени набрать номер телефона Рэя Киршмана. Около одиннадцати утра ответила его жена — она только что вернулась из церкви. Нет, Рэя дома нет. Он на работе, какое-то срочное дело, даже не смог сходить вместе с ней на воскресную службу, не было времени. Я продиктовал ей своё имя и номер телефона на случай, если Рэй вернётся, но по её голосу понял: она не рассчитывает, что это случится в обозримом будущем.

Я ещё раз набрал номер участка, оставил Рэю сообщение, чтобы он срочно перезвонил мне, и вернулся к разделу «Недвижимость». Там я сразу же наткнулся на увлекательную историю о том, как семейная пара пыталась найти себе подходящее жилище, которое смогло бы удовлетворить увлечения, или, как они сами выражались, «области интересов» обоих. Дело в том, что он увлекался построением игрушечных железных дорог, а она коллекционировала флюгеры и старинное сельское оборудование, которое скупала у стариков-фермеров. Всего лишь за восемь миллионов долларов они приобрели заброшенный склад в Нолите («Нолита», как вы понимаете, не имеет ничего общего с набоковской «Лолитой» и мистером Гумбертом, это жаргон местных риелторов, обозначающий район к северу от Маленькой Италии). Поскольку денег у пары было немного (ха-ха-ха!), им пришлось очень сильно экономить, и восстанавливали они всё практически своими силами, поэтому ремонт им обошёлся всего лишь в четыре миллиона. Сложите эти суммы, и вы поймёте, какую выгодную сделку они заключили — теперь у него появилось достаточно места, чтобы проложить более пятидесяти миль железных дорог, которые она могла украшать флюгерами и старинными серпами XIX века.

Я позвонил Кэролайн.

— Знаешь, что меня поражает больше всего? — спросил я. — Где они берут таких придурков?

— Берни? Ты о чём?

— Страница четыре, раздел «Недвижимость».

— Я перезвоню, — коротко ответила Кэролайн. Минут через пятнадцать телефон зазвонил, и я схватил трубку.

— Да, долго ты её мусолила. Скажи мне, после того, как мы закончим ремонт, предпочитаешь играть с вагончиками или косить траву на заднем дворе?

Последовало тягучее молчание, а затем голос, совершенно не похожий на голос Кэр, недовольно произнёс:

— Ничего я не мусолил, позвонил сразу же, как только получил твоё сообщение. А всё остальное ты, видимо, сказал на каком-нибудь гребаном британском диалекте — слова-то вроде знакомые, да только смысла не найдёшь.

— О, это ты, Рэй. А я думал, Кэролайн.

— Я на целый фут выше, чем она, гораздо тяжелее, и голос у меня не такой писклявый. Не говоря уже о том, что я, в отличие от Коротышки, мужчина. Обычно людям не составляет труда отличить меня от твоей коротконогой подружки. Ты мне звонил. У тебя что-то есть?

— Может быть, — уклончиво ответил я.

— Нам пришлось повозиться, чтобы выяснить его имя, Берни. В карманах бабла столько, что можно костёр до небес сложить, но ни паспорта, ни водительских прав, ничего.

— Он не носил тайный пояс для денег?

— Разве что под кожей. Последний раз я видел его в морге совершенно голого — наш патана… патала… Ну, этот, как его, доктор по трупам вытаскивал из него пули. Конечно, мы взяли его пальчики, однако их не было.

— Чего не было? Отпечатков?

— Не дури, Берни, конечно, отпечатки были, у всех есть отпечатки, кроме разве что пришельцев из твоих дурацких книжек, но они оказались совершенно чистыми, так что нам это немного дало.

Рэй одним махом отгрыз половину пончика и с шумом отхлебнул кофе. Он забрал меня из дома на стареньком «шевроле Монте-Карло» — наверное, конфисковал у какого-нибудь мелкого торговца наркотиками, — и теперь мы сидели в кафе недалеко от Вильямсбургского моста. Непонятно, по какой причине, но Рэй всё время туда ходит. Мы перенесли кофе с пончиками за стол, на который Рэй сейчас выкладывал свои карты.

— Зацепиться нам было не за что, но в результате мы его всё равно опознали.

— И как же?

— У некоторых полицейских хорошие мозги, — скромно сказал Рэй. — Я ими раскинул и стал

кумекать так: каким образом толстяк мог добраться до магазина? Явно не на метро. С таким количеством бабок в кармане? Только полный идиот на такое пойдёт.

— А кстати, сколько у него было?

— Всего? Ну, сам он потянул бы фунтов на триста. Ах, ты бабки имеешь в виду? — Рэй поднял руку, расставив большой и указательный пальцы примерно на дюйм. — Вот такая толстая пачка, восемьдесят семь стодолларовых купюр, не говоря о евро. Мужик явно мог позволить себе такси, но я сразу понял, что он приехал не на такси.

— Почему ты так подумал?

— Ну, как бы он расплатиться сотенной купюрой? А меньше у него не было, ха-ха-ха! Так что я понял, что он приехал на машине. И назад он собирался уехать на машине. Конечно, мы проверили водителей, поспрашивали, не подвозил ли кто-нибудь толстого, хорошо прикинутого мужика до Одиннадцатой улицы в районе обеда. Пришлось соблюсти формальности, хотя я точно знал, что он приехал на своей машине.

— А может, он пришёл пешком?

— Да брось! Такой толстяк?

— Ну и что? У него была лёгкая походка.

— У толстяков и должна быть лёгкая походка, Берни, иначе они оттопчут себе ноги в один момент. Ладно, не дуйся, он мог и пешком прийти, да только не пришёл. Мы нашли его машину.

— Вот как!

— Он вышел из магазина и повернул на восток, так? А потом хотел перейти дорогу — тут-то его и накормили свинцом. Поэтому я и стал рыскать к юго-востоку от магазина, в том районе, и что же мы нашли?

— Что?

— На Десятой улице между университетом и Пятой авеню мы нашли «бьюик», припаркованный прямо около пожарной колонки.

— Вам повезло, что вы нашли тачку раньше, чем дорожная инспекция, — они бы живо её эвакуировали.

— Не вышло бы, Малыш. У него были дипломатические номера, такие автомобили не эвакуируют. Однако номера не защитили его от дырок в груди, верно? Возможно, мы и не имели права обыскивать машину, да только я вначале не заметил этих номеров, понятно? Заметил, лишь когда мы её уже обыскали.

— Как удобно!

— В бардачке — его паспорт и права да ещё какие-то верительные грамоты от латвийского консульства. Мужика звали Валдис Берзиньш, в посольстве сказали, что он работал представителем в ООН, но ничем серьёзным не занимался. Вот и всё, что мы о нём узнали, кроме адреса, конечно. Он снимал номер в отеле «Блантайр» в Ист-Сайде на Пятьдесят первой

Topreading.ru

улице. Платил помесячно. Неплохой отель, ничего не могу сказать, но и не «Карлайл». В его номере мы нашли только подборку газетных вырезок, и теперь все в конторе запарены, ищут, кто бы перевёл им эту тарабарщину на человеческий язык.

— Простите мой латышский, — пробормотал ч. — Так что, вырезки на латышском языке?

— А чёрт их разберёт, есть и на русском, судя по буквам. У них такой странный алфавит, как греческий, только ещё хуже.

— Кириллица, — подсказал я.

— Нет, я же говорю тебе — русский, не кирильский. А другие вырезки с нашими буквами, да только и их хрен поймёшь. Одна, правда, на английском, в ней говорится о некоем Чёрном Биче из Риги и что он может скрываться в Америке.

— Чёрный Бич из Риги. Интересно. А как его зовут на самом деле?

— Там написано, целая строчка букв, произнести невозможно. Он какой-то военный преступник.

— Господи, наверняка ещё один старик с трясущейся головой, который служил надсмотрщиком в концентрационном лагере. Полагаю, сейчас он всё равно не сможет вспомнить, какие преступления против человечества совершил. — Я немного подумал. — Кстати, а сколько лет было Лайлу?

— Не помню. А что?

— Просто изначально его имя тоже, скорее всего, занимало целую строчку букв. Если этот Чёрный Бич из Риги действительно военный преступник, к концу войны, то есть к тысяча девятьсот сорок пятому году, ему должно было быть не меньше двадцати пяти лет, так? Значит, сейчас ему уже за восемьдесят.

— Ладно, забудь. Лайлу было не больше пятидесяти.

— Рэй, между ними явно есть какая-то связь. Не с вырезкой о Чёрном Биче, но между Берзиньшем и Лайлом.

— Ну да, они оба русские.

— Ты же сам сказал, что Берзиньш — латыш? Однако Латвия входила в состав ныне почившего Советского Союза. Вернее, после Второй мировой войны Советы присоединили её территорию к своей наряду с другими балтийскими странами. Слушай, Рэй, а могу ли я осмотреть квартиру Лайлов? Которая на Тридцать четвёртой улице?

— Ты что? Она же опечатана.

— Ах так!

— А что?

— Мне хотелось там всё осмотреть.

— Ну да, проще некуда, почему бы не попросить ребят из убойного отдела: «Друзья, знакомьтесь, наш друг, закоренелый вор Берни, которого мы вначале подозревали в убийстве,

хочет осмотреть место преступления. Надеюсь, вы ничего не имеете против?»

— Ах так!

— А что?

— Мне хотелось там всё осмотреть.

— Ну да, проще некуда, почему бы не попросить ребят из убойного отдела: «Друзья, знакомьтесь, наш друг, закоренелый вор Берни, которого мы вначале подозревали в убийстве, хочет осмотреть место преступления. Надеюсь, вы ничего не имеете против?»

— Я подумал, может, мы с тобой смотаемся туда в частном порядке?

— То есть ты предлагаешь мне провести тебя тайком. А для чего?

— В этой квартире убили двух человек, — сказал я. — Довольно жестоко убили, заметь. Да ещё и привратника замочили, упокой Господи его душу. И всех их положили по одной причине: кто-то что-то там искал.

— Но ведь мы не знаем, что именно!

Нет, но в голове у меня начинала созревать пока ещё смутная идея.

— Мы знаем одно: они не получили то, что искали.

— Берни, я видел сейф. Обчищен так, что чуть не облизан.

— Значит, если Грааль был в сейфе, «уголовники» взяли его.

— Какой ещё к ядрёной матери Грааль? Кто это вообще такой, чёрт его дери?

— Это просто символ, не волнуйся, — сказал я примирительно. — Так я называю вещь, которая представляет для всех столь невиданную ценность. Как Святой Грааль, понимаешь? Так что, если бы он был в сейфе, преступники захватили бы его. Но его там не было, верно?

Рэй, нахмурившись, впился в меня маленькими бульдожьими глазками:

— А по какой причине они не стали бы его туда класть? Вот сейф, пожалуйста, храните в нём свои драгоценности.

— Да, это странно, — согласился я. — Но они вроде бы собирались продавать свой Грааль, так? Возможно, они купили сейф для того, чтобы хранить в нём вырученные деньги. Наличку. А что, если они хранили Грааль в другом месте?

— Ну, тогда «уголовники», как ты их называешь, давно добрались бы до него. Они пытали Лайла и Шнитке, пока те не…

— Ты нашёл подтверждения того, что их пытали?

— Вообще-то нет, просто по паре пуль в башке у каждого.

— Наверное, это было больно, — заметил я. — Но говорить их вряд ли заставило бы.

— Зачем обязательно пытать? Они могли выдать место под дулом пистолета… А может, уголовники сами его нашли. Знаешь, почему я так считаю? Если бы негодяи не взяли с собой твоего этого… Грааля, то мы бы нашли его.

— Но ведь они его не нашли! Иначе с чего бы им вламываться ко мне?

Он вздохнул:

— Алло, Берни, Малыш, это мы обыскали твою квартиру, забыл? У нас был ордер на твой арест, и это автоматически дало нам право на обыск.

Я рассказал Рэю о втором «обыске», а когда он стал возмущаться, что я сразу не сообщил ему об этом, упомянул проблему Эдгара с иммиграционной службой.

Рэй выглядел обиженным.

— Мы бы не стали доносить на него этим чёртовым расистам, — проворчал он. — Да у нас половина парней — ирландцы, и у каждого есть родственник с липовой грин-картой. Или вообще без неё. Но я понимаю, почему он так взволновался. Ладно, это меняет дело. Если с привратником обошлись так же, как и в прошлый раз, значит, тут действовала одна и та же шайка, и, если бы они нашли Грааль, больше бы уже не искали его. Ну так знаешь, что я тебе скажу? Его вообще не было в квартире Лайла.

— Ты так думаешь, потому что обыскал его квартиру и ничего не нашёл.

— Ну да.

— А что ты искал, Рэй? И где ты это искал?

— Могу ответить на второй вопрос: искали мы везде, всё перерыли, ни одного сантиметра не оставили. Что мы искали? Ну, полагаю, мы бы узнали это, если бы нашли.

— Я профессиональный вор, — сказал я. — И знаю побольше твоего о том, где надо прятать вещи и как их искать. И у меня даже есть подозрение, что именно нам следует искать!

— То есть ты хочешь, чтобы я открыл для тебя квартиру Лайла? Против всех правил, в деле, которое я, по сути, уже не веду?

— Да, хочу.

— Знаешь что, купи мне ещё пару этих кругленьких, с шоколадом и джемом внутри.

Я вернулся с двумя пончиками, и Рэй задумчиво сжевал их, не произнеся не единого слова. А затем одним глотком допил кофе и поднялся.

— Ладно, идём, — сказал он. — Пошли они все на…

До того как начать поиски Грааля, я внимательно осмотрел замок квартиры Лайлов. Только самые искусные домушники умудряются вскрыть замок, не повредив его, но чаще всего мы используем долото, стамеску или другие инструменты, оставляющие следы на замке. Однако здесь замки выглядели нетронутыми. Похоже, Лайл сам впустил убийц в квартиру.

Рэй уверенно прошёл мимо нового охранника, на ходу вынимая из пластикового мешочка связку ключей, и мы поднялись на лифте. Рэй содрал липкую ленту с надписями: «Место преступления! Проход запрещён!», а я свернул её в клубок и сунул в карман, чтобы выбросить потом где-нибудь подальше. После того как я изучил замок, Рэй открыл дверь — и мы вошли внутрь.

Следственная бригада уже побывала в квартире и затоптала все улики, но мне всё равно хотелось передвигаться там на цыпочках. Я вытащил перчатки и надел их, не обращая внимания на поднятые вверх брови Рэя, — в моих интересах было не оставлять «пальчиков» в квартире, где произошло преступление.

— Лайлы сами впустили убийц, — сказал я Рэю. — Скорее всего, они были знакомы. — Я осмотрел замок сейфа — нетронут, как и дверь. — Лайлы и сейф открыли сами или же выдали уголовникам шифр. Но никто специально его не вскрывал, это я могу утверждать с уверенностью, как профессионал. Не думаю, что во всей Америке найдётся дюжина медвежатников, которые смогли бы вскрыть эту крошку, не взрывая её.

— Понимаю, ты и ещё одиннадцать таких, как ты.

— Даже мне это было бы нелегко, — скромно признал я. — Но они точно не могли этого сделать, потому что знаешь, как они вошли в мою квартиру? Выломали дверь. У меня стоял хороший замок, но ничего сверхъестественного, так они даже с таким не справились. Если бы они открыли этот сейф, мою дверь вскрыли бы ногтем.

Сейф не был заперт, так что мне не пришлось демонстрировать своё искусство. Я распахнул дверцу. Как и говорил Рэй, внутри было пусто.

— Если он был пуст изначально, — сказал Рэй, — если они ничего не нашли, зачем им дырявить головы Лайлам? Понимаю, одного могли бы застрелить, чтобы показать второму серьёзность намерений, но зачем дырявить головы обоим?

— Головы, — повторил я.

— Берни, ты же знаешь, как их убили. Но их застрелили из другого оружия, чем Берзиньша. Того положили из автомата, а этих — из пистолета двадцать второго калибра.

— И вы уже обыскали квартиру.

— Я ж говорил тебе, что обыскали!

— Но как аккуратно вы всё сделали, — заметил я. — Все вещи поставили на свои места.

— Это же место преступления, тут надо соблюдать правила. До ухода следственной бригады трогать вообще ничего нельзя, да и потом, вещи могут в любой момент понадобиться, так что приходится прибирать за собой.

— Понятно, — сказал я. — Вы и у меня дома работали так же. А вот они вели себя по-другому.

— Ты хочешь сказать, что они разгромили твою хату? Нуда, ты же говорил…

— Но здесь они почему-то ничего не тронули, кроме, конечно, хозяев квартиры, верно? — спросил я. — Оставили всё в том же виде, в каком и было. И о чём это нам говорит?..

— О чём говорит! Что они нашли то, что искали, как я с самого начала и думал.

— Они не могли найти то, что искали, Рэй, я тебе сто раз объяснял почему. Значит, есть другое объяснение — единственное, которое я могу предположить.

— Что ж, послушаем!

— Они нашли что-то, — сказал я, — и решили, что это и есть Грааль, и тогда у них больше не было причин оставлять Лайлов в живых.

— Пиф-паф!

— Именно. После чего они ушли и только спустя какое-то время поняли, что нашли не то, что им нужно. Потому что оно всё ещё здесь.

Рэй задумался.

— Ну ладно, — проворчал он наконец. — Какой толк стоять тут без дела, если мы не можем это доказать? Если *это* здесь, покажи его мне.

Двадцать минут спустя мы с недоумением рассматривали четыре снимка, разложенные на столе в столовой. Четыре цветные фотографии, четыре дюйма на пять, снятые, по всей видимости, одним фотоаппаратом. Снимки были приклеены скотчем к книжным страницам, которые мы вырвали из оригинала, но, присмотревшись, можно было разглядеть следы от предыдущего слоя клейкой ленты. Видимо, фотографии перепрятывали несколько раз. Мы обнаружили их в книге Леона Уриса «Исход». Я прочитал роман Уриса несколько лет назад, и тогда он мне очень понравился, так что уродовать книгу было вдвойне неприятно. Но с другой стороны, она и так была зачитана чуть ли не до дыр: страницы пестрели карандашными пометками и подозрительными пятнами — то ли от чая, то ли от слёз, — так что терять ей было особо нечего.

Два лица, анфас и в профиль, изображённые на фотографиях, — жёсткие, сухие, невыразительные — поражали каким-то странным, отсутствующим выражением глаз. Головы занимали практически всё пространство снимка, и невольно возникал вопрос: «А есть ли у них тела?» Эти головы вполне могли вынуть из корзины с опилками, стоящей под гильотиной, чтобы показать народу.

— Смотри! — торжествующе воскликнул я. — Вот они, головы!

Глава 28

Рэй принёс с собой целый рулон жёлтой ленты с надписями «Место преступления! Проход запрещён!» и заново заклеил вход в квартиру Лайлов. Он предложил подбросить меня до дома Кэролайн, но высадил, зараза, у Шеридан-сквер, сказав, что дальше не поедет — мол, он вечно путается в этих мелких кривых улочках, и вообще ему пора домой, жена заждалась… Шёл дождь, так что я был рад, что захватил с собой зонтик.

Вылезая из машины, я сунул руку в карман и только тогда вспомнил, что носил с собой с самого утра.

— Рэй, дружище, не сделаешь мне ещё одно маленькое одолжение? — спросил я. — Сними для

меня отпечатки пальцев.

Рэй был явно ошарашен:

— Отпечатки пальцев? Твои? Так они у меня уже есть! Не твои? Тогда колись, чьи они и откуда взялись.

— Если бы я знал, чьи это отпечатки, не просил бы тебя идентифицировать их, верно? А что до второй части твоего вопроса, так тебе пока лучше этого не знать.

— Не хочешь говорить, где их взял? Даже не знаю, Берни… Сегодня я и так уже нарушил ради тебя слишком много правил.

— Правила на то и придумывают, чтобы их нарушали.

— Это точно, — задумчиво подтвердил он. — Ладно, давай сюда свою улику. — Он подставил ладонь, и я вложил в неё то, что держал в кулаке. Рэй взглянул на свою руку, потом в изумлении перевёл взгляд на меня.

— Эй, Берн, это твоё, что ли? — пробурчал он. — Ну ты, мужик, даёшь… Ну ладно, так и быть…

— Берни, я сдаюсь. Скажи мне, кто эти парни?

— Наш друг Рэй Киршман тоже хотел бы это знать. Он даже собирался забрать фотки, но я уговорил его отдать их мне.

— И как же ты смог это сделать?

— Ну, я сказал, что рано или поздно эти «ружья» должны «выстрелить». Они станут уликами в деле, но прежде ему придётся их где-то *найти*! Причём в нужном месте и в нужное время, чтобы это была бесспорная улика. Мне кажется, ему просто понравилось, как звучат слова «бесспорная улика».

— Что ж, я его не виню, мне тоже нравится! Но кому же всё-таки принадлежат эти страшные рожи? Даже не представляю, с какого конца подобраться… ты только посмотри: на первый взгляд они похожи, как родные братья, но приглядишься — ничего общего! Носы разные, губы тоже, у этого широкие скулы, а у того высокий лоб, да и разрез глаз разный — нет, они как будто с разных планет прилетели, и всё же что-то роднит их между собой…

— Во-первых, ракурс один. Одно выражение лица, вернее, его отсутствие.

Кэролайн кивнула:

— Ты прав. Ещё — форма головы более или менее одинаковая.

— Знаешь, что сказал Рэй? «Эти малыши — братья, только у них родители разные».

— Айк и Майк, братья-близнецы. Но как-то не очень похожи друг на друга. Айк вроде бы старше, ты не находишь?

— Он блондин. Говорят, блондинам в жизни больше везёт.

Topreading.ru

— Ну а Майк гораздо моложе его. Если бы он был женщиной, я бы назвала его волосы пепельными, но про мужчин, по-моему, так не говорят? Какого цвета у него волосы? Песочного?

— Пожалуй.

— Смешно, — хмыкнула Кэролайн. — У него намного меньше волос, чем у Айка, и всё же сразу видно, что он младше. Почему?

— Возможно, потому, что он родился на много лет позже, чем блондин.

— Спасибо, Берн, ты умеешь всё расставить по полочкам. А может, он просто выглядит младше? Лучше питается. Не курит. Ест овощи. Занимается физкультурой, регулярно ходит к стоматологу? Ах, наконец-то я поняла, в чём дело: у них же совершенно одинаковый взгляд, пристальный и в то же время равнодушный. Наверное, поэтому они кажутся похожими. Берн, а как ты узнал, где надо искать Грааль?

— Я дал Берзиньшу книгу, — ответил я, — и он был так счастлив, что немедленно выдал мне тринадцать сотенных купюр. Полагаю, если бы я стал торговаться, он мог заплатить и десять кусков — всё, что у него с собой было. Его не интересовали ни название книги, ни автор, а когда я произнёс вслух «Тайный агент», он, наверное, решил, что я обращаюсь к нему: ведь он и сам в некотором роде работал «тайным агентом»!

— А потом уголовники застрелили его, забрали книгу…

— …и отвезли в дом Мейпса в Ривердейле или куда-нибудь ещё. Они не выбросили её в помойку, верно? Я сложил два и два и решил, что Святой Грааль — это что-то, что можно спрятать в книге. Тогда я и понял, что, вероятно, это фотографии, их проще всего прятать таким способом: приклеиваешь к странице, закрываешь книгу, ставишь на полку, и никто в жизни не найдёт их.

— Как в том рассказе По.

— Да, «Украденное письмо». Точно, принцип тот же самый. Если помнишь, Роговины сняли *меблированную* квартиру, наверное, предыдущие жильцы оставили им свою библиотеку — книг там было предостаточно. Рэй сказал, что он со своими дружками вынимал книги пачками, чтобы удостовериться, что за ними ничего не спрятано, но посмотреть внутри никому из них, конечно, и в голову не пришло.

— А вы просматривали каждую?

— Не так уж много времени это и заняло. Брали по книжке, пролистывали все страницы, и довольно быстро наткнулись на то, что искали. Но на всякий случай мы просмотрели все остальные книги, чтобы удостовериться, что в них ничего не спрятано.

— Не уверена, что у меня хватило бы терпения, Берн.

— Мне даже некогда было подумать об этом, потому что Рэй двигался вперёд словно танк, хотел показать мне, паршивец, что парни в форме тоже умеют быстро работать. Ничего не оставалось, как следовать его примеру. Больше фоток мы не нашли, но совесть свою очистили.

— Всего четыре снимка, — размышляла Кэролайн. — По два на брата. Я спросила тебя, знаешь ли ты, кто они такие, но не помню, что ты мне ответил.

— Ничего не ответил.

— О…

— У тебя компьютер работает?

— Мой компьютер? Конечно работает! Я сегодня довольно долго сидела в Интернете и, представляешь, обнаружила там свою подружку Тёлочку. Мы пообщались какое-то время и назначили свидание на вторник. — Кэролайн широко улыбнулась. — Кстати, она жаловалась на стервозную начальницу, которая заваливает её работой. Говорит, что кому-то давно пора хорошенько её оттрахать. Думаю, ты понимаешь, о ком речь.

— Может, нам пока не стоит назначать свидания на один и тот же день.

— Может, не стоит и говорить нашим девушкам, что мы знаем больше, чем они думают. Она мне ужасно нравится, Берн. И я ей. Разве не здорово?

— Здорово!

— А зачем тебе мой компьютер?

— Хочу использовать твои таланты по назначению. Зайди-ка снова в Интернет — мне нужно кое-что выяснить.

Пока Кэролайн возилась с компьютером, я сделал с её телефона несколько звонков. Марти Джилмартина я застал дома, задал ему пару несущественных вопросов, на которые он ответил весьма сдержанно, и назначил встречу на завтрашний день. Он спросил, не возражаю ли я против «Притворщиков», я не возражал, но предупредил, что, возможно, буду спешить, поэтому просто выпью с ним кофе, однако всё равно нам обязательно надо увидеться.

После этого я позвонил Барбаре Крили и не успел поздороваться, как она воскликнула:

— О, ну как же я рада, что ты позвонил! Я сама звонила тебе полчаса назад, но наткнулась на автоответчик.

— Да, я не дома, — подтвердил я.

— А я дома.

— Я понял это, когда ты подошла к телефону, — сказал я.

— Что? Ну да, конечно, вот я глупость какую сморозила, ведь и так понятно, что я дома, если ты мне сюда звонишь.

— Вовсе это не глупость!

— Не глупость?

Голос у Барбары как-то странно дрожал. Я спросил, всё ли у неё в порядке.

— Хотел проверить, дома ли ты, чтобы пригласить тебя в какое-нибудь симпатичное местечко поужинать.

— Хорошо.

Topreading.ru

— Что хорошо?

— То есть прекрасно. Да, замечательно! Я дома. Поужинать будет хорошо.

— Вот и отлично. В какое время мне подъехать?

— В какое время? Не знаю… Ты сам реши.

— В семь? — У меня оставалось ещё время, чтобы добраться домой и переодеться. — В семь нормально?

— В семь нормально.

— А куда пойдём? Сегодня воскресенье, не все рестораны работают. У тебя есть что-нибудь на примете? Или встретимся в «Парсифале», а потом решим, куда пойти?

Последовало растерянное молчание, как будто ответить на два вопроса ей было уже не под силу. Затем она пробормотала:

— А ты можешь приехать ко мне?

— Если хочешь, конечно.

— Пожалуйста, Берни. Лучше приезжай ко мне в семь.

— Хорошо.

— Ты адрес помнишь?

— Помню.

— Тогда до семи. А если хочешь, приезжай пораньше. Когда хочешь, тогда и приезжай. Я всё время буду здесь.

Она повесила трубку, и я, после минутного колебания, сделал то же самое, а затем быстро поднялся.

— Мне нужно бежать, — обратился я к Кэролайн. — Хочу ещё побриться и принять душ. У меня свидание.

— С Барбарой? Вот здорово!

— Надеюсь, что да, — сказал я.

— Мне нужно бежать, — обратился я к Кэролайн. — Хочу ещё побриться и принять душ. У меня свидание.

— С Барбарой? Вот здорово!

— Надеюсь, что да, — сказал я.

Глава 29

Topreading.ru

Без четверти семь я поднялся по ступенькам на крыльцо дома Барбары. Я позвонил, и она впустила меня внутрь, а когда я одним махом взлетел по лестнице на её этаж, она уже стояла в дверях. В тот вечер Барбара выбрала платье с весьма смелым геометрическим орнаментом, думаю, Мондриану оно пришлось бы по вкусу.

Я похвалил её платье. Оно мне в самом деле нравилось, я его приметил в шкафу ещё во время своего первого визита, и надо сказать, что на ней оно смотрелось гораздо лучше, чем на вешалке. Барбара пробормотала, что брала его с собой на Лонг-Айленд, чтобы надеть на «второй день», но на завтрак все пришли в джинсах и свитерах, так что ей пришлось срочно переодеваться. Она не знала, куда мы собираемся пойти, и на всякий случай принарядилась.

Я пришёл в блейзере и тёмно-серых брюках, с галстуком в кармане, поэтому нас пустили бы практически в любое место. Барбара выглядела чудесно, но в глазах у неё застыл испуг, который я почувствовал, ещё когда разговаривал с ней по телефону. Она провела меня в квартиру, настал тот неловкий момент, когда люди не знают, как им быть — целоваться? Жать руки? Пару ночей назад мы делили одну постель, но на самом деле совсем не знали друг друга. Я замешкался, она тоже, но потом я всё-таки обнял её, и она прильнула к моему плечу.

Это были очень приятные объятия, и продлились они довольно долго, но, когда Барбара отстранилась, глаза её по-прежнему излучали тревогу, и я снова спросил, всё ли у неё в порядке.

— Да, — сказала она, потом немного подумала и выпалила: — Нет! — Нахмурившись, она опустила взгляд и, помолчав, тихо добавила: — Я… я не знаю…

— Да что случилось?

— Я боюсь!

— Вижу. Но чего?

До этого она старалась не смотреть на меня, но сейчас подняла глаза:

— Берни, у тебя когда-нибудь было чувство, что ты сходишь с ума?

— Временами я не уверен, что вообще родился в своём уме, — философски заметил я. Бросив взгляд на её кровать, я вспомнил, что делал на ней, а не под ней. — Иногда я знаю, что поступаю не так, как надо, но совершенно не могу себя удержать от очередной глупости.

— Например, когда ешь десерт, хотя только что обещал себе сесть на диету? И на самом деле даже не хочешь есть, но не можешь удержаться?

— Да, что-то вроде этого, только ещё хуже. Вроде как я диабетик, и мне вообще нельзя сладкого, а я всё равно не могу отказаться от десерта.

— Ты что, правда диабетик?

— Нет, просто иллюстрирую, до какой степени безумства я могу дойти.

— Я так и думала… Да, мы все порой совершаем безумства, но я не об этом. Мне кажется, я схожу с ума, понимаешь? По-настоящему. Сначала я вырубаюсь после двух рюмок — что само по себе тревожный сигнал. А теперь ещё это… Можно я расскажу тебе, что произошло?

Topreading.ru

— Ну конечно.

— Тогда сядь. Хочешь чего-нибудь выпить? Хочешь колы, может, приготовить чай? Или кофе? У меня, правда, только растворимый.

— Не надо ничего, мне и так хорошо.

— Хотела бы я сказать то же самое про себя! Берни, я проснулась в субботу утром и стала думать о том, о чём мы с тобой говорили: ну, как я вырубилась и привела сюда кого-то и как он перерыл мои вещи, но ничего не взял, кроме бритвы. И как я потеряла школьное кольцо. После этого я встала и ещё раз перерыла свои «драгоценности» — все самые ценные вещи оказались на месте, но я точно недосчиталась пары серёжек и двух серебряных браслетов.

— Ты думаешь, он и их увёл на сувениры?

— Конечно, я проживу без них, но всё равно как-то неприятно.

— Это точно.

— А затем я вспомнила про деньги.

— Про бумажник? Ты же сказала, что деньги были на месте.

Она затрясла головой:

— Нет, другие деньги. Вообще-то я никогда не храню дома наличные — зачем, если гораздо удобнее пользоваться карточкой? Но неделю или две назад у меня появилась довольно приличная сумма. Больше тысячи двухсот баксов.

— О, действительно немалая сумма! — согласился я. — Особенно если это наличные.

— Ну так вот, я не знала, где их лучше спрятать, и сунула в морозильник. Глупо, да? Наверное, воры первым делом там и ищут, правда?

Ну, не первым делом, подумал я, но проверяют обязательно.

— А как вообще у меня оказались эти деньги, — продолжала Барбара, — сейчас расскажу. Элисон Харлоу выходила замуж, она — одна из последних в нашей компании, кто ещё не замужем. И вот они с женихом (его зовут Скотт) не знали, что выбрать — свадьбу на широкую ногу или медовый месяц в Европе, потому что и то и другое им точно было не потянуть. Ну, мы и решили подарить им деньги, чтобы они смогли поехать во Францию, только собрать деньги заранее, понимаешь? Чтобы не было как в «Крёстном отце», когда все приходят на свадьбу с конвертами. Я взялась организовать сбор средств, со всеми созвонилась и собрала деньги — всего получилось около девяти тысяч.

— Девять тысяч? — Я присвистнул. — Ну, ничего себе!

— Большинство выписывали чеки, — продолжала Барбара, — но многие выдали мне деньги наличкой — около тысячи двухсот долларов. Я отнесла чеки в банк. Не понимаю, почему не присовокупила к ним и конверт с деньгами? Наверное, захотелось ещё немного подержать его у себя, понимаешь?

— Конечно, понимаю.

Topreading.ru

— Это как тайна, которую лелеешь, или как стилет, спрятанный в сапоге. В общем, я положила деньги в конверт и засунула в морозилку.

— Ясно. И что же?

— Ничего, так они и лежали в морозилке, наверное, рано или поздно я отнесла бы их в банк, но мне казалось, что им и там хорошо. И я забыла о них. Помнишь, я говорила, что проверила деньги в бумажнике и их оказалось больше, чем было? Но конверт… о нём я даже не подумала. Наверное, уже одно это свидетельствует, что у меня не все дома…

— Глупости какие! Ну, вылетело из головы, что тут страшного?

— Кажется, из моей головы слишком многое вылетает без остатка. Ну, короче, вчера я перебирала бижутерию и вдруг вспомнила о свадьбе. Мы с друзьями решили, что я выпишу чек на всю сумму, я так и сделала и отослала его давным-давно, чтобы Элисон могла заказать билеты. И вот я вспомнила про деньги в морозилке, и вдруг у меня ёкнуло сердце, и я пошла посмотреть…

— И что, их там не было? Иначе ты бы мне этого не рассказывала.

— Я всё вытащила из морозильника, даже прошлогодний бифштекс, наверное, он по вкусу теперь напоминает мясо мамонтов, но денег не нашла. Всё перерыла, я так хотела, чтобы они там оказались! Может быть, мне давно пора было купить новую бритву, да и школьное кольцо я часто не надеваю… Но чтобы у меня упёрли тысячу двести долларов? Это уже совсем другое дело, согласись!

— Ты права.

— И ещё я винила себя за то, что вообще решила оставить деньги. Ну почему я не положила наличные в банк вместе с чеками? Зачем мне было держать их в морозильнике? Идиотка! Решила заморозить немного денег — ты можешь себе такое представить? Так мне и…

— Перестань! — закричал я. — Ну что ты такое говоришь? Зачем обвиняешь себя? Это типичное поведение жертвы, если хочешь знать. Ты же не сделала ничего дурного, верно? Просто какой-то подонок, — по имени Берни, подумал я, — украл у тебя деньги. Это его вина, понятно? А не твоя.

— Да, но если бы денег там не было…

— Но они там были, и ты имела полное право их туда положить, а вот он не имел права их трогать. Ты могла оставить их на кухонном столе в своей собственной квартире — какое право он имел брать чужое? Да ещё лезть к тебе в холодильник, господи прости! Барбара, успокойся, не обвиняй себя понапрасну, с тобой всё в порядке, ты вовсе не лишилась рассудка.

— Подожди. — Она судорожно глотнула. — Это ещё не всё.

— Что ещё случилось?

— Когда я вернулась домой сегодня, — сказала она дрожащим голосом, — я открыла морозильник. Не спрашивай меня зачем.

— Хорошо, не буду.

— Нет, я знаю зачем. У меня была совершенно безумная надежда, что вдруг конверт материализуется там. И вот я открыла морозилку.

— И что же?

— И там лежал конверт.

Конечно, как раз там, где я его вчера оставил.

— Да ну, не может быть. — Я недоверчиво взглянул на неё. — То есть он всё время там находился, ты это хочешь сказать?

— Берни, но я ведь вытащила из морозилки всё. Всё!

— Включая мясо мамонта.

— Да, и его тоже. Я ещё постояла, глядя в абсолютно пустую камеру, и ещё подумала, что, наверное, сейчас самое время разморозить её. Но вместо этого сложила всё обратно. И денег тогда там не было, клянусь тебе!

— Хорошо, хорошо, не волнуйся так!

— Ты что, мне не веришь?

— Верю, конечно верю.

— Он и сейчас там лежит. Хочешь посмотреть?

— Да нет, зачем?

— Ну, чтобы ты не думал, что у меня совсем шарики за ролики заехали. Хотя ты, наверное, как раз и подумаешь, что я окончательно рехнулась. Ну, идём, я хочу тебе показать. Вот он, видишь? Хочешь пересчитать?

— Да нет, зачем?

— Ну, чтобы ты не думал, что у меня совсем шарики за ролики заехали. Хотя ты, наверное, как раз и подумаешь, что я окончательно рехнулась. Ну, идём, я хочу тебе показать. Вот он, видишь? Хочешь пересчитать?

Я положил руку ей на плечо.

— Убери его, — попросил я.

— В конверте столько же денег, сколько и было — одна тысяча двести сорок долларов. Ты точно не хочешь пересчитать?

— Совершенно в этом не сомневаюсь.

— Наверное, он там всё время лежал. Но как получилось, что я его не заметила?

Я уверил её в том, что этому может быть несколько объяснений.

— Ну, скажи мне хотя бы одно, — попросила она.

— Хорошо. Деньги могли дематериализоваться, — излагал я важным голосом первое, что пришло на ум, — а потом вновь появиться.

— Как такое возможно?

— А кто сказал, что невозможно? Давай посмотрим на это с другой стороны. Если бы ты вчера не проверила морозилку, ты и не знала бы, что они дематериализовались, а потом появились, верно?

— Но вещи не могут просто так исчезать! Раньше-то у меня ничего не исчезало!

— У меня однажды из морозильника исчез целый брикет мороженого. Клянусь, я до него не дотрагивался!

— Слушай, мне не до шуток!

— А я советую тебе расслабиться. Вот что произошло на самом деле: ты сама сказала, что у тебя появилось тревожное чувство ещё до того, как ты открыла морозильник. Наверное, ты так волновалась и так боялась не найти деньги, что не заметила конверт. Да, ты вытащила его вместе с другими продуктами, но в мозгу это у тебя не отложилось, что случается сплошь и рядом.

— То есть это ещё не болезнь Альцгеймера? Не симптом рака мозга?

— Уверен, что нет.

— Конечно, ты прав, — согласилась она. — Конечно, так и было. Хотя по секрету скажу, мне больше нравится твоя теория о дематериализации. Пуф!! И нет денег! Пуф опять!!! И есть.

— Фокусники всё время демонстрируют нам, что такое возможно. Это называется — волшебство.

— Да, теперь мне всё понятно. Знаешь что? Мне уже гораздо лучше. Куда пойдём ужинать?

Мы поужинали в симпатичном французском ресторанчике; Барбара с аппетитом умяла большую порцию солянки по-французски, а я — бифштекс с жареной картошкой. В качестве аперитива мы выпили по бокалу «Роб Роя» (люблю этот коктейль) — я заказал, а она одобрила мой выбор. Мы решили, что к ужину подойдёт хорошее красное вино, и взяли домашнее французское — оно оказалось превосходного качества. В общем, хотя я, может быть, и не так представлял себе трапезу в «Максиме», когда приглашал Кэролайн на уик-энд в Париж, ужин мне очень понравился.

Я хотел заплатить по счёту, но Барбара настояла на том, чтобы оплатить половину. У меня было полно налички, но она расплатилась кредитной картой за всё, а я отдал ей половину зелёными.

Она взяла банкноты и потрясла их перед носом.

— Мне как-то боязно, — сказала она, — прятать их в бумажник. А вдруг они тоже решат дематериализоваться?

Topreading.ru

— Такой риск есть всегда.

На обратном пути я немного поддерживал свою спутницу под локоток. На лестничной площадке перед квартирой она не сразу нашла в сумочке ключи, а потом не сразу попала ключом в замок. Я мог бы сказать: «Позволь мне!» — и отпереть ей дверь, но, конечно, не сделал этого. Наконец ключ вошёл в замочную скважину, и замок, щёлкнув, открылся. Она легко попала ключом во вторую скважину; ключ вошёл сразу же, как будто его притянуло магнитом, но отказался поворачиваться.

— Вот чёрт! — Она растерянно и с силой дёрнула ключ. Он с треском сломался.

— Что это? — не веря своим глазам, произнесла Барбара. — Ты видишь, что я сделала? Вот дерьмо! Как же это я… — Она повертела в руках обломок ключа. — И как теперь быть? Придётся вызывать слесаря…

Внезапно мной овладело странное спокойствие, сам не знаю почему. Я взял Барбару за плечи, прошептал ей на ухо: «Тише, тише…», как будто успокаивал нервную лошадь, и слегка отодвинул её в сторону. Затем я вытащил из кармана свои инструменты, выбрал маленький узкий пинцет из первоклассной немецкой стали и не без труда вытащил обломок ключа, застрявший в замочной скважине. Зажав обломок пинцетом, я поднял его вверх, как стоматолог, демонстрирующий больному удалённый зуб, а потом приступил к хорошо изученной процедуре открывания двери, ведущей в её квартиру.

Много времени это не заняло. Когда дверь распахнулась, я отошёл в сторону и пригласил Барбару зайти первой, но она как будто приросла к месту, глядя на меня совершенно круглыми от изумления глазами.

— Ладно, заходи. — Я слегка подтолкнул её внутрь. — Похоже, придётся кое-что тебе объяснить.

Глава 30

— Нет, ты действительно вор-домушник? — спросила Барбара. — Никогда в жизни не встречала живого грабителя. Но откуда мне знать, что ты говоришь правду? Если бы ты не сказал, я бы никогда сама не догадалась.

— Разве у тебя не зародилось подозрений, когда я открыл твои замок?

— Даже не знаю. Сначала я страшно расстроилась, а когда ты начал орудовать своими крючками, решила, что окончательно схожу с ума. А может, что ты — идеальный герой, который находит выход из любой ситуации.

— Это что же за герой такой, прячущийся под кроватью?

— Умный герой. А что, там действительно столько места? Если честно, я давно уже туда не заглядывала. Слышала, что некоторые женщины непременно заглядывают под кровать, прежде чем лечь спать, но я всегда думала, что это шутка. Ладно, теперь сама начну так поступать. А что за наркотик он мне подсыпал?

— Не наркотик, сильное снотворное. Рогипнол.

— Ну, ничего себе, снотворное для романтических встреч! Какой же негодяй! Извини мой латышский, но он просто долбанутый ублюдок, грязный недоносок, мерзкий гадёныш, гребаный пидорас, извращенец! — Она перевела дыхание. — Ох, прости, ради бога, мой латышский. Или я уже это говорила?

— Да ругайся себе на здоровье.

— То есть я привела домой незнакомого проходимца, а другой в это время уже прятался у меня под кроватью. Ну а если бы я пришла домой одна? Что бы ты делал в этом случае?

— Да то же самое, поскольку мне не удалось слинять в окно. Между прочим, ты сильно рискуешь, забивая рамы гвоздями. А что, если случится пожар?

— Там же две створки окна, помнишь?

— Ну да, а рамы забиты гвоздями…

— Похоже, я могу угадать, которую из них ты пытался открыть.

— Хочешь сказать, что вторая не забита? Вот чёрт, ну я и идиот! Первостатейный.

— Наверное, хорошо, что ты не смог выбраться из моей квартиры, а то не видать мне драгоценностей как своих ушей. Почему же ты положил их назад?

— Мне стало тебя жаль. Когда он наконец-то свалил и я выполз наружу, мне казалось, что я успел тебя узнать, а я не краду у знакомых.

— Но деньги ты назад не положил!

— Ну, я ещё недостаточно хорошо тебя знал. И это были просто деньги, ничего личного, как говорится.

— Да, браслет подарил мне отец. Он собирал монеты, а золотые копил для меня, и потом на один день рождения подарил мне целый браслет из золотых монет. Я его никогда не ношу, уж очень это дурной вкус, но мне было бы жаль, если бы браслет украли. Наверное, надо положить его в банковскую ячейку. Должно быть, он дорого стоит.

— И бриллиантовые серёжки тоже положи.

— Ты прав. Они принадлежали ещё моей бабушке, но их я часто ношу, так что пришлось бы всё время бегать в банк.

Я рассказал ей о тайниках, которые можно было бы устроить в её квартире, и обещал, что сделаю такой для неё.

— О, мой герой, — прошептала Барбара, и её глаза стали такими глубокими и зовущими, что я понял: срочно пора её поцеловать. Одними поцелуями мы, конечно, не ограничились.

— Так вот откуда ты знаешь, что она была розовой, — сказала Барбара.

В глазах у меня стояли её розовые… но через пару секунд я сообразил, что она говорит о

бритве.

— Ты её забрал, — продолжала Барбара. — Поэтому ты знаешь, какого она была цвета. Но зачем он разбил её? Он не любит, когда женщины бреются?

— Наоборот. Он хотел тебя побрить…

— *Побрить* меня? Боже, какой ужас! А где он собирался… о нет!

— Вот именно.

— Значит, я должна быть благодарна Господу Богу, что этот мерзавец передумал. В любом случае я уже купила новую. Ладно, он разбил мою бритву, потому что он — подонок, недоносок и всё то, что я уже про него говорила. Но зачем *ты* её забрал?

— Я не хотел, чтобы ты нашла её и стала гадать, почему она разбита.

— То есть ты не хотел, чтобы я поняла, *насколько* неудачной была та ночь. Потому ты и квартиру мою привёл в порядок, и украденные ценности вернул на место. Ты — добросердечный, совестливый человек. Может быть, ты и преступник, но не закоренелый. Теперь я это точно знаю.

— Иногда я говорю себе, что я не преступник, а обычный человек, который время от времени совершает преступные действия…

— Вот это мне нравится!

— Но потом я велю себе заткнуться и не обманывать хотя бы самого себя.

— Это мне тоже нравится. Ну ладно, пойдём дальше. Ты вернул мои драгоценности, но деньги взял, потому что знал меня недостаточно хорошо. А затем вернул и деньги. Почему? Потому что мы переспали?

— Наверное, да. И ты ведь вначале не заметила, что они пропали, так что я подумал, что и не узнаешь об этом…

— Конечно, тебе было невдомёк, что после того, как мы с тобой поговорим, и до того, как ты вернёшь их обратно, я полезу в морозилку.

— Я должен был это предвидеть…

— Почему, Берни?

— Хотя бы потому, что это совпадение, а в моей жизни в последнее время чересчур много совпадений… Если бы ты сказала мне, что у тебя пропали деньги, не знаю, что пришлось бы придумывать, чтобы вернуть их тебе… Конечно, я бы всё равно их отдал, но только не таким путём!

— Да уж, а я решила, что окончательно свихнулась… И ещё ты со своими объяснениями. Ха-ха-ха! Вообще-то мне понравилась твоя теория о дематериализации.

— Ничего более умного не пришло в голову.

Topreading.ru

— Да и вторая теория тоже вполне приемлема, и мне сразу же полегчало. Помнишь её? Что я достала из морозильника деньги и положила их назад, не отдавая себе отчёта в том, что именно держу в руках. Интересно, как такой синдром назвали бы психоаналитики? «Истерическая слепота»? Но на самом деле истерика у меня началась, когда я обнаружила конверт в морозилке. Что бы мозгоправы сказали по этому поводу?

— Наплели бы что-нибудь на тему «эмоционально вовлечённой» сетчатки глаза.

— Да уж… Боже мой, Берни, ну и деньки тебе выпали! В среду ты вломился ко мне, хотя нет, почему вломился? Ты же ничего не сломал… Единственной жертвой нападения этого грязного маньяка стала моя бедная бритва. Не важно, ты был здесь в среду ночью. А в пятницу подцепил меня в «Парсифале»… или это я подцепила тебя?

— Мы подцепили друг друга.

— … так что сюда мы пришли вместе. В субботу ты вернулся, чтобы положить на место конверт с деньгами, и… О, я только сейчас сообразила! Он ведь забрал деньги у меня из бумажника, верно?

— Верно, но, к счастью, оставил кредитки.

— Так и есть. Он забрал деньги, мне казалось, там было не больше восьмидесяти долларов, но на следующее утро кошелёк ломился от купюр. Это ведь ты их туда положил, так?

— Э-э-э, да… Я взял немного из той, другой пачки.

— Но её ты тоже вернул полностью. Выходит, ты ещё и потратился на этом ограблении. Что же ты за вор такой?

— Очень хороший вор, — обиженно возразил я. — Просто неважнецкий бизнесмен.

На лице Барбары появилось странное выражение, как будто она хотела сказать: «Ты, чудак-человек, явно с Луны свалился. Но кажется, мне это очень нравится!»

Она перевела дыхание и с улыбкой продолжала:

— А сегодня воскресенье, и за один вечер ты побывал в моей квартире дважды. Вначале я впустила тебя, а потом ты впустил меня. Похоже, ты был очень занят эти дни. Но что же ты делал в свободное время? Работал в своём магазине?

— Барбара… — Я посмотрел на неё и вздохнул. — Ты не знаешь и половины того, что я делал.

Наверное, мне надо было выговориться, потому что меня прорвало и я не замолкал в течение последующего часа. А когда закончил, она знала всё.

Глава 31

В понедельник утром мы с Кэролайн пересчитали деньги, потом отправились в её банк, и Кэр заполнила бумаги, необходимые для того, чтобы открыть банковскую ячейку. Свободны были только ячейки самого маленького размера, но ей вполне хватило — она принесла с собой шестьдесят пять тысяч баксов стодолларовыми купюрами. Мелочь Кэролайн оставила на текущие расходы.

После банка Кэр полетела открывать свой собачий салон, а я поймал такси и поехал в сторону Бродвея. Конечно, на метро было бы быстрее, но, имея на руках больше ста тысяч наличными, я не хотел рисковать. Поезда первой линии останавливаются на углу Бродвея и 79-й улицы, где в маленьком отделении Сити-банка я много лет снимаю ячейку. На метро я доехал бы туда за десять минут, но мне пришлось попотеть, добывая эти деньги, и я не чувствовал себя вправе рисковать ими — преступность в Нью-Йорке всё ещё очень высока. Выйдя из такси на десять долларов беднее, я, несмотря ни на что, был доволен.

В банке я сел за столик и заполнил карточку, тщательно расписавшись «Уильям Джонсон» — под этим именем я снимал ячейку. Я специально выбрал совершенно нейтральное имя, которое сразу вылетало бы из головы клерков. Мне же не грозило его забыть, потому что я знал одного Уилла Джонсона — он был моим наставником в те далёкие времена, когда мы бегали с деревянными пистолетами и назывались бойскаутами, — хороший был мужик!

Девушка-клерк видела меня в первый раз, но, сравнив мою подпись с другими подписями на карточках, без звука провела меня в хранилище, мы вместе вставили наши ключи в замки и вытащили ящик. Мой ящик был больше ящика Кэролайн раз в десять, однако мисс Чанг легко вытащила его, поскольку он был абсолютно пуст. Я там никогда ничего не храню подолгу, потому что такой сейф предохраняет только от других воров, но не от налоговой полиции — эти уж найдут способ докопаться до всех твоих сбережений! Конечно, пока они ничего не знают о том, что у меня есть сейф, но рано или поздно узнают, и тогда в моих интересах, чтобы он был пуст. Поэтому я использую банковскую ячейку для временного хранения капитала, пока не придумаю, как лучше распорядиться им. Конечно, если бы «уголовники» не испортили мой тайник, я бы сложил деньги туда, но… банковская ячейка меня вполне устраивала.

Мисс Чанг провела меня в маленькую комнату, где я запер дверь и перегрузил все сто двадцать пять тысяч долларов из кожаного дипломата, который принёс с собой. Моя доля составила сто тридцать пять тысяч, но часть я уже потратил, а оставшиеся деньги лежали в ванне Кэролайн, засыпанные наполнителем для кошачьего туалета.

Когда я выходил из банка, в дипломате у меня оставалась только доля Марти — около тридцати пяти тысяч, из неё я решил заплатить ещё за одно такси, которое доставило меня к магазину. Я отпер двери, но не стал выносить на улицу столик: было одиннадцать, всё равно через час пришлось бы затаскивать его обратно. Кэролайн уже покормила Раффлса, но маленький подхалим всё равно пошёл нарезать круги вокруг моих ног, урча во всё горло, в надежде выманить у меня ещё немного его любимого корма «Девять жизней». Обычно такая кошачья политика работает, но в этот раз я был непреклонен.

Открыв дипломат, я достал материалы, которые Кэр скачала с нескольких сайтов и распечатала для меня. Я просмотрел их утром, но некоторые заслуживали более пристального внимания, чему я и посвятил следующий час, а вокруг царила полная тишина. Только в начале первого звонок на двери прозвенел, возвещая о приходе покупателя.

— Добрый день, — поздоровался я, не поднимая глаз. — Заходите, осмотритесь и дайте мне знать, если вам что-нибудь приглянется.

— Это вряд ли, Берни. Насколько я вижу, в твоём магазине нет ничего интересного — одни пыльные книги. А ты что читаешь?

— Да тоже ничего интересного, Рэй, та же печатная продукция, только без обложки. — Я аккуратно сложил листы и отодвинул в сторону.

Рэй отчаянно скосил глаза, пытаясь рассмотреть, что на них написано, не поворачивая при этом головы, и тут его взгляд упал на дипломат.

— О, какой симпатичный чемоданчик, — заинтересовался он. — Кажется, я его уже раньше видел.

— Возможно. Он у меня много лет.

— У тебя там, наверное, сидит пара кроликов?

— Пара кроликов? В дипломате?

— Я уже сказал, что видел его раньше, и каждый раз ты вытаскивал оттуда по кролику. Если снова захочешь повторить фокус, только свистни — мне не хотелось бы такое пропустить.

— Вряд ли, дружище, — ответил я. — Но если кролики появятся, дам тебе билет в первый ряд.

— Лучше в последний, Берни. Тогда я, по крайней мере, смогу запереть двери, чтобы ты не сбежал. — Он понизил голос и придвинулся ближе ко мне. В магазине никого не было, но, вероятно, он не хотел, чтобы Раффлс его услышал. — Я проверил пальчики на бритве, которую ты мне дал. Можешь забрать обратно, но только она не работает. И ручка совсем треснула, так что лучше купи себе новую…

— Знаю. А ты смог идентифицировать отпечатки? Правда? Ну и скорость!

— Компьютеры, — с удовлетворением сказал он. — С ними всё получается в три раза быстрее. Даже ответ из Вашингтона не приходится долго ждать! Конечно, ещё удобнее, если вообще не надо посылать пальчики в Вашингтон, что возможно в том случае, когда они — местные и у нас уже засвечены.

— Думаю, это вполне вероятно.

— Короче, там были неполные отпечатки другой руки, скорее всего женской, судя по размеру. Они чистые, и я не стал посылать по ним запрос в столицу, потому как рассудил, что тебя они не интересуют. А вот те, что отпечатались поверх женских, нам очень даже знакомы. Тебе что-нибудь говорит имя Уильям Джонсон?

— Как?! Нет, Рэй, абсолютно ничего.

— Эх, Берни, лучше тебе в покер не играть, Малыш. Все узнают твои карты ещё до того, как ты сам поглядишь в них. Так вот, этот Уильям Джонсон — последний, кто держал бритву в руках. Ты так и думал, верно?

Мне следовало ожидать чего-то подобного, если учесть количество совпадений, которые уже случились со мной в последние дни. Конечно, Уильям Джонсон — весьма распространённое имя, но я совершенно не ожидал услышать его через час после моего визита в банк.

— Не может быть! — воскликнул я. — Это, должно быть, другой Уильям Джонсон. Я так отреагировал потому…

— Да уж, отреагировал. Как будто поперхнулся тухлой устрицей.

— Нет, просто, когда я поступил в бойскауты, Уильям Джонсон был моим первым наставником.

Я как раз думал о нём час назад.

— Да ну?

— Потом он попал в переделку, так что, вполне возможно, его пальчики у тебя есть. Но он тогда не жил в Нью-Йорке, и вообще это совершенно другой человек. Сколько лет твоему Джонсону?

— Тридцать пять.

— Ага, значит, точно другой. Мой наставник — ему сейчас, наверное, за шестьдесят. А у этого есть судимость? Что ж, неудивительно.

— А что ты знаешь о нём, Берни?

— Ещё минуту назад, — ответил я, — не знал даже его имени.

Мгновение он смотрел на меня не мигая, потом передёрнул плечами и отвернулся.

— Ладно, Малыш. Не могу сказать, что верю хоть одному твоему слову, но ты нашёл ту книгу, так что, надеюсь, знаешь, что делаешь. Этого Джонсона арестовывали раз пятнадцать, не меньше, привлекали за драку, пьяный дебош и угрозы. Ничего особенного, просто мелкая пьяная шваль.

— А он сидел?

— Сажают только в том случае, если судья вынесет приговор. А у него дело никогда до этого не доходило. Знаешь, кто его дядя? Майкл Кваттроне, наверное, ты слышал о нём.

— Инвестиции?

— Ну да, так он их называет. Он замешан в операциях с фирмами-однодневками, много лет этим промышляет, продаёт фиктивные акции по холодным звонкам, у него целая бригада в офисе трудится, клиентов привлекает. Как только клиент проглотит наживку, его денежки немедленно уходят на липовые счета, а фирма закрывается. Кваттроне связан с местной мафией, мы думаем, он стирает для них деньги.

— Отмывает, ты хочешь сказать?

— Нужно постирать грязные простыни? Отнеси их *китайсе* в прачечную на углу… Нужно, чтобы твои героиновые барыши выглядели чистыми? Иди к Кваттроне, он тебе поможет. Конечно, мы не знаем, имеет ли Джонсон к этому отношение, но и он время от времени принимает участие в ловле клиентов для дяди.

Он сын сестры Кваттроне, так что, когда его берут, дядюшка вытаскивает из широких штанин пачку бабосов и нанимает лучшего адвоката в городе. Вообще-то этот мелкий засранец нигде особо и не работает. Иногда подрабатывает вышибалой в баре, иногда шофёрит понемногу.

— Боже, какой неприятный тип, — заметил я. — А ты, случайно, не знаешь, где он живёт?

— Последний адрес — в районе Пятидесятых. Хочешь, продиктую?

Когда Рэй ушёл, напомнив мне в сотый раз, что я обещал показать ему трюк по вытаскиванию кролика, я схватил «Жёлтые страницы» и принялся их судорожно листать. В Джонсонах недостатка не было, многие из них были даже Уильямами или значились как У., но ни один из них не был зарегистрирован на 53-й улице, то есть по тому адресу, который мне дал Рэй. В принципе я не был удивлён. Последние сведения о Джонсоне поступили три года назад, а он не производил впечатления человека, жаждущего пустить корни на одном месте.

Я взял роман Джона Сэнфорда, нашёл место, на котором остановился, и вновь погрузился в волшебный мир логики и здравого смысла Лукаса Дэвенпорта. Но больше пары страниц прочитать не смог — пора было ехать на обед к Марти.

Глава 32

В «Притворщиках» действуют довольно жёсткие правила, и одно из них гласит, что деловые вопросы во время обедов обсуждать нельзя. Конечно, разговоры обедающих не прослушиваются, под стойкой бара и около бильярдного стола нет микрофонов, следящих, чтобы слова вроде «аудит» или «налоговая инспекция» не произносились, — до такого зверства хозяева клуба пока не дошли… Просто они хотят, чтобы напряжённый, суетливый дух современного бизнеса не портил аппетита их клиентам. Поэтому кейсы и дипломаты положено на входе сдавать в гардероб. Зная это правило, я заранее переложил деньги из дипломата в два простых белых конверта, которые и вручил Марти, как только нам принесли аперитив.

— Это твоя доля.

Марти приоткрыл один конверт, и при виде толстой пачки «зелёных» его глаза слегка расширились. Он быстро убрал конверты во внутренний карман пиджака и слегка похлопал себя по груди.

— Вот это сюрприз, — сказал он. — Я даже не предполагал, что ты так быстро, э-э-э, выполнишь сие благородное дело.

— В пятницу вечером.

— Потрясающе! И как я полагаю, всё прошло удачно. Весьма удачно, судя по весу и размеру конвертов.

— Ну, ты же не знаешь, что в них! — рассмеялся я. — Может, они набиты однодолларовыми бумажками! Ладно, не пугайся, там только сотки. Да, всё прошло очень удачно. — Я рассказал ему, сколько денег в конвертах, добавив, что это — пятнадцать процентов от общей суммы.

— Ну как же чудесно! — с довольным видом произнёс Марти. — Больше всего меня радует, что ты обул Говноеда на такую сумму.

— Ну а меня больше всего радует сама сумма.

— Берни, ну почему же ты тогда не оставил их все себе? Я ведь заранее отказался от своей доли.

— Да, но это несправедливо! Без тебя я бы вообще ничего не получил.

— Я очень рад, что ты так думаешь. — Он ещё раз похлопал себя по груди. — Признаюсь, мне

есть на что их потратить.

Мы с удовольствием выпили: Марти заказал мартини, а я — белое вино, а затем приступили к заказу обеденных блюд, названия которых Марти написал на узкой полоске бумаги, выданной ему официантом. Не знаю точно, зачем в этом клубе принято писать заказ на бумаге — официанты, вроде не глухие и вполне грамотные, но нет, клиенты должны, высунув язык, выписывать названия блюд… Мне кажется, это сделано специально, чтобы члены клуба ни на минуту не забывали, в каких священных стенах они находятся.

Когда официант торжественно удалился, унося на подносе наш заказ, я спросил Марти, общался ли он в последнее время с Марисоль.

— Нет, — грустно признался он. — Но я и не пытался. Эта страница закрыта, Берни. Она предпочла другого, и выбрала его сама. Мне, конечно, страшно хочется наказать Говноеда, и я полагаю, что твоими руками мы уже сделали это, но бегать за ней, умолять… Нет! Что было, то прошло.

— Рад это слышать, — сказал я. — Однако позволь мне ещё раз взглянуть на закрытую страницу?

— Что ты имеешь в виду?

— У меня к тебе несколько вопросов, касающихся Марисоль. Ты говорил, что её мать из Пуэрто-Рико?

— Вроде того, её предки оттуда. Но сама она, по-моему, родилась в Бруклине.

— А отец из Северной Европы.

— Да, из какой-то балтийской республики. Весьма необычное сочетание, ты не находишь? Лёд и пламя! О-о-о-о, как вспомню…

— А из какой республики, знаешь?

— Что? Их вроде всегда было три… Две начинаются с буквы «эл», и он — из одной из этих, потому что, как называется третья, я ни в жизнь не вспомню. Эритрея? Нет, как-то иначе.

— Эстония?

— Ну да, конечно! Эстония! А где же тогда Эритрея? Нет, не говори, мне безразлично, её отец всё равно не оттуда, и даже не из Эстонии. Это тебе поможет?

— Возможно. А ты называл мне её фамилию? Я что-то запамятовал.

— Фамилию? Нет, не называл, и ты поймёшь почему. Марис.

— Её фамилия Марис? Ну и что? — Я минуту подумал. — А, понимаю.

— Ну да. Марисоль Марис. Представляешь? Я думал, она поменяет фамилию, но она и слышать об этом не хотела. Решила, что такое сочетание будет выделяться в титрах, но не выглядеть смешным. Ну, теперь-то, когда её имя никак не связано с моим, я могу взглянуть на вещи более объективно, и знаешь что? Я даже отчасти рад, что мы разошлись.

Я его понимал. Действительно, в сочетании *Марисоль Марис* и *Мартин Джилмартин* явно

чувствовалось что-то извращённое.

— Она не хотела обижать своих пуэрто-риканских родственников, но и литовские корни хотела сохранить. Или латышские?!

— Пожалуй, выходит так, что она должна иметь латышские корни?

— Н-да? — Марти нахмурился. — Она говорила, ей ещё повезло, что её зовут Марисоль. Мать собиралась назвать её *Иммакулата Концептио*,[11] но отец не разрешил, спасибо ему большое.

— А сколько ей лет?

— Она просто неприлично молода. — Марти мечтательно улыбнулся.

Я спросил его, сколько это в человеческом возрасте, и он ответил, что, наверное, двадцать с маленьким хвостиком. Я сделал в уме кое-какие подсчёты: получалось, что она родилась в конце семидесятых, а это не совпадало с выводом, который я только что чуть не сделал. Или всё-таки?..

— Она просто неприлично молода. — Марти мечтательно улыбнулся.

Я спросил его, сколько это в человеческом возрасте, и он ответил, что, наверное, двадцать с маленьким хвостиком. Я сделал в уме кое-какие подсчёты: получалось, что она родилась в конце семидесятых, а это не совпадало с выводом, который я только что чуть не сделал. Или всё-таки?..

— А как встретились её родители? И где? В США? Либо… где-то ещё?

— Они встретились в Бруклине. — Марти был слишком хорошо воспитан, чтобы поинтересоваться, какого чёрта я сыплю соль ему на раны и мучаю его вопросами о Марисоль. — Он приехал сюда в конце шестидесятых или в начале семидесятых. Участвовал в шахматном турнире в Торонто и попросил там политического убежища, а потом перебрался в Штаты. Он жил в Бэй-Ридж, а она — в районе Сансет-парк, всего в нескольких кварталах, ну вот, они случайно встретились и влюбились друг в друга. — Склонив голову к плечу, мой друг взглянул на меня с улыбкой. — А больше, к великому сожалению, ничего не могу тебе рассказать. Если хочешь, спроси у неё сам. Думаю, она всё ещё живёт в той квартире, хотя сейчас за неё платит Говноед. Запишешь адресок?

Уже дважды мой разговор кончался тем, что я записывал адрес. Ещё один раз, и придётся добавить это к списку совпадений. Я взял со стола салфетку и записал не только адрес, но и телефон Марисоль Марис.

После обеда я отправился обратно в магазин и с головой погрузился в «Жертву салата». Повествование захватило меня, и я с сожалением отложил недочитанный детектив в сторону — пришла пора идти на встречу с Кэролайн в «Вечный кайф». Когда я влетел в бар, Кэр уже сидела за нашим обычным столиком. Но не одна. Впрочем, выглядела она так, как будто мечтала только о том, чтобы остаться в одиночестве.

— Привет, Кэролайн, — сказал я. — Привет, Рэй! — И сел как раз между ними, как судья между игроками в начале теннисного матча.

— Хорошо, что ты пришёл, — обратился ко мне Рэй, стреляя в Кэр глазами. — Коротышка уже начала меня конкретно доставать…

— О, наверное, всё дело в погоде, — примирительно заметил я. — Барометр падает, и всё такое. Ведь обычно вы прекрасно ладите…

— Эй, Берн, поменьше слов, — оборвала меня Кэролайн. — Чем дольше ты будешь изображать светскую беседу, тем дольше он тут просидит.

— Мне уже пора вырвать себя из вашего милого общества, — сказал Рэй, — но есть новости. Берни, помнишь вырезки из газет, которые мы нашли в квартире толстяка? Так вот, мои эксперты перевели те, что на русском языке, и представь себе, все они про этого, как его… Чёрного Бича из Ринго.

— Из Риги?

— Ну да, какая разница? Они сейчас переводят остальные, точнее, ищут кого-нибудь, кто смог бы их перевести, но давай поспорим, что все они будут на ту же тему?

— Чего-то не хочется с тобой спорить.

— И правильно, потому что я бы забрал денежки из твоего кармана прямо сейчас! Так вот, остальные заметки написаны вроде как нашими буквами, но чёрт меня побери, если я хоть одно слово понял. Впрочем, вру, одно слово я всё-таки понял, потому что это было имя.

— Кукаров.

— Дьявол! А ты как догадался? — Рэй тут же поднял руку, отметая мои объяснения. — Не хочу знать, Берни, чем ты там занимаешься, но теперь уже всерьёз думаю, что очень скоро кролики не что выскочат — полетят.

После того как дверь за ним закрылась, Кэролайн закатила глаза и простонала:

— Наконец-то свалил! Но вот ведь засранец! Слинял и не подумал заплатить за своё пиво. Впрочем, я готова вагон пива купить, лишь бы не видеть больше его немытую рожу.

— Да ладно тебе, Кэр. Рэй — нормальный чувак.

— Нет! — заявила она горячо. — Никогда с этим не соглашусь. А что это за летающие кролики?

— Он хочет, чтобы я вытащил кролика из дипломата.

— У тебя что, в дипломате кролик?

— Рэй думает, что я вытаскиваю кроликов из шляпы, как фокусник. Но у меня нет шляпы. Он хочет, чтобы я собрал всех в комнате и показал ему убийцу, а я пока не понимаю, как это сделать.

— Потому что не знаешь, что именно произошло.

— О, у меня уже сложилось вполне чёткое понимание того, что произошло, — сказал я, — и как

произошло, и кто за всем стоит. Но ведь это — не обычный случай, согласись. Обычно у нас полно подозреваемых, и один из них оказывается убийцей.

— А здесь у нас вообще нет подозреваемых.

— Точно. Я привык к тому, что ко мне в магазин заходят разные люди, и кто-то из них оказывается убийцей. Но в этот раз ко мне зашёл лишь Валдис Берзиньш, и мы никак не сможем навесить убийства на него, потому что он сам — жертва убийства.

— Ну и что ты собираешься делать?

— По-хорошему, не стоит вообще ничего делать, — рассудил я. — Мне уже один раз повезло, и всё вроде бы прошло чисто. У меня даже появилась девушка. Конечно, забраться к девушке под кровать и присутствовать при её изнасиловании — не самый лучший способ знакомства, никому не посоветую, но в моём случае, как ни странно, сработало. Я вчера рассказал ей всё, представляешь? И вроде бы она даже смогла это переварить. Короче, для меня лучше всего будет сейчас лечь на дно и дать полиции самой во всём разобраться. Или не разобраться. А мне и так хорошо.

— Но ведь ты не сможешь остаться в стороне, Берн, верно?

— Кто знает?

— О да, так я тебе и поверила, — фыркнула Кэролайн.

Я позвонил Барбаре, услышал её автоответчик и повесил трубку. Позвонил на рабочий номер и попал на неё. Похоже, придётся задержаться, пожаловалась она, и я сказал, что, может, оно и к лучшему, так как мне всё равно надо кое-что уладить самому. На это Барбара сообщила, что является стражем порядка, и если мои дела подразумевают нарушение закона, то она предпочтёт о них не знать. Я посоветовал ей не забивать свою хорошенькую головку мужскими проблемами и в ответ услышал пожелание, выполнить которое был физически не в состоянии.

— Прости мой латышский, — добавила Барбара, смеясь. — До завтра!

До 34-й улицы я доехал на автобусе, зашёл в забегаловку, перекусил пиццей и стаканом колы, а затем пересел на другой автобус до Лексингтона. Я зашёл в пять или шесть баров, включая «Парсифаль», но в каждом задерживался не более пяти минут. Правда, по дороге я сделал несколько телефонных звонков. Один из звонков был на номер Крэндела Мейпса в Ривердейле. К телефону подошёл мужчина, и я сказал:

— Простите, ради бога, не уверен, что правильно набрал номер. Мне нужен Клиффорд Мейпс, композитор.

— Никогда о таком не слышал, — пробурчал Мейпс. — Я даже не знал, что в Нью-Йорке есть композитор по фамилии Мейпс. Какую музыку он сочиняет?

— О, он сочиняет не музыку, — сказал я, — он просто гений по части лимериков. Он их сочиняет.

— Что же, удачи ему, — бросил Мейпс и повесил трубку.

Я развеселился и около получаса старательно придумывал рифмованную сагу о бедняге по имени *Мей-пссс*, который *«страшный был дуралей-пссс»*. У него бабла увели *«аж целый кейс-пссс»* (или, для точности, двести тридцать семь тысяч баксов), и теперь он *«в полной жопе-ййссс»*. Мне всё сложнее стало находить рифмы, и я бросил это занятие. Если хотите, сами можете придумать продолжение. А мне некогда.

Ещё я несколько раз звонил на номер, который мне продиктовал Марти, и слушал записанный на автоответчик голос Марисоль Марис, предлагающей мне оставить ей сообщение. Голосок у неё был действительно приятный, и в нём не чувствовалось акцента, ни латышского, ни пуэрториканского. Она разговаривала как обыкновенная симпатичная американская девушка.

Я не стал оставлять ей сообщение, хотя обычно делаю это, — не счёл нужным проверять, подходит ли она к телефону, когда звонят с незнакомого номера. Она ведь была начинающей актрисой, а такие не упускают ни одного телефонного звонка в надежде на ещё одно прослушивание, на ещё один просмотр. Если она не отвечала, значит, её не было дома, но она была и не с Мейпсом, который в настоящее время бродил по своему особняку, пытаясь не думать о лимериках, в коих главную роль играл он сам.

Я пошёл на северо-запад, пересёк Таймс-сквер, каждый раз останавливаясь у телефона-автомата, чтобы набрать её номер, и держал палец наготове, нажимая на рычаг при первом сигнале автоответчика. Если делать всё быстро, можно получить обратно свои монеты. Мне не повезло только раз — что удивительно само по себе, поскольку в Нью-Йорке уличные таксофоны не спешат возвращать монеты, даже если тот, кому вы звоните, вообще не снимает трубку.

Я так разыгрался, что, позвонив Марисоль из автомата на углу Девятой авеню и 46-й улицы, сразу же дал отбой и забрал выпавшие назад монеты и только потом сообразил, что мне ответил живой человеческий голос. Да, он был похож на голос с автоответчика, но это была Марисоль собственной персоной. Я снова набрал её номер.

— Слушаю! — сказала она довольно раздражённо.

— Простите, — извинился я. — Я звонил минуту назад, но нас разъединили.

— Я и не поняла, что случилось.

— Хорошо, что вы дома, — выпалил я, пока она не успела опомниться. — Пожалуйста, никуда не уходите. Я буду буквально через пару минут.

Я помчался вперёд на всех парах. Её дом в точности соответствовал стандартам Адской Кухни, на каждом этаже располагалось по четыре квартиры, рядом с 3-С значилось «Марис».

— Это я! — произнёс я в домофон, и не соврал. Видимо, мои слова показались ей вполне убедительными, потому что она сразу открыла входную дверь.

Я взлетел на третий этаж, дверь под номером 3-С распахнулась, как раз когда я собирался постучать. Молодая женщина, открывшая мне, была высока ростом, стройна и отличалась тем, что мы привыкли называть «природной грацией движений». У неё были большие голубые глаза (наследство отца-прибалта), русые волосы и смуглый оттенок кожи. Особенно меня поразили её пухлые чувственные губы — при взгляде на них сердце любого мужчины сжалось бы от предвкушения всех грешных радостей, которые она могла ими доставить.

Topreading.ru

Марисоль выглядела испуганной.

— Кто вы такой? — запоздало воскликнула она. — Почему врываетесь ко мне? Что вам надо?

— Меня зовут Берни Роденбарр, — сказал я, — и я хотел бы поговорить с вами о Валентине Кукарове.

Марисоль отступила на шаг, закрыла рукой свои прелестные губки, которые начали предательски дрожать, и вдруг разрыдалась.

Глава 33

Я вышел от Марисоль после десяти вечера, прошёлся по 9-й авеню и поймал такси. Сегодня я наездился на такси вволю. Иногда, по многу недель кряду, мне и в голову не придёт воспользоваться такси, а потом вдруг как прорвёт… Ловлю их направо и налево.

У «Парсифаля» я велел остановиться и вылез из машины прямо перед носом у молодого человека с круглыми совиными глазами, который выглядел совершенно обалдевшим — то ли оттого, что ему перепало свободное такси, то ли от симпатичной спутницы, которая вроде бы собиралась разделить его с ним. Я пожелал им счастливого пути и направился в бар.

Была смена Сигрид, которая горделиво стояла за стойкой, подливая спиртное толпе усталых клерков, пьющих свои коктейли с видом «спасибо-тебе-господи-за-то-что-проклятый-понедельник-наконец-то-закончился!». Я огляделся, затем подошёл к стойке и уселся на высокий табурет. Сигрид сразу заметила меня.

— Так, здесь либо «Лафройг», либо «Пеллегрино». В каком настроении мы сегодня?

Вообще-то мне хотелось просто рюмку бренди, чтобы хоть немного расслабиться после тяжёлого дня, но не мог же я так её разочаровать. Я остановился на «Лафройге», а когда она принесла мне заказ, жестом подозвал её поближе и понизил голос.

— В прошлую пятницу, — сказал я, — как раз в твою смену, я разговорился с женщиной, её звали Барбара. Тёмные волосы, убранные в узел…

— Я понимаю, о ком идёт речь.

— Так вот, ты тогда начала рассказывать о придурке, который клеился к тебе, а потом вдруг быстро перевела разговор на другую тему.

— Да ну?

— Получилось очень естественно, — похвалил я. — Барбара ничего не заметила. Но я заметил, возможно, потому, что был настороже. Вот моя версия: пару ночей назад ты стояла за стойкой, и к тебе стал клеиться тот же самый парень, что до этого однажды ушёл с *ней*, и, как только ты это вспомнила, сразу сменила тему.

— Это твоя версия?

— Да, причём аргументированная.

— Вижу, ты парень образованный. Может, объяснишь тогда, зачем вешаешь мне на уши эту

клюкву?

— Надеюсь, что ты поможешь найти его.

— В самом деле? А зачем *мне* это надо?

— Понимаешь, я даже знаю, как его зовут, но этого мало. Вот меня, например, зовут *Берни Роденбарр*, и этого достаточно, чтобы выяснить обо мне всё, что требуется. Но представь себе, имя того парня — Уильям Джонсон, а таких на Манхэттене несть числа..

— Ну так, значит, тебе известно о нём больше, чем мне, — отрезала Сигрид. — Я ведь даже имени его не знала, пока ты не сказал. И ты до сих пор не объяснил, почему я должна тебе помогать.

— Он отвёл Барбару домой, накормив её перед этим рогипнолом, а когда она вырубилась, изнасиловал её.

— Господь всемогущий, помилуй нас!

— Забрал кое-какие её побрякушки и свалил.

— Вот сукин сын! — с чувством воскликнула Сигрид. — А я как раз думала, чего ему от меня надо. Действительно, он показался мне весьма скользким типом, но то, что ты рассказал… Это просто ужасно!

— Не думаю, что он в первый раз воспользовался достижениями фармацевтики для того, чтобы оттрахать женщину, — добавил я. — И также не думаю, что последний. Мне бы хотелось помешать ему продолжать в том же духе.

— Да уж, согласна. Может быть, позвать на помощь хирурга? Эй, погоди секунду.

Она отошла, чтобы наполнить парочку опустевших рюмок, а я сделал глоток «Лафройга».

— Боже, не понимаю, как ты можешь это пить! — Сигрид сморщила нос. — За версту несёт какой-то микстурой.

— И очень сильнодействующей, — подтвердил я.

— Смешно и грустно то, что алкоголь не приедается, сколько ни пей, — философски заметила Сигрид. — Вот, к примеру, моя подружка устроилась работать в пиццерию — так уже через две недели она пиццу на дух не переносила. А я который год стою за стойкой, и ничего, пью себе и пью.

— Так выпей со мной.

— Спасибо, но до конца смены не могу. Ну, так что, ты говорил, что хочешь, чтобы я помогла тебе наказать этого… Казанову. Согласна помочь, только как? Ты ведь не коп, верно?

— Нет.

— Я так и подумала, у них у всех на лице — печать. Может, ты работаешь частным детективом, верно? Этих не так-то просто вычислить — я знала шестерых частных детективов, и единственной общей чертой у них была выданная штатом лицензия.

— Ну нет, это не про меня, — сказал я. — Мне бы штат не выдал лицензию.

— Почему? Никудышный моральный облик?

— Хуже. Срок за спиной.

— Что, серьёзно? Надеюсь, не за изнасилование или убийство? Ну ладно, раз нет, не буду спрашивать за что. И всё же — что я должна сделать?

— Опиши мне этого парня. Я не знаю, как он выглядит.

— А что, Барбара тебе не рассказала?

— Она вообще не помнит об этом инциденте. Говорит, что была в отключке.

— То есть как? Откуда же ты узнал его имя? И как я могу быть уверена, что это был тот самый парень?

— Но ты же видела, как они уходили вместе.

— Ну и что? Может, они расстались за порогом… Или она подцепила другого на улице… Нет уж, дай мне хоть какую-нибудь зацепку, чтобы я знала, что не подставляю невиновного.

— Ну… у него очень густой, низкий голос.

— Верно, тот самый сукин сын. Постой, а откуда ты знаешь про голос?

— Конфиденциальная информация.

— Конфиденциальная? Ладно, подожди… — Она снова отошла и вернулась через минуту. — Я бы описала его так: высокий, футов шесть с гаком, широкий в груди, плечи — как у «Мистера Мускула», наверное с утра до вечера качается в тренажёрном зале, да ещё пичкает себя стероидами… Бицепсы в три обхвата.

— Так, высокий, мускулистый, — сказал я ободряюще.

— Загорелый, — продолжала Сигрид, — наверное, после тренажёров бежит в солярий. Чёрные волосы разделены на пробор, зализаны за уши — без помощи лака не обошлось, причёска каменная, даже ураган не растреплет. Ну что ещё… Квадратная челюсть, глаза небольшие. Глубоко посажены, чуть раскосые…

— Здорово ты его описала! Прямо как живой.

— Ты так считаешь? Да каждый второй латинос выглядит точно так же. Не думаю, что ты узнал бы его среди других таких же… О, подожди, я знаю, что делать!

Сигрид нагнулась и достала из-под прилавка лист белой бумаги.

— Я ходила на курсы рисования, — объяснила она. — Специальный курс — как рисовать, используя правое полушарие. Самое сложное — его активировать. Не возражаешь? — Сигрид схватила мою рюмку и одним махом осушила её. — Е-моё, ну и мерзкий вкус, — скривилась она. — Не понимаю, как ты можешь такое пить. Так-так, по-моему, я начинаю входить в правостороннее мозговое состояние.

Она начала водить карандашом по бумаге, а я с восхищением следил, как на белой поверхности проступают черты лица насильника Барбары.

— Слушай, он у тебя получается вполне симпатичный, — заметил я. — И чего ему не хватает? Многие девушки пошли бы с ним по доброй воле.

— Ты прав, но это не мой тип. — Она стёрла резинкой рот и нарисовала заново. — Мне нравятся мужчины постарше.

— Ему лет тридцать пять, не меньше.

— Ну и что? Он родился лет на тридцать позже положенного срока. По мне, так «*пока не стал седой, лучше вали домой*»! Таков мой девиз.

— Ого!

— Мужчины постарше знают, как надо обращаться с женщиной, — мечтательно произнесла Сигрид. — С одной стороны, они готовы тебя баловать, но с другой — видят все твои хитрости и глупости насквозь. Они умиляются оттого, что ты такая милая крошка, но вокруг пальца их не обвести. Знаешь, что самое ужасное в этом баре? Все до противного молоды.

— Ну, все без исключения «мужчины постарше», которых я знаю, либо голубые, либо женаты.

— Не, голубых мне не надо, а вот против женатиков я не возражаю. Оно даже и лучше, если мужик будет возвращаться к жене. — Сигрид, нахмурившись, вгляделась в рисунок и, вздохнув, протянула его мне. — Получилось довольно похоже, — сказала она, — хотя не совсем. Вот тут что-то не очень, но… *ёкарный бабай*! — Она вдруг выхватила у меня из рук рисунок, скомкала его и бросила себе за спину, прямо в кучу пустых бутылок.

— Эй, ты чего? — встревоженно спросил я. — Может быть, это и не Ван Гог, но мне бы пригодился…

— Тихо, — прошипела Сигрид. — Он тебе уже не понадобится. Угадай, кто стоит у тебя за спиной? Только не оборачивайся сразу, ради бога.

Конечно же я понял, кто стоял у меня за спиной. После недели совпадений какие могли быть сомнения? Конечно же Уильям Джонсон собственной персоной почтил нас с Сигрид своим присутствием как раз в тот момент, когда она дорисовывала его портрет.

Я взглянул на оригинал и сразу увидел, что Сигрид прекрасно уловила сходство. Что она не смогла передать, так это сочетание самодовольства и брутальности, а также капризно опущенные вниз уголки губ, придававшие ему сходство с одним из римских императоров. Нет, не с Цезарем и не с Марком Антонием. Скорее с Нероном. Или Калигулой.

На нём была узкая майка, открывающая мускулистые плечи и обтягивающая кубики мышц на груди и животе. Джинсы тоже сидели очень плотно, наверное, чтобы девушки падали в обморок от восторга при виде твёрдых круглых ягодиц. Лицо было тёмным от загара, хотя на улице стоял апрель. Он остановился и медленно огляделся по сторонам, потом лениво направился в глубь зала, к столику, за которым сидели две молодые женщины.

— Ага, коршун выбрал себе добычу, — сказала Сигрид.

— Ну да, если сумеет разбить эту парочку.

— А зачем? Даст каждой по таблетке, и дело с концом. Наверное, он сможет дотащить до дома обеих.

— А у них короткие стрижки.

— И что? Ты думаешь, они могут оказаться лесбиянками? Сомневаюсь, но, если они вырубятся, будет ли это иметь значение?

— Вообще-то верно. И что же нам делать?

— Не знаю. Разве у тебя нет плана?

— Я хотел пойти за ним, узнать, где он живёт, — объяснил я. — Но если он захватит с собой девчонок..

— Им тоже несладко придётся. Ну, давай!

— Давай? Давай что?

— Импровизируй, — сказала Сигрид. — Пойди помоги ему познакомиться с ними. А я займусь выпивкой.

Я уже знал, что Сигрид когда-то работала актрисой и моделью. К тому же она только что продемонстрировала недюжинные способности к рисованию портретов. Должно быть, у неё была ещё куча скрытых талантов, самые интересные из которых я всё равно никогда не узнаю, поскольку на мне стоит клеймо «слишком молод». Одним из них, как я понял в тот вечер, был талант фокусника. Не представляю, как она это провернула, но после пары бокалов мы с Одри и Клэр уже вовсю болтали и хохотали, в то время как Уильям Джонсон полулежал на стуле, глядя на нас из-под полузакрытых век и периодически всхрапывая.

Девушки, которые, видимо, считали меня и Уильяма перспективными кавалерами, страшно расстроились от такого проявления неуместной сонливости. Сигрид же мастерски сыграла свою роль.

— О нет, опять? — простонала она, с мученическим видом закатывая глаза. — Он — такой приятный парень, но в последнее время раскисает от одной рюмки. Берни, давай, держи его, чего сидишь? Или хочешь, чтобы он снова заснул у меня под стойкой?

Она вышла из-за стойки, перепоручив своё место одному из завсегдатаев, и подставила плечо под бесчувственное тело Уильяма. Я подхватил его с другой стороны, и мы поволокли парня к выходу. Надо заметить, что шёл он сам, хотя явно не отдавал себе отчёта в том, что с ним происходит. Мы дотащили его до угла и свернули в небольшой переулок, ведущий к 37-й улице и зажатый между двух зданий.

Хвостатые представительницы городской фауны, пища, сиганули в разные стороны от помойки, около которой мы решили оставить Уильяма — развернули спиной к стене и слегка

Topreading.ru

подтолкнули. Он повалился на спину, глухо стукнулся головой о стену дома и развалился на асфальте, некрасиво открыв рот. По его щеке стекала слюна.

— Фу, гадость, — с чувством сказала Сигрид.

Я нагнулся и вытащил его бумажник. Не думая, достал оттуда деньги, разделил их поровну, протянул одну пачку Сигрид, а другую положил в карман.

— Он напился и заснул, — пояснил я специально для Сигрид. — И какая-нибудь добрая душа помогла ему избавиться от капиталов.

Сигрид пару мгновений смотрела на пачку, затем небрежным движением сунула деньги в задний карман джинсов, а я продолжал рассматривать содержимое бумажника. На правах стоял адрес: 40-я улица недалеко от Лексингтона, он поменял права всего год назад, так что адрес, наверное, был ещё актуален. Я сначала хотел переписать его, но потом решил взять права, а заодно и кредитки.

Сигрид саркастически подняла бровь.

— Не волнуйся, я не буду их использовать, — сказал я. — Просто выброшу, понятно? Мне хочется, чтобы он помучился, бегая по банкам и восстанавливая их.

— Да делай что хочешь, — проворчала она. — Посмотри на этого сукина сына. Вот противная рожа! Я бы вдарила ему по яйцам, если бы он хоть что-то чувствовал… Он почувствует? — Она решила проверить это и хорошенько треснула его ногой в пах. Уильям застонал, но не пошевелился.

— Ничего, он почувствует, когда проснётся, — утешил я.

— Боже, надеюсь, это отобьёт у него охоту травить девчонок рогипнолом! Жаль, что он не наблевал на себя. — Она подумала минуту. — Ладно, это мы тоже сейчас исправим. — Сигрид решительно сунула два пальца в рот и нагнулась над телом Уильяма, щедро одарив его жёлтой блевотиной.

— Этому я ещё в детстве научилась, — сказала она, вытирая рот. — Подростковая булимия. Я уже много лет не занимаюсь ничем таким, но навык остаётся навсегда. Как ездить на велосипеде…

— Или плавать, — добавил я.

— Точно. Что ж, мне пора назад, пока Барри не раздал бесплатно всю мою выпивку. — Сигрид повернулась ко мне и вдруг игриво ущипнула меня за щёку. — А ты ничего, — отметила она. — Какая жалость, что ты так молод!

— Постараюсь состариться как можно быстрее, — пообещал я.

— Ты уверен, что у тебя нет дядюшки — любителя романтических приключений? Да, вот что я хотела у тебя спросить. Когда мы завернули сюда, я услышала писк. Это были крысы?

— Боюсь, что да.

— Хорошо, — сказала Сигрид. — Надеюсь, они голодные.

Глава 34

Замок на двери Уильяма Джонсона был достаточно простым, но почему-то отнял у меня много времени. Пока я потел над ним, в голову мне лезли разные мысли: например, что я мог бы забрать ключи у него из кармана и открыть замок за две секунды.

Очутившись внутри, я поначалу испытал настоящий шок — мне показалось, что кто-то опередил меня. Квартира, огромная студия в форме буквы «Г», была перевёрнута вверх дном. Словно в ней потрудилась бригада полицейских, которые в буквальном смысле искали иголку в стоге сена — все вещи были разбросаны и раскиданы в разные стороны. Я даже не очень удивился — подумаешь, ещё одно совпадение! Но через несколько мгновений понял, что в квартире Джонсона до меня не было незваных гостей — этот чудовищный беспорядок устроил он сам. Просто он так жил. Наверное, в квартире Барбары Крили он не имел в виду ничего дурного, вытаскивая из комодов ящики и расшвыривая по полу её вещи, — просто немного оживлял обстановку.

Кстати, состояние квартиры сильно усложнило мне задачу. Как найти то, что ищешь, если вещи не хранятся на своих местах, а валяются где попало, без всякой видимой логики? Ещё сложнее было оставить квартиру в том же виде, в каком я её нашёл, потому что запомнить, где что валялось, я был не в состоянии.

Я постарался живописно раскидать по полу поднятые с пола предметы и поскорее свалил. Сигрид сказала мне, что бросила в бокал Уильяму целых две таблетки рогипнола, предназначавшиеся Клэр и Одри. Как они перекочевали из его кармана в его же собственный бокал — загадка, которую я не стал разгадывать. Но как долго он будет спать? Этого я не знал и не хотел рисковать.

Оказавшись на лестничной площадке, я тщательно запер замки — во второй раз получилось быстрее, хотя запереть дверь ключом было бы намного удобнее. Однако, утешил я себя, если бы Джонсон, проснувшись, не обнаружил в своём кармане ключей, он сразу заподозрил бы, что похитивший их человек отправится прямиком в его квартиру.

Я прошёл пешком пару кварталов, наслаждаясь наполнившим кровь адреналином, что обычно случается после удачной вылазки. К вечеру похолодало, я засунул руки глубоко в карманы куртки и вдруг наткнулся на кредитки Уильяма Джонсона, которые хотел уже просто выбросить, но потом передумал. Даже если я сам не собираюсь заказывать диски с фильмами и электронные книги на имя «Вилли» Джонсона, почему это не могут сделать другие?

Я прошёл пешком пару кварталов, наслаждаясь наполнившим кровь адреналином, что обычно случается после удачной вылазки. К вечеру похолодало, я засунул руки глубоко в карманы куртки и вдруг наткнулся на кредитки Уильяма Джонсона, которые хотел уже просто выбросить, но потом передумал. Даже если я сам не собираюсь заказывать диски с фильмами и электронные книги на имя «Вилли» Джонсона, почему это не могут сделать другие?

Я оставил карточки на видном месте, чтобы первый же утренний прохожий мог воспользоваться ими по своему усмотрению. Конечно, если у человека совесть гипертрофирована, как мускулистый торс «Вилли» Джонсона, то он, подобрав карточки, найдёт законного хозяина по городскому справочнику и вернёт их. Обычный честный прохожий вообще не станет их брать, но таких типов, как вы понимаете, в Нью-Йорке меньшинство. А все остальные — обладающие вместо совести предпринимательской жилкой и энергией — смогут максимально быстро и эффективно реализовать возможности чужих

кредиток.

Я устало бухнулся на заднее сиденье такси — адреналин немного выветрился, и больше всего в тот момент мне хотелось поехать домой и завалиться спать. Но я не мог себе этого позволить и дал шофёру адрес на Парк-авеню между 62-й и 63-й улицами.

Интересующее меня здание оказалось роскошным жилым домом с консьержем, дежурившим за стойкой, и даже с лифтёром. Пробраться внутрь в таких условиях можно лишь по приглашению одного из жильцов. Тогда всё просто — вы минуту говорите с ничего не подозревающим гражданином, а на обратном пути совершаете своё грязное дело. Но посреди ночи на пустой улице провернуть подобный трюк не представлялось возможным, да и времени на составление определённого плана у меня не было. Я ведь вновь вышел на вылазку, и теперь мне приходилось импровизировать, придумывая и мгновенно меняя планы в зависимости от ситуации.

К счастью, мне не надо было проникать в здание и подниматься на лифте, мой интерес не выходил за рамки первого этажа. С обеих сторон шикарного парадного крыльца сбегала лестница, ведущая в полуподвальные помещения, занятые под медицинские офисы. Мне нужен был тот, что располагался слева, — если я спущусь по лестнице, с улицы меня закроют перила, так что никто не увидит, как я вскрываю замок. Я также надеялся, что помещение не поставлено на сигнализацию.

Однако меня сильно тревожили две камеры, торчавшие прямо над входом, которые полностью охватывали территорию улицы от одного угла дома до другого. Я не боялся, что моя фигура засветится на плёнке, — никто не станет прокручивать её без достаточных на то оснований, то есть если не будет совершено преступление. Я собирался совершить преступление — проникновение в чужое помещение у нас считается преступлением, — но стоит ли беспокоиться, если никто об этом не узнает?

Да, но что, если меня случайно застукают на месте преступления? Вдруг консьерж мельком посмотрит на монитор и увидит, как некий человек в чёрном без всякого на то повода спускается по лестнице к двери, ведущей в офис известного врача? Конечно, консьержи не сидят целыми днями, уставившись в мониторы, но достаточно случайного взгляда, брошенного в неподходящий момент, чтобы он схватился за телефонную трубку и позвонил в 911, — и тогда ещё один беззащитный взломщик обретёт пристанище в одноместной камере городской тюрьмы.

Я нашёл таксофон и сделал звонок, а затем вернулся к своему наблюдательному посту на другой стороне улицы. Когда к крыльцу подъехала машина с броской надписью «Горячая пицца» на боку, я быстренько пересёк улицу и спустился по ступенькам. Замок оказался сущей ерундой, да и внутри мне не понадобилось много времени, чтобы найти всё необходимое. Взяв со стола листок бумаги и карандаш, я тщательно переписал кое-какие сведения, а затем сложил лист и убрал его в карман. Если хозяин офиса не считает листы с шапкой своей конторы, он ничего не должен заметить.

Я выскочил наружу. Пришлось снова запереть двери — ни к чему, чтобы кто-то заподозрил неладное. Сделав всё необходимое, я надвинул на лоб кепку и быстро зашагал по улице. Это был самый опасный момент, поскольку консьерж мог увидеть меня и поднять тревогу. Дойдя до угла, я обернулся и понял, что страхи мои были напрасны: доставивший пиццу шофёр тыкал

ею в лицо консьержу, который стоял уперев руки в боки с весьма угрожающим видом. Похоже, разбираться им предстояло ещё долго.

Я поймал такси и поехал домой.

Как мне хотелось остаться дома! Моя скромная берлога никогда раньше не выглядела столь уютно и привлекательно, а уж кровать так и манила забраться под тёплое одеяло. Я решил прилечь на пару минут, но сразу же одёрнул себя. «Не время, — сказал я себе, — не будь идиотом, приятель!» Я сварил кофе, принял контрастный душ, который помог мне стряхнуть сон, и, чтобы не обжечься, бросил в чашку два кубика льда.

У меня не было возможности избежать ещё одной поездки в Ривердейл.

Что ж, раз надо, значит, надо. Несколько минут я потратил на то, чтобы подготовить посылку, которую должен был взять с собой, а затем, собрав последнюю волю в кулак, вновь переступил порог и вышел на улицу. Пройдя по кварталу в поисках знакомой мне «меркьюри-сэйбл», я нашёл мою птичку, открыл дверь, вынул блок замка зажигания и, соединив провода, завёл её, а затем проехал девять или десять миль до Ривердейла. Не заблудившись, я сразу же добрался до Девоншир-клоуз и запарковал машину за два квартала от дома Мейпса. Шагая по тёмным улицам, я понимал, что подвергаю себя опасности: любой одинокий пешеход, появившийся ночью в этом районе, автоматически оказывался под подозрением, — но делать было нечего. Я прошёл по дорожке к боковой двери и остановился в нерешительности. В прошлый раз я настроил сигнализацию так, чтобы не задействовать эту дверь, возможно ли, что до сих пор этого никто не заметил? Нет, маловероятно, скорее всего, после моего вторжения Мейпс полностью переустановил сигнализацию. Я не стал рисковать.

Оставался старый, проверенный способ — через молочный люк. Распространяться на эту тему не буду — скажу только, что я не застрял. Ни по дороге туда, ни на обратном пути.

Я поехал назад, припарковал машину в том же самом месте и отправился домой. Сонный Эдгар пожелал мне доброй ночи, и с этой мыслью я рухнул на кровать.

Глава 35

— Берни, извини меня, но выглядишь ты довольно кисло.

— Это хорошо.

— Хорошо? Почему, скажи на милость?

— Видишь ли, я и чувствую себя довольно кисло, так что выглядеть желал бы соответственно. Всю ночь я гонял по городу и устал так, что готов был сутки проспать, однако поставил будильник на девять утра и поднялся! Не спрашивай, как это мне удалось, — сам не знаю…

— Ладно, не буду.

Мы сидели в салоне «Пудель». Вообще-то я открылся в одиннадцать, поскольку по дороге мне пришлось заехать в магазин и купить ещё один мобильник с оплаченной симкой. Я сделал

несколько звонков, немного посидел с книжечкой, а тут и время обедать подоспело. Купив деликатесов в «Двух парнях из Кандагара», я поехал к Кэролайн, чтобы ввести её в курс дела.

Она не могла поверить, что мне удалось так много сделать за одну ночь, да и сам я не переставал удивляться своей энергии.

— У меня просто ноги подкашивались от усталости, — рассказывал я. — Когда приехал тот парень с пиццей, я едва сдержался. Хотел подбежать к нему, купить эту чёртову пиццу, отправиться домой, сожрать её и завалиться спать.

— А вместо этого отправился грабить офис Мейпса. Признайся, небось *надыбал наркоты*?

— Я же сказал тебе, что ничего у него не взял. Ничего.

— Так я и поверила, неужели ты явился туда только для того, чтобы взглянуть на его ежедневник?

— Мне это было необходимо, понимаешь? Представь, что случится, если я устрою большое шоу как раз в тот момент, когда он будет пришивать новый нос какой-нибудь девчушке из Ларчмонта — родительский подарок на шестнадцатилетие. Конечно, мне надо было познакомиться с графиком его операций. И вообще…

— И ты позвонил ему утром? А как ты узнал, что надо говорить?

— Я не знал, решил сыграть наугад. «Мейпс? Мне кажется, вам известно, кто звонит». Вероятно, он тоже так думал, поскольку у нас сразу завязался разговор.

— А какой у тебя при этом был голос? Ты пытался имитировать кого-то конкретно?

Я задумался.

— Да, пожалуй… Скорее всего, Бродерика Кроуфорда, когда он играет того плохого парня в «Дорожном патруле». Вообще-то я просто хотел, чтобы мой голос звучал угрожающе.

— Ну, тогда голос Кроуфорда пришёлся как нельзя кстати. А ты его использовал и для остальных звонков?

— Нет, в тех случаях угрозы были бы неуместны. С некоторыми я заигрывал, даже льстил им, а с другими разговаривал сухо и отрывисто, как деловой человек, выступающий с деловым предложением. Вообще-то чувствовал я себя довольно странно, поскольку ни с кем из них не знаком лично.

— Ты просто никогда не работал агентом по продажам, Берн. Они только этим и занимаются.

— Ага, типа: «Доброе утро, мистер Кваттроне. Как вы себя чувствуете сегодня?»

— Ну да, совершенно не могу понять, почему они всегда спрашивают, как я себя чувствую. Вообще-то, если поразмыслить, единственный человек, постоянно интересующийся моим самочувствием, — это как раз один из таких придурков, который всё пытается втюхать мне путёвку в Омаху.

— А ты сама подумай, как тяжело приходится им! Мало того что они тебя не знают, так ещё и разговаривать толком не умеют. Если честно, мне тоже пришлось несладко — откуда я знал,

заинтересует ли их моё предложение? Самым сложным было определить, действительно ли они не понимают, о чём идёт речь, или притворяются. Холодные звонки, дорогая моя, не слишком приятное занятие. Но я отнёсся к этому вполне профессионально. Ничего личного, решил я, если промахнусь с одним, с другим, возможно, и получится. Так что я назначил встречи им всем, посмотрим, кто из них явится на свидание.

— А скольких ты пригласил?

Я сверился со списком и протянул его Кэролайн.

— Смотри. Рядом с теми, кому я сам звонил утром, стоит галочка. Ну, Рэй поможет мне привести тех, кто отмечен звёздочкой.

— Эй, гляди-ка, я тоже в списке. Хочешь, чтобы я пришла?

— Конечно.

— А почему я не получила ни звёздочки, ни галочки?

— Потому что я не звонил тебе сегодня утром, — объяснил я терпеливо, — и не хочу напрягать Рэя, чтобы он привёл тебя на встречу. Я решил пригласить тебя лично.

— Да не вопрос, — рассеянно откликнулась Кэр, изучая список. — Ой, надо же, Барбара Крили. А она тебе зачем? Впрочем, не помешает, она же юрист. Но сможет ли она прийти?

— Не знаю, надеюсь, что сможет, — сказал я. — Конечно, операцию я проведу в любом случае, но с ней всё пройдёт гораздо интереснее.

— Не может быть! Моя Дородная Тёлка! Ты и Лейси включил в нашу компанию? А почему не написал её настоящее имя?

— Потому что я составлял список сегодня утром и от усталости плохо соображал. Совершенно забыл её чёртово имя.

— Ладно, не волнуйся так, я-то чем виновата?

— Извини. Мне показалось, что тебе будет приятно её там видеть, да и ей такая встреча пойдёт на пользу. Сама она никак в этом не замешана, конечно, но всё же по странному совпадению работает на Барбару. Я ей не звонил. Если хочешь, пригласи её ты… По мне, так чем больше народу придёт, тем лучше.

— Может, мне и кошек своих пригласить? Ой, прости, просто пошутила…

— Ха-ха.

— Эй, парень, всё-таки после бессонной ночи с чувством юмора у тебя плоховато… Так, посмотрим… Какой длинный список! А кого ты ещё туда включил?

— Ну и списочек, — проворчал Рэй Киршман.

— А как они все разместятся в доме у твоего приятеля?

«Хм, может быть, стоит предложить им пролезть через молочный люк?» — подумал я, но вслух сказал:

— У него большой дом. Да, наверное, не все они и придут! Кое-кто из тех, кому я звонил, похоже, и понятия не имели, о чём базар. Наверное, у них завтра будут дела поинтереснее.

— Я слушал прогноз погоды, — объявил Рэй. — Синоптики говорят, что пятьдесят процентов за то, что пойдёт дождь, — иными словами, совершенно не представляют, какая погода нас ждёт. Ты хочешь, чтобы я совершил гражданский подвиг? Но даже если на минуту выглянет солнце, почему я должен их всех гнать неведомо куда? Я о такой улице вообще никогда не слышал… Девоншир-клоуз. Что это на фиг значит?

— Рэй, Девоншир-клоуз упирается в Плуменс-Буш, если тебе от этого легче, — сказал я. — В принципе её и улицей-то не назовёшь, это тупик, откуда нет выезда, один въезд, но, видимо, строительной компании сложнее продать дом в «тупике», вот и напрягли фантазию.

— По-моему, это настоящая ловушка для тараканов. Как же машины выедут оттуда? Даже не представляю, хорошо это или плохо.

— Ох, не знаю, Рэй. Я уже давно перестал понимать, хорошо то, что я задумал, или плохо.

— Ты имеешь в виду, что кролик может не выскочить из шляпы?

— Я даже не уверен, есть ли у меня шляпа…

Рэй нахмурился, должно быть, решал, как поступить, если мой трюк со шляпой не удастся.

Однако через несколько минут он снова заулыбался:

— Не волнуйся так, Малыш, ты выкрутишься. Ты же всегда выкручиваешься, правда, Берни? Ну а если у тебя ничего не получится, тоже не беда, кое-кого из твоего списка я могу арестовать просто так, на основании общих подозрений.

Остаток четверга я посвятил тому, чтобы закончить высылать приглашения по списку, и даже нанёс личный визит некоторым гостям. Я пересёкся с Кэролайн в «Вечном кайфе», обговорил подробности завтрашней встречи, а затем отправился прямиком домой — спать. К восьми вечера я уже лежал в постели и уснул, как только моя голова коснулась подушки. В результате — проспал больше суток и проснулся за несколько минут до восьми часов утра.

Первым делом я принял душ и побрился. Затем разбил яйца в миску, взбил венчиком, добавил тёртого сыра, чесночной соли, карри и приготовил себе чудесный омлет — гораздо лучше того, каким меня угощают в закусочной. Кофе тоже получился отменный — его я варю профессионально.

Споласкивая чашку, я поймал себя на том, что насвистываю какой-то мотивчик, и с улыбкой отметил, что это песенка «Надень весёлое лицо». Глядя на себя в зеркало, я последовал собственному совету и расплылся в улыбке. Ещё немного, и мог бы претендовать на роль деревенского дурачка.

Я себя прекрасно чувствовал, отдохнул и вообще как-то посвежел и воспрянул духом. Казалось,

мне всё по плечу и ничто не сможет меня остановить.

Конечно, это было до того, как я вышел из дома.

Глава 36

Разумеется, там был звонок, но я из принципа воспользовался дверным молотком в виде львиной головы и несколько раз постучал им. В доме раздались шаги, и дверь отворилась. Стоявший на пороге мужчина явно пел другие песни за завтраком, так как его лицо меньше всего было похоже на круглолицый смайлик. Он так злобно смотрел на меня, что я даже немного испугался — а вдруг у него в кармане заряженный револьвер?

— Мистер Ротенберг! — словно выплёвывая слова, произнёс он.

Что ж, не он первый путает мою фамилию, и не он последний, полагаю. Странно, но я в жизни своей не встречал никого по фамилии Роденбарр, не считая, конечно, родственников. Полагаю, что какой-нибудь замученный клерк на Эллис-Айленд выдал эту фамилию моему предку-иммигранту, но один бог знает, откуда он её взял. С тех пор все нещадно перевирают её, как вслух, так и на бумаге. А что в ней сложного? Роденбарр, «Роден-в-баре», подумаешь! И незачем превращать её в какую-то скороговорку.

— Роденбарр, — сказал я разборчиво, — так меня зовут. А вы, я полагаю, доктор Мейпс.

Я-то как раз произнёс его фамилию правильно, но веселее от этого он не стал. Впрочем, несмотря на свой кислый вид, выглядел он замечательно. Я знал, что доктор примерно одного возраста с Марти, однако он казался лет на десять-пятнадцать моложе. Лицо гладкое, ни мешков под глазами, ни дряблых складок на шее, лишь несколько вполне приличных морщинок, придающих мужчине необходимую ему солидность.

И волосы — тёмные, без признаков седины, ещё не начавшие редеть. Однако годы всё же проявлялись — если не в лице, так в устало опущенных плечах и в печёночных пятнах на тыльных сторонах рук. Может быть, он и отпил пару глотков из фонтана молодости и даже побрызгал себе на лицо, но искупаться в нём явно не сумел.

Он провёл меня в гостиную, где ждала его жена. Она выставила на стол тарелку с бутербродами (корки у хлеба были тщательно срезаны), термос с кофе и пару чашек из тонкого костяного фарфора. Она пригласила меня садиться и сразу же откланялась, пробормотав, что опаздывает на еженедельную партию в бридж.

Я решил, что миссис Мейпс, как и её супруг, выглядит значительно моложе своего возраста, и тут же задумался, почему я так решил — ведь мне было неизвестно, сколько ей лет! Поразмыслив немного, я понял, что её лицо, гладкое и подтянутое, контрастирует с телом. Коренастая, расплывшаяся фигура и старушечья походка выдавали истинный возраст миссис Мейпс. Впрочем, если смотреть только на её лицо…

И тут до меня дошло, где собака зарыта. Мейпс — пластический хирург! Понятно теперь, почему у жены такое гладкое личико — ещё бы, ему и карты в руки! Сам себя он оперировать, конечно, не мог, значит, ему помогли коллеги по цеху. Ведь пластический хирург рекламирует своё ремесло собственной внешностью — люди не пойдут под нож к человеку с гусиной кожей на шее и оплывшим до колен лицом, как не пойдут и к дантисту с кривыми зубами и запахом изо рта.

Да, немного ботокса на лоб, тут подшить, там подтянуть, и глядишь, десяток лет с лица долой! Так что лицо Мейпса служило ему прекрасной рекламой.

Я с возросшим интересом присмотрелся к волосам. Господи Исусе, не иначе как старый козёл носит парик! Хороший парик, конечно, первоклассный, но всё равно — парик! Почему-то с этой минуты я почувствовал себя гораздо более уверенно. Ничто не даёт тебе такого чувства морального превосходства перед противником, как знание того, что тот носит на голове чужие волосы.

Да, немного ботокса на лоб, тут подшить, там подтянуть, и глядишь, десяток лет с лица долой! Так что лицо Мейпса служило ему прекрасной рекламой.

Я с возросшим интересом присмотрелся к волосам. Господи Исусе, не иначе как старый козёл носит парик! Хороший парик, конечно, первоклассный, но всё равно — парик! Почему-то с этой минуты я почувствовал себя гораздо более уверенно. Ничто не даёт тебе такого чувства морального превосходства перед противником, как знание того, что тот носит на голове чужие волосы.

Мы молча стояли около стола, пока миссис Мейпс не выкатила машину из гаража и не умчалась вдаль на всех парах. Затем Мейпс жестом указал мне на стол.

— Моя жена считает, что надо проявлять вежливость в любых ситуациях, — сказал он. — Даже в таких, как эта. Если вы голодны — прошу, угощайтесь!

— Благодарю покорно, — ответил я. — Это очень мило с вашей стороны, но у меня есть идея получше. Почему бы нам вообще не убрать со стола угощение? На всех тут явно не хватит, так что лучше, как мне кажется, не выставлять его напоказ.

— На всех? На каких ещё «всех»?

— Разве я не сказал вам? — удивлённо спросил я. — А, видимо, забыл. Я пригласил кое-кого к вам сегодня. Давайте-ка посмотрим, сколько у нас сидячих мест. Так, диван, кушетка, стулья. Хорошо, но мало, надо принести ещё стульев. Помогите мне перетащить сюда те шесть стульев с высокими спинками из столовой.

— Вы о чём это, а? Я никого не хочу видеть.

— Знаю, — сказал я, — вы и меня не хотели видеть. Однако мне их уже не остановить, даже если бы я этого очень сильно пожелал. Да ладно, док, хватит киснуть. Не стойте здесь с таким юношеским лицом — лучше помогите со стульями.

Я приехал на метро и поэтому не опоздал, а явился вовремя, к часу дня. Мы работали не покладая рук и едва успели заставить комнату стульями, как начали прибывать первые гости. Они приезжали по одному, по двое, а то и по трое, и мне пришлось взять на себя роль хозяина вместо моего «коллеги», который всё ещё не мог смириться с мыслью, что, по крайней мере, сегодня все решения за него принимаю я. Я встречал гостей у двери и провожал до стульев, где они рассаживались в принуждённом молчании. Большинство продолжало молчать, но изредка в тишине вдруг раздавался чей-то голос, вопрошающий, какого чёрта его сюда притащили. Я повторял, что вскоре всем всё станет ясно.

Барбара Крили уселась на стул, а Лейси разделила с Кэролайн кушетку. Дородная Тёлка оказалась весьма хрупкой и привлекательной девушкой, она схватила Кэр за руку и тут же смущённо выпустила её, увидев в дверях Барбару.

Рэй приехал в сопровождении трёх человек, включая Уильяма Джонсона (насильника, а не держателя банковской ячейки) и двух полисменов в штатском, одним из которых была женщина. Не знаю, что отличает копов от нас, нормальных людей. Наверное, эта их привычка бесстыдно обшаривать людей глазами.

Блюстители порядка разошлись по комнате и заняли стратегические позиции: один встал около входной двери, другая — рядом с аркой, отделяющей гостиную от столовой. Они прислонились к стене и немедленно принялись за привычное дело: без тени смущения осматривать нас. Рэй плюхнулся в кресло и водрузил ноги на оттоманку, кивнув Джонсону в направлении стула с прямой спинкой. Сам Джонсон выглядел неплохо — за тридцать шесть часов, видимо, отоспался, — однако двигался он несколько скованно, даже осторожно, как человек, которого недавно лягнули в пах.

Затем в комнату проскользнула Марисоль Марис с фиалковыми глазами и обласканной солнцем смуглой кожей — как с картинки журнала. По моей просьбе её сопровождал Уолли Хемфилл. Некоторым людям из числа приглашённых в конце вечера мог понадобиться юрист, но она была единственной, кто заслуживал хорошего адвоката, поэтому я решил сэкономить ей время и деньги на его поиски.

Они выбрали диван, Уолли уселся с одного краю, Марисоль — в середине, а рядом с ней немедленно примостился субъект, вошедший следом за ними, — худощавый белобрысый юноша с клочковатой бородой. По его блуждающему, рассеянному взгляду сразу было понятно, что он художник, даже если бы он не использовал свои голубые джинсы в качестве тряпки. Звали его Карлис Шенк, и он приходился Марисоль кузеном — думаю, не надо объяснять, с какой стороны семейного древа.

До сих пор все звонили в звонок, но следующий гость решительно постучал дверным молотком — кольцом с львиной головой. Я открыл дверь, и в комнату вошли трое мужчин в костюмах. Первый и третий были молодыми крепышами; может, они и не проводили столько времени на тренажёрах, как Уильям Джонсон, но постоять за себя могли вполне — это было видно невооружённым взглядом. Костюмы из магазина готовой одежды топорщились на их бычьих шеях, однако костюм мужчины, которого они сопровождали, сидел безупречно. Сам обладатель сшитого на заказ костюма был выбрит до синевы и идеально причёсан, да и вообще выглядел как преуспевающий бизнесмен. Каковым, вероятно, и являлся. По совместительству он также приходился родным дядюшкой Джонсону, и звали его Майкл Кваттроне. Он огляделся и выбрал стул, стоящий у стены, откуда открывался прекрасный вид на всех сидящих в комнате. Два его компаньона встали рядом с блокирующими выходы копами.

Через несколько мгновений в комнату вошли ещё двое мужчин в костюмах, но вновь прибывшие не выглядели ни бизнесменами, ни телохранителями. Больше всего они были похожи на клерков, работающих в государственном аппарате. Моё предположение подтвердилось, когда один из них сунул мне под нос своё удостоверение. Он сразу же убрал его, поэтому я не смог прочитать фамилию — врать не стану, как его звали, я так и не узнал. А его друг без лишних церемоний просто уселся на стул спиной ко мне, задрал подбородок и застыл, как будто аршин проглотил.

За ними в комнату вошёл высокий, похожий на привидение человек с чёрной испанской бородкой клинышком и чёрными, коротко подстриженными волосами под чёрным беретом,

который он, впрочем, снял, переступив порог дома. Его брюки и свитер были угольно-чёрными, так же как и ботинки. Он напоминал то ли монаха какого-то особенно сурового ордена, то ли представителя французской богемы начала XX века, но в таком случае его не сопровождали бы собственные громилы-телохранители. Звали его Георгий Блински, и мамаши на Брайтон-Бич пугали им непослушных малышей.

Блински огляделся, но, похоже, заметил лишь Майкла Кваттроне, которому сухо кивнул. Кваттроне кивнул в ответ, и тогда Блински нашёл себе стул напротив него, а громилы, следующие за Блински по пятам, встали около дверей, сверля глазами громил Кваттроне и игнорируя копов.

Ну а потом в комнату вошёл Колби Риддл, человек, который просто любил читать. Он постучал в дверь кольцом, но очень тихо и неуверенно, и столь же неуверенно остановился на пороге.

— Я так и не понял, почему я здесь, — сказал он. — Но ты просил, и вот я пришёл.

Я сам подвинул ему стул и отправился обратно к дверям, как раз вовремя, чтобы встретить Сигрид Хессельблад. На эту встречу Сигрид надела клетчатую рубашку с завёрнутыми до локтей рукавами и порванные на коленках джинсы. Она не удосужилась даже губы накрасить и тем не менее выглядела совершенно сногсшибательно.

После неё пришёл ещё один гость — некий мистер Гризек, маленький толстый человечек, одетый как советский делегат доперестроечного времени. На самом деле он был латвийским дипломатом, его сопровождал шофёр, который бросил один-единственный взгляд на наше собрание и сразу же вернулся обратно в лимузин. Гризек, похоже, не знал ни одного человека в комнате, и они его тоже, он просто сел на стул и стал ждать, когда что-нибудь произойдёт.

Он пришёл в 2:05, и я решил подождать ещё несколько минут и начинать. Не знаю, вели ли вы подсчёт гостей, но у меня получилось двадцать два человека, считая меня, но не считая шофёра в лимузине. Возможно, я кого-то и забыл — в такой большой комнате немудрено потерять пару человек.

Рэй бросил на меня выразительный взгляд, потому что люди начали вертеться на стульях; пора было или начинать, или пригласить всех к столу. Я выбрал первое, вышел на середину комнаты и прочистил горло. Но тут в дверь снова позвонили. Это явился Марти Джилмартин.

Он выглядел великолепно в серых шерстяных брюках и бледно-голубом кашемировом пиджаке. В расстёгнутом вороте рубашки красовался небрежно повязанный платок — Марти, наверное, единственный из моих знакомых, кто может носить шейный платок и не выглядеть при этом законченным пидором.

— Прошу прощения за то, что опоздал, — пробормотал он. — Таксист, похоже, только что выбрался из преисподней и не желал туда возвращаться.

Я успокоил его, сказав, что мы ещё не начали, и он занял своё место. Может быть, он заметил Марисоль и своего заклятого врага Говноеда, но никак не отреагировал на их присутствие.

Горло у меня и так было чистое, но я на всякий случай ещё раз прочистил его, и все перестали ёрзать на стульях и вопросительно посмотрели на меня. Я мог начать свою речь по-разному, но решил придерживаться традиционного начала, поэтому сказал так:

— Добрый день, господа, наверное, все вы гадаете, зачем я пригласил вас сюда…

Глава 37

— Когда-то, давным-давно, — начал я, — южный берег Балтийского моря занимали три независимых государства. На западе располагалась Литва, на востоке — Эстония, а между ними приютилась Латвия. После Первой мировой войны они получили свободу, но незадолго до Второй мировой снова потеряли её. Когда Германия в тридцать девятом году захватила Польшу, Советский Союз оккупировал Балтийский регион. А потом, как вы знаете, Гитлер вторгся на территорию России, и солдаты вермахта прошлись по балтийским республикам на пути к Сталинграду.

В нашей маленькой группе произошло некоторое движение — латыши вытянули шеи и внимательно ловили каждое моё слово, а ведь они единственные, кто знал историю своей страны.

— Ну а потом наци стали отступать, — продолжал я. — И уже Красная армия, подавляя любые попытки сопротивления, установила свою власть на всей балтийской территории. Однако как большевики ни старались, они не смогли истребить гордый дух свободы — посмотрите, с какой скоростью бывшие советские республики освободились от господства русских после распада Советского Союза, во времена Горбачёва. За пятьдесят лет до этого, после окончания войны, партизанские отряды, сформировавшиеся на территории Латвии, засели в лесах и периодически совершали нападения на советских оккупантов. Более двадцати лет латышские «осы» жалили русского «медведя». Увы, они не могли повернуть вспять колесо истории, ибо представляли собой всего лишь жалкую горстку практически невооружённых патриотов-националистов, но они знали, что главное для них — продержаться, не сдаться! До тех пор пока они орудовали там, в лесах, искра латышской независимости ещё тлела в сердцах их сограждан.

Я оглядел свою аудиторию. В фиалковых глазах Марисоль стояли слёзы, её кузен, похоже, готов был разразиться аплодисментами. Мистер Гризек, латвийский дипломат в плохом костюме, тоже внимательно слушал, хотя и никак не проявлял своих эмоций.

Остальные, однако, снова зашевелились, а некоторые явно теряли интерес к моему рассказу, поэтому я понял, что надо торопиться:

— Конечно, русские тоже не дремали и делали всё возможное, чтобы задушить сопротивление в зародыше. Но у них были дела и поважнее. Если для латышей главной целью было не дать огню совершенно погаснуть, то русские следили лишь за тем, чтобы он не слишком сильно разгорался. Этим занимались многие, и все они более или менее справлялись с задачей. Ну а затем, где-то в конце семидесятых, за дело взялся некто по имени Валентин Кукаров.

Кукаров родился в Ташкенте примерно в то время, когда советские войска гнали нацистов по русской земле обратно к Рейхстагу. Ему было около тридцати, он дослужился до высокого чина в КГБ и теперь получил назначение в Латвию. В отличие от своих предшественников Кукаров готов был сделать всё возможное, чтобы очистить Латвию от партизан. Он установил там настоящий террор. Людей сажали и расстреливали только по подозрению в инакомыслии. Тех, кто мог знать что-либо о расположении партизанских отрядов, арестовывали без суда и следствия и допрашивали «с пристрастием» — нечего и говорить, что такие допросы тоже часто заканчивались смертью. Очень скоро этот господин получил своё прозвище — Чёрный Бич, которое так прижилось, что он сохранил его даже после того, как его перевели из Риги на следующую «площадку». Кукарова повысили. И немудрено — ведь он добился того, чего до него никто не смог. Конечно, искоренить дух свободы даже ему было не под силу, но он сделал

практически невозможное — лишил страну лучших человеческих ресурсов. Сотни партизан были убиты, сотни гнили в лагерях, тысячи простых латышей были отправлены в глухие области Сибири, а их место заняли русские, лояльные к советской власти.

Что ж, все мы не идеальны, и где-то в середине пути сам Кукаров изменил своей стране. Его завербовали американцы, и он продержался несколько лет, время от времени «кормя» КГБ кое-какой не очень ценной информацией, но скоро стало ясно, что боссы вот-вот раскроют его, и Кукаров обратился за помощью в ЦРУ. Он решил попросить политического убежища в США.

Конечно, Чёрный Бич погорячился — зря он рассчитывал на помощь американцев. Одно дело — завербовать его и использовать в своих целях, и совсем другое — официально принять грязного палача на земле свободы и независимости и помочь ему пройти тест на натурализацию. ЦРУ заявило Кукарову, что он свободен от всяких обязательств, но и они свободны от него.

— Вот вам ваше чёртово правительство, — громко проворчал Майкл Кваттроне. — Никогда даже спасибо не скажут.

Несколько голов повернулись в его сторону, но он замолчал, и они снова повернулись ко мне.

— В восемьдесят седьмом году, — продолжал я, — Кукаров вышел в отставку от всех разведок, на которые работал. Наверняка у него были поддельные паспорта, да и американскую визу он легко получил, используя свои связи. Он сбрил чёрную бороду, купил русый парик, выщипал кустистые чёрные брови и покрасил их в более светлый цвет. Кукаров не особенно боялся, что КГБ бросит все силы на его поиски. Единственное, чего он остерегался, — это кругов латышской эмиграции, людей, которые могли бы знать его в лицо, но даже это не вызывало особого беспокойства, поскольку всю свою жизнь он старался не попадать в объективы фотоаппаратов. Он был почти уверен, что в мире не существует его более или менее приличных фотографий. Возможно, многие из пострадавших латышей могли внешне описать Кукарова, но он уже изменил внешность, так чего же бояться?

А затем Латвия получила независимость. Хуже того, распался Советский Союз, и гриф «совершенно секретно» на файлах КГБ уже не значил так много, как раньше. А в архивах КГБ хранилось много фотографий Кукарова — анфас и в профиль, хорошего качества и очень узнаваемых. Конечно, с тех пор он постарел. Конечно, он всегда ходил в русом парике, брился дважды в день, выщипывал и красил брови, и тем не менее…

Всё больше латышей приезжало в США — кто-то эмигрировал, кто-то работал в посольстве. Со времён Чёрного Бича прошло уже двадцать лет, но это не означало, что люди готовы были забыть и простить. Кто-нибудь из прошлой жизни мог увидеть его и представить с чёрными волосами и кустистыми бровями. И что тогда?

Но куда деваться? Куда бежать — в Австралию? В Канаду? Так ведь и там полно латышей! К тому же Кукарову было уже за пятьдесят, слишком поздно, чтобы начинать жизнь на новом месте.

Он нашёл выход — пластическая операция. Гениально, не правда ли? И как вы думаете, кто из пластических хирургов согласился поработать над этим личиком?

Мейпс знал, к чему всё идёт, но в тот момент всё равно скривился. Мне было более интересно следить за реакцией зала, однако лишь некоторые головы повернулись в сторону доктора.

— Что же, Кукаров сделал прекрасный выбор. Его спаситель работал в области пластической

хирургии много лет и имел отличную профессиональную квалификацию. Он специализировался на носах, подбородках, липосакции бёдер и ягодиц — всё, что нужно, чтобы на его столе всегда стояла икорка, а внешность богатых мира сего хотя бы капельку облагородилась. К тому же он часто работал с пострадавшими от ожогов и с детьми, родившимися с лицевыми травмами. Многие из его юных пациентов (скорее их родители) не имели возможности заплатить, но наш доктор всё равно помогал им — просто ради общественного блага.

Я бросил взгляд на Марти — он казался искренне удивлённым. Никто, хотел я сказать ему, не в силах оставаться говноедом двадцать четыре часа в сутки — это слишком изматывает.

— Наш доктор связался с тем, что принято называть криминальным элементом, уже давно, — продолжал я. — Не знаю, зачем ему это понадобилось. Может быть, преступники интересовали его с точки зрения психологии? Многие из нас разделяют подобное увлечение. А может, всё гораздо проще — доктор не отличался большой разборчивостью и работал на тех, кто платил. А преступники, как известно, платят хорошо, да ещё наличкой, — лишний доллар никому не помешает, особенно когда его не надо декларировать.

Правительственные чиновники старались сохранять равнодушные лица, но это им плохо удалось; я видел, как в глазах обоих зажёгся азартный огонь охотников.

— Что ж, началось всё с малого. Ну, вынул несколько пуль, зашил раны, не сообщая об этом в полицию, как следует по закону. Возможно, потом выписал пару-тройку свидетельств о смерти от сердечного приступа. В принципе в этом случае даже врать не надо. Если кто-либо перережет вам горло или влепит пулю в лоб, сердце ваше перестанет биться. Кто поспорит, что вы умерли не от этого?

Конечно, его квалификация была гораздо выше, чем мелкие услуги, которые наш доктор оказывал местной мафии, так что рано или поздно его должны были привлечь к чему-то большему. И привлекли. Репутация его крепла — репутация человека, к которому можно обратиться, чтобы до неузнаваемости изменить свою внешность. Пациенты платили за его услуги огромные деньги, наличные деньги, которые к тому же не вычитали из собственного налогооблагаемого бюджета. Да, и ещё: больных не помещали в стационар, все операции происходили в офисе доктора, так что ни лишних свидетелей, ни лишних ртов у него не было. В принципе пластическая хирургия лица не предполагает тяжёлых осложнений, но если такое случилось бы — что ж, можно было выписать ещё одно свидетельство о смерти. Но всё шло гладко, и очень скоро доктор взял ипотеку на прекрасный дом в Ривердейле и скопил прелестный, хоть и не слишком большой наличный капитал.

Ещё несколько голов повернулись в сторону доктора. Теперь даже самые несообразительные поняли, что виновником сегодняшнего торжества я назначил нашего хозяина.

Ну так зачем ходить вокруг да около?

— Однажды, — объявил я, — по рекомендации друзей из преступного мира к доктору Крэнделу Мейпсу пришёл ещё один гость. На нём был светлый парик, брови выщипаны и покрашены, борода сбрита, но гость хотел большего. Ведь собственное лицо ему уже изрядно надоело.

Доктор согласился помочь новому пациенту, и они обговорили цену. Затем Мейпс сделал несколько фотографий, как всегда перед операцией, запечатлев пациента с разных ракурсов. Он изучил фотографии, наметил план будущих изменений и начал колдовать над лицом человека по имени Валентин Кукаров.

— Это клевета! — заявил доктор. — Вы пытаетесь оклеветать меня перед целой комнатой свидетелей.

— Знаете поговорку, доктор: «Хвастовство — не хвастовство, если это правда». То же самое относится и к клевете.

— Вы ничего не сможете доказать! — Доктор вскочил на ноги. — Сплошные бездоказательные заявления. Злословие, чистое злословие. Я не стану сидеть тут и слушать этот бред. — Он сделал несколько шагов к двери, ведущей почему-то в столовую.

Далеко Мейпс уйти не смог. Два чиновника неторопливо встали, а копы чуть ли не за руки взялись с мордоворотами, лишь бы не выпустить его. Это затормозило доктора, и тут Кваттроне негромко произнёс:

— Сядь на своё место, Мейпс.

— Операции, — продолжил я как ни в чём не бывало, — прошли успешно. Доктор Мейпс изменил Кукарову форму носа и линию челюсти. Он слегка сгладил скулы, чтобы придать пациенту менее славянский вид, и, подтянув то, что начинало свисать, скинул Кукарову десять-пятнадцать лет. Он также убрал маленький шрам над верхней губой — одну из особых примет Кукарова. В Латвии о шраме никто не знал, так как Кукаров скрывал его под бородой, но в Америке он стал особенно заметен. Доктор выкинул русый парик, изменил линию роста волос и бровей с помощью комбинации электролиза и хирургии и велел своему пациенту красить волосы и брови в светло-каштановый цвет, чтобы привлекать как можно меньше внимания. Кроме того, — я выразительно взглянул на Мейпса, который сверкнул мне в ответ глазами, — даже самый хороший парик всё равно остаётся париком, и рано или поздно кто-то да заметит это… и начнёт гадать, как обладатель искусственной шевелюры выглядит без неё?

— Короче, приятель, — проворчал Рэй, — доктор изменил его физиономию, и что же было дальше?

— Дальше он опять сделал серию снимков, — сказал я, — получил полный расчёт и сердечно попрощался с Чёрным Бичом из Риги.

— Извините меня, — раздался негромкий голос латвийского дипломата. — Я не могу поверить, что Кукаров разрешил Мейпсу оставить у себя фотографии.

— Ну конечно нет! Он ведь всегда панически боялся фотографироваться, а теперь, с новым лицом и новой жизнью, уличающие его снимки были ему совсем ни к чему.

— А!

— Но Мейпс настоял на том, чтобы сделать их, — объяснил я. — Они были необходимы для работы, пока шла перекройка лица. Ведь серия операций длилась много месяцев, и доктор должен был отслеживать прогресс. Ну а последние он сделал специально для пациента, чтобы они вместе могли сравнить «до» и «после» и решить, достаточно ли радикальными были изменения.

— Вообще-то это стандартная процедура, — встрял Мейпс. — Все хирурги так делают.

— Да, именно это вы и сказали Кукарову. И он позволил вам сфотографировать его, поскольку вы поклялись уничтожить снимки сразу после окончания операций, все до единого.

— Да, он настаивал.

— Верно, как настаивали до него и другие. И вы согласились, как соглашались и раньше. Но слово своё не сдержали, так? Четыре фотографии, лицо анфас и в профиль, «до» и «после». Как и всех остальных ваших пациентов, доктор, нелегалов и криминальных элементов…

Мейпс болезненно скривился, а затем выпалил, что такие фотографии — лучшая рекомендация для него и что во время операций он сталкивается с интересными проблемами и извлекает для себя много полезного на будущее.

— Простите мой латышский, — сказал я, — но вы сейчас порете полную чушь. Снимки были нужны вам только для того, чтобы подрочить своё самолюбие. Но вы отдавали себе отчёт в том, как это опасно для Кукарова, поэтому не хранили снимки вместе с остальными. Вы наклеили их скотчем на страницы книги, которую спрятали у себя в библиотеке. Может быть, вас заводило то, что книга открыто стояла на самом видном месте — каждый мог подойти и посмотреть? Но конечно, ни один человек не стал этого делать. Кого интересуют «Принципы органической химии», том второй? Звучит не слишком завлекательно, не так ли?

— Эти снимки очень бы пригодились для следующих работ, — сказал Мейпс. — И они были спрятаны так надёжно, что никто не мог бы их найти. Ты сам сказал это, Рутенберг. — Я не стал поправлять его. Доктор был совершенно безнадёжен. — Даже если бы вы обыскали мой офис, вам бы и в голову не пришло перелистать книгу. Даже случайно никто бы на них не наткнулся.

— Ну а если кто-нибудь читал том первый и не смог устоять перед искушением узнать продолжение? Да ладно, не важно. Хорошо, давайте примем как аксиому то, что снимки хранились в надёжном месте. Но вы не просто рассматривали их в одиночестве, док. Иногда искушение похвалиться становилось настолько сильным, что вы не могли устоять. И тогда вы вытаскивали книгу и хвастались связями с криминальным миром перед молоденькими девушками, которых пытались совратить.

— Но они ведь не знали этих людей, и они клялись, что никому не скажут, так что всё в порядке…

Его голос внезапно прервался. Все не отрываясь смотрели на доктора, все, кроме Марти, который уставился на Марисоль. Марисоль, в свою очередь, не отрываясь рассматривала собственные туфли.

— Если всё в таком порядке, док, — сказал я, — то как же получилось, что мы все сидим в этой комнате? И что четыре человека мертвы? — Я вздохнул. — Возможно, всё и было бы в порядке. Да, неэтично, да, непрофессионально, да, противозаконно, но «в порядке». Однако вы не учли одного обстоятельства. Очень важного. Длинной руки мистера Совпадение.

Глава 38

Мне так понравилась последняя фраза, что я с удовольствием повторил её:

— Длинная рука мистера Совпадение. Обычно мы говорим «длинная рука закона», но у совпадений руки не менее длинные. Сегодня утром я посмотрел в словаре: некто по имени Хэддон Чемберс впервые ввёл в обиход эту фразу ещё в тысяча восемьсот восемьдесят восьмом году в своей пьесе «Капитан Свифт». Он родился в шестидесятом году девятнадцатого века,

умер в двадцать первом году уже двадцатого века, но, похоже, ничего после себя не оставил, кроме этой бессмертной фразы. Конечно, если он вас заинтересовал, можете посмотреть в Гугле, непременно накопаете много сведений о нём — группу крови, например, или девичью фамилию его матери, а также огромное количество информации о людях и местах, имеющих в названии слова «Хэддон» или «Чемберс».

Так вот, продолжаю… Длинная рука мистера Совпадение! И заканчивается она весьма цепкими пальцами, которые оставили свои отпечатки в этом деле практически везде. Всё началось недели две назад, когда Мейпс снял с полки небезызвестный уже нам том второй, чтобы продемонстрировать своей нынешней подружке собственную крутость.

— Вот ужас-то, — неожиданно громко сказала Лейси Кавиноки. — Кроме всего прочего, он ещё и жену обманывает! — Она густо покраснела и оглянулась по сторонам. — Простите меня, не знаю, чего это я вдруг встряла…

— Мне понятно ваше возмущение, — поддержал её я. — Вы в шоке, верно? Мы все в шоке, однако надо признать, что мужчины время от времени изменяют своим жёнам. Но вот в чём было первое совпадение: девушка оказалась дочерью латышского иммигранта.

— Да ты что? А он всё равно показал ей фотку этого Кукурука? — спросил Рэй. — Не очень умно с его стороны, как ты находишь, Берни?

— Да ты что? А он всё равно показал ей фотку этого Кукурука? — спросил Рэй. — Не очень умно с его стороны, как ты находишь, Берни?

— Да, не самый острый скальпель в его автоклаве, — согласился я. — Впрочем, про Кукарова он знал только, что тот русский. Конечно, Кукаров ничего не рассказывал о своих латвийских приключениях и, уж разумеется, не представлялся как «Чёрный Бич из Риги». Нет. Вероятно, Мейпс похвастался: «Посмотри, дорогая, этот человек бежал из России и теперь с моей помощью ускользнёт из цепких лап КГБ». Или что-нибудь в этом роде. Конечно, сами фотографии ничего бы ей не сказали, однако имя девушка слышала много раз. Кто из латышских беженцев не знал о Чёрном Биче — Валентине Кукарове?

Гризек что-то пробурчал себе под нос, но, даже если бы я расслышал слова, всё равно ничего бы не понял, ибо ворчал он на своём родном языке. Наверное, что-то типа: «Да чтобы дьявол забрал его, ублюдка, чтобы в аду черти развели персонально для него самый большой костёр». Я с удовольствием простил бы его латышский, но меня никто не просил об этом.

— Девушку звали Марисоль. Конечно, имя совсем не латышское, но это не важно. Её отец много раз с проклятиями рассказывал ей о «подвигах» Кукарова. Она и сейчас помчалась бы к нему за советом, но папочка уехал обратно в Оукмонт, Пенсильвания. Тогда она обратилась к тёте с дядей, которые жили в Нью-Йорке, и после семейного совета все решили, что ей следует заполучить снимки преступника.

Но как? Она была в офисе у своего любовника только раз, и то по его приглашению. Сама себя пригласить Марисоль не могла, так же как не могла и рассчитывать, что он вскоре пригласит её снова. Пока она была вне подозрения — ведь Мейпс сам поставил книгу на место, прежде чем проводить её до двери… Но если бы она пришла к нему вновь, а книга пропала потом… В результате её двоюродный брат Карлис, художник, нашёл выход из положения. Он назначил встречу с Мейпсом в его офисе, пришёл на двадцать минут раньше, надев по этому случаю свой единственный выходной костюм для свадеб и похорон, а когда секретарша вышла из кабинета, снял с полки второй том «Принципов органической химии» и сунул в портфель. Может,

следовало бы вырвать четыре страницы с фотографиями Кукарова, но, наверное, у него не было времени.

— Да я того урода в жизни не видел, — сказал Карлис. — Откуда я знал, какие фотки выдирать? Там их было полным-полно.

— Но вы показали книгу сестре, и она идентифицировала фотографии мужчины, которого Мейпс называл Кукаровым.

Карлис кивнул.

— Ну а после того, как дело было сделано, почему вы не вернули книгу на место?

— Что? Я? Когда я в первый раз пришёл к нему на приём, мне нужно было придумать причину, но в голову ничего не приходило. Так что я сел перед ним и сказал: «Взгляните на меня, док. Что вы думаете?» И что же он ответил мне? Что нос у меня свёрнут на сторону, уши торчат, но это мелкие, легко устранимые недостатки. До того дня мне казалось, что у меня с внешностью всё в порядке — от зеркала отвернуться не тянуло. А теперь что? Ложиться под нож? Эй, док, знаешь что? А пошёл ты…

— Нос у вас действительно свергнут набок, а уши торчат, — заметил Мейпс. — Но заметьте, я никогда не приглашал вас к себе в офис.

— Да, так что с книгой? — перебил я их. — Украв у Мейпса «Принципы органической химии», вы после этого забрали книгу домой и показали отцу, верно?

— Ну и что с того?

— А он показал её человеку, который проживал в Нью-Йорке под именем Роговин, хотя сам себя называл Арнольд Лайл. Правда, я не знаю, как звали Лайла на самом деле и в какой афере он и его жена были замешаны в то время.

— Сложно сказать, — проворчал Рэй. — Он был мужик неразборчивый, брался за любое дело. Когда подворачивался случай, готов был ухватиться за него, даже если хвататься приходилось за ручку двери чужой квартиры.

— Лайлы снимали квартиру в Мюррей-Хилл, — продолжал я. — Но чем бы они в то время ни занимались, время для Кукарова сразу же нашлось. Всё-таки Лайл был тоже латышом и, как и все, хотел, чтобы Чёрный бич получил наконец по заслугам. Однако, поразмыслив, эти практичные господа решили, что могут попутно заработать на этом деле. Не на Кукарове, нет, а на некоторых других господах, чьи портреты также украшали галерею Мейпса.

И вот Лайл пустил слух, который немедленно дошёл до неких заинтересованных сторон, и завертелось… Мне кажется, мистер Блински, вы были одной из этих заинтересованных сторон. — Я посмотрел на него, а он посмотрел мне в глаза, и под его взглядом я сжался, съёжился в прямом смысле этого слова — таким неприятным был его взгляд.

Если мне когда-нибудь придётся писать пьесу под названием «Чёрный Бич из Риги», я непременно отведу Блински главную роль. С чёрными волосами и чёрной бородой, в чёрных брюках и свитере и с этим пронзительным, беспощадным взглядом, он по всем статьям подходил под прозвище Чёрный Бич. Я хотел напомнить ему, что он не ответил на мой вопрос, но только тут понял, что не задавал вопроса, и решил вернуться к изложению событий.

— Марисоль сыграла свою роль, — продолжил я. — Однако у девушки наступил момент раскаяния. Конечно, она не раз слышала рассказы о преступлениях Кукарова, но для неё самой Латвия была так же далека, как подводный мир Жака Кусто, да и работал Кукаров своим «бичом» ещё до её рождения. Так что же сделала она? Предала своего благодетеля, что уже гадко, да ещё невольно подставила остальных его клиентов, которые не имели ничего общего ни с Латвией, ни с геноцидом вообще.

И как же Марисоль поступила тогда? Точно так же, как поступили на её месте многие другие, — пошла в бар, чтобы залить горе вином.

Уолли Хемфилл быстро обменялся с клиенткой парой слов.

— Ей уже исполнился двадцать один год, — объявил он нам всем, — и она имеет право употреблять алкогольные напитки.

— А я и не говорил, что не имеет.

— Но если скажешь, я оставляю за собой право на возражение.

Я на секунду закрыл глаза, но, когда открыл их, никто из присутствующих не исчез. Следующий ход был довольно хитрым, и я надеялся, что Уолли со своим тупым энтузиазмом не испортит мне игру.

— Так вот, Марисоль живёт в Адской Кухне, но она не хотела идти в местный бар, так как желала остаться одна. Поэтому она отправилась на юго-восток и нашла там симпатичный бар, который ей приглянулся. Возможно, кто-то из присутствующих тоже бывал там, и не раз. Итак, она пропустила рюмку, потом другую, а затем рядом с ней оказался мужчина, который угостил её следующей рюмочкой, и после этого она ничего не помнит, кроме того, что очнулась в своей квартире с раздвинутыми ногами…

— Возражаю!

Я сердито посмотрел на Уолли, и он с извиняющимся видом пожал плечами.

— Слушай, Уолли, — сказал я, — ты не на заседании суда, понятно? Веди себя прилично, а то я оставлю за собой право вывести тебя из комнаты.

— Ладно, Берни, прости.

— Постарайся временно держать рот на замке, и всё, — посоветовал я. — Так вот. Открыв глаза, Марисоль обнаружила на себе мужчину. Она пыталась бороться с ним, но не могла ничего поделать, а потом вторично потеряла сознание и окончательно проснулась только утром. Мужчина исчез, а с ним и ожерелье, которое подарил ей доктор Мейпс.

— Ожерелье, — сказал Мейпс и покраснел, когда головы повернулись в его сторону. Видимо, он не планировал привлекать к себе внимание.

— Да, ожерелье, — подтвердила Марисоль. — То чудесное рубиновое ожерелье, которое ты мне подарил. Я его просто обожала! Но утром оно исчезло…

— Расскажите нам, что вы помните о той ночи.

— Сначала, — запинаясь, заговорила Марисоль, — я вообще ничего не помнила. Только как он

угостил меня вином, а после этого… как я пыталась скинуть его с себя, как просила прекратить… Это было ужасно.

— А потом память стала возвращаться?

Уолли наклонился вперёд, и я испугался, что он снова начнёт возражать, на сей раз против моих наводящих вопросов. Однако усилием воли он сдержал свой пыл.

— Частично, — сказала Марисоль. — Я была ужасно расстроена из-за этой книги с фотографиями и, видимо, сболтнула лишнего — то, чего никому не следовало рассказывать. Странно… — Марисоль обвела комнату недоумённым взглядом. — Я ведь никогда не пьянела так быстро, не с двух же рюмок!

— Вы не были пьяны, вас опоили наркотиками, — объяснил я.

— Знаете, почему-то я тоже так подумала.

— Скажите, вы знали мужчину, который опоил вас снотворным, изнасиловал и ограбил?

— Нет, никогда до того вечера я не встречала его, и после тоже… — Марисоль выдержала эффектную паузу. — До сегодняшнего дня, пока не увидела его снова в этой комнате.

— В этой комнате? Вы можете нам его показать?

Марисоль поднялась на нетвёрдые ноги, немного постояла, оглядывая присутствующих, поднесла дрожащие пальчики к губам и вдруг драматическим жестом указала в сторону Уильяма Джонсона.

Марисоль поднялась на нетвёрдые ноги, немного постояла, оглядывая присутствующих, поднесла дрожащие пальчики к губам и вдруг драматическим жестом указала в сторону Уильяма Джонсона.

— Это он! — воскликнула она. — Он это сделал!

Я думал, что придурок Джонсон давно уже понял, к чему мы клоним. Ведь опаивать девушек снотворным было его собственным изобретением, его «ноу-хау», я даже посоветовал бы ему запатентовать такую удачную «технологию знакомств». Но парень явно не понимал, что происходит, и немудрено — ведь он в жизни своей не видел Марисоль Марис. С её волосами цвета пшеницы и дышащей зноем кожей, с её аквамариновыми глазами — он не забыл бы такую красавицу, если бы видел её раньше, тем более при пикантных обстоятельствах! Он не понимал, к чему клонит красотка, но ему не могло прийти в голову, что клонит она в его сторону.

И вот теперь она стоит откинув голову и тычет маленьким пальчиком прямо ему в лицо.

— Да ты чё, мужик, совсем рехнулся? Я эту куколку в жизни не видел.

— Да неужели? — протянул я недоверчиво. — Бар называется «Парсифаль». Вы знаете его?

— Может быть, бывал там пару раз.

— Уходили оттуда с женщиной?

— Ну и что, если так? Но не с этой малышкой. Говорю вам, я её в жизни не видел!

— А в напитки дамам подмешивали снотворное?

— Я? — Он поиграл мускулами. — Считаешь, мне нужна помощь снотворного?

— То есть вы говорите, что не подсыпали снотворное в рюмку Марисоль Марис?

— Так зовут эту цыпочку? Ничего я ей не подсыпал. Ни того, что вы только что сказали, и ничего другого. А она врёт и не краснеет.

— То есть вы никогда не видели её.

— Точно, не видел. Вы меня за другого приняли.

Последовало молчание, но через секунду его нарушила Сигрид.

— Ох, Уильям! — воскликнула она презрительно и гневно. — Дерьмо-то из тебя так и прёт, прямо-таки из ушей вылезает.

Он с недоумением уставился на неё.

— Я всё видела, — продолжала она. — Видела, как ты работаешь, мать твою! Да уж, мышцой поиграть умеешь, ничего не могу сказать, и с барышнями поболтать не дурак. Покупаешь им выпивку, а через пару минут вы уже стоите в дверях. А я-то, дура, не понимала, в чём дело! То ли ты им речь толкаешь, то ли они видят в тебе то, чего я никак не разгляжу. Я заметила, что многие на ногах стоят как-то нетвёрдо, но решила, что это от страсти у них ноги трясутся… Вот уж не предполагала, что ты кормишь их рогипнолом.

— Совсем рехнулась? — спросил наш истинный джентльмен Уильям.

— Да нет, не совсем. — Сигрид обернулась и взглянула на меня. — Он и ко мне подкатывался пару ночей назад. Я его отшила, и правильно сделала, а то сейчас и я плакала бы над своими единственными бриллиантовыми серёжками. А что произошло позавчера, ты помнишь, Уильям? Ты подкатывал сразу к двум девушкам в баре, да только они, наверное, поменяли бокалы, поскольку тебя вдруг зашатало и ты с трудом попал в дверной проём на выходе из бара.

По его лицу было видно, как шевелятся извилины у него в голове — ага, так вот что произошло! Сучки поменяли бокалы, и он помнит только, как проснулся в тёмной аллее весь заблёванный, ни денег, ни кредиток, а уж в паху болело так, что даже сейчас разгибаться не хочется.

Уильям оглядел комнату. Кое-кто показался ему смутно знакомым — например, расфуфыренная брюнетка с конским хвостом на голове. Он её точно пялил не так давно, может, подцепил именно в «Парсифале».

Да и моё лицо ему тоже что-то напоминало — как будто встречались, то ли на улице, то ли в том же баре. Но эта тёлка со своими рассказами о рубиновом ожерелье и каких-то портретах — нет, увольте, её он точно раньше не встречал.

Но мысли Уильяма я придумал сам — я ведь не мог заглянуть ему в голову… да и откуда мне

знать, о чём он там думал? Может быть, о двойных нельсонах или о новом способе накачивания трицепса.

— Итак, ты отправился домой с украденным ожерельем, — сказал я грозно, — а также с чувством глубокого удовлетворения, которое, без сомнения, испытывает любой мужчина после встречи с такой красивой девушкой. А когда проснулся утром, вспомнил её рассказ о фотографиях людей, купивших себе новые лица, чтобы прошлое не испортило их настоящую жизнь. Ты, конечно, подумал, что такая информация может пригодиться нужным людям, например твоему дядюшке Майку.

Челюсть Уильяма отвисла так низко, что он едва подхватил её. Мне было плевать на это — да хоть вообще бы провалилась в подвал! Но на тот момент я с ним закончил и повернулся к Майклу Кваттроне, который с интересом следил за ходом моего допроса.

— Ваш племянник позвонил вам, — сказал я, — и вы сразу же увидели возможность не только заработать, но и поквитаться кое с кем. Вы, в свою очередь, тоже позвонили кое-кому, и кое-кто наведался в квартиру, где жили люди, которых мы решили называть Роговины.

Не представляю, какой была бы моя следующая фраза, но Кваттроне включился в игру. Он поднял изящную руку с аккуратно подпиленными ногтями, призывая меня к молчанию.

— Что же, говорите вы довольно складно, — протянул он. — Поучительно и одновременно довольно занимательно.

— Благодарю вас.

— Но кое в чём вы ошибаетесь. Мой племянник никогда не упоминал о Мейпсе и его фотографиях.

— Вы хотите сказать, что не знали о них?

— Я знал о них, — отрезал Кваттроне. — Внимательный человек может заметить многое. Но знал не от моего племянника. — Он бросил весьма прохладный взгляд на Уильяма. — Мой племянник. Сын моей младшей сестры от человека, за которого она вышла замуж против воли семьи.

— Так он вам не звонил?

— Нет, видимо, ему ничего не надо было в тот момент, — ответил Кваттроне. — Мой племянник звонит мне только тогда, когда ему что-то надо. Денег или адвоката. Или и того и другого.

— Дядя Майк…

— Заткнись, Билли.

Кваттроне повернулся ко мне:

— Может быть, вы слышали о человеке по имени Джон Маллейн, известном также как Снежок Маллейн? Вы смотрите передачу «Самые опасные преступники Америки»?

(Да, постоянно, и при этом боюсь лишь одного — увидеть там себя.)

— Нью-Джерси, — припомнил я. — Или то было в Ньюарке? Он многие годы занимался рэкетом, но одновременно умудрялся сотрудничать с ФБР. А теперь он удирает от обвинения

по делу об убийстве…

— Да, знаю, четыре убийства и ещё кое-что по мелочи.

— …каждые несколько месяцев количество его преступлений растёт, а Джон Уолш всё трендит о том, как важно поймать этого трусливого ублюдка, да только чего-то у него не выходит.

— И не выйдет, — уверенно произнёс Кваттроне, — до тех пор, пока он ищет человека с лицом Маллейна. Личико-то у него давно уже другое, спасибо нашему другу! — Он кивнул в сторону Мейпса. — Наш доктор, конечно, ещё тот идиот, но — профессионал высокой пробы, этого у него не отнимешь. Я люблю Снежка как отца родного, ей-богу, знаю его ещё с тех пор, как пел в церковном хоре, но клянусь! — если бы я не увидел фотографии «до» и «после», в жизни бы не узнал его с новым лицом.

— Так вы видели эти фотографии?

— Вы знаете, — неторопливо сказал он, — я не помню, чтобы говорил такое. Мне кажется, в своих предложениях я везде вставлял «бы».

— Верно. Ну что же, в прошлую среду некие господа нанесли визит Роговиным, Лайлам, или как вам будет угодно их называть. Они оглушили и связали привратника, затащили его в комнату для посылок и оставили на полу, а затем поднялись наверх, и Лайлы впустили их в квартиру. Затем Лайлы открыли им сейф, возможно под дулом пистолета. Не понимаю, зачем Лайлам надо было покупать такой тяжеленный навороченный сейф? Лишь для того, чтобы на короткое время спрятать в нём старый школьный учебник? Наверное, параллельно они занимались ещё чем-то, но это лишь моё предположение. Теперь они мертвы, так что доказать мы всё равно ничего не сможем.

Ну, так вот, гости забрали книгу, а в благодарность всыпали хозяевам по заряду свинца в затылок. За это время и бедняга привратник задохнулся в своей каморке. То есть погибли три человека, а книга, как вы знаете, исчезла.

Теперь я объясню вам, каким образом в этом деле появился ваш покорный слуга. Представьте себе, опять-таки из-за длинной руки мистера Совпадение! Он-то и схватил меня за шиворот, правда превратившись сначала в длинную руку закона. Вот слушайте, как всё произошло. В ту самую ночь я прогуливался в соседнем квартале по своим личным делам. Я не скрывал лицо, так что моё продвижение зафиксировали как минимум полдюжины камер слежения. Не буду объяснять вам, зачем мне понадобилось гулять именно там, это не имеет никакого значения. Я — свободный человек, где хочу, там и гуляю, но по случайному совпадению я когда-то сидел за кражу со взломом, и этого оказалось достаточно, чтобы вот этот господин, — я указал рукой на Рэя, и все головы повернулись к нему, — арестовал меня на следующий же день. А вот тот достойный господин, — я махнул рукой в сторону Уолли, — освободил меня из-под ареста. Но к тому времени информация о том, что меня арестовали, уже просочилась в определённые круги, которые сразу же решили, что я как-то связан с этим делом. — Я взглянул на Майкла Кваттроне. — Если бы я задал вам гипотетический вопрос, вы смогли бы ответить на него также гипотетически?

Кваттроне улыбнулся, не двигая губами:

— Возможно.

— Если бы ограбление, которое я только что описал, совершили некие известные вам лица и

если бы именно они вошли в дом к Лайлам и забрали у них книгу, зачем, объясните на милость, зачем им надо было убивать их?

— Ну, на этот вопрос ответить очень просто, — сказал Кваттроне. — Они их не убивали!

Глава 39

— Я надеюсь, вы все понимаете, что мы рассуждаем чисто гипотетически, — напомнил Майкл Кваттроне. Его глаза обежали комнату, остановившись на долю секунды на Уолли Хемфилле и Рэе Киршмане. — А также, полагаю, вы помните, что мы не в суде. Никто не стенографирует наши заявления и, опять же надеюсь, не держит в кармане включённый диктофон, но, даже если наш разговор записывается, не забывайте, что мы рассуждаем исключительно гипотетически.

— Конечно.

— В этом случае, — продолжил Кваттроне, — представим себе, что некий человек узнает, что фотографии с новым лицом его ближайшего друга циркулируют в определённых и явно недружественных кругах и на них объявлен аукцион. Представьте также, что этот человек узнал, где находятся фотографии и когда должна состояться сделка. И как ему следовало реагировать? Конечно, он послал своих ребят к продавцам до *того*, как появился покупатель, чтобы задушить в зародыше эту подлую операцию.

— То есть он хотел захватить фотографии силой, — подхватил я, — до того, как их купят другие.

— Именно так, — согласился Кваттроне. — Ну а теперь, если мы предположим, что где-то на самом деле произошло нечто подобное, думаю, выглядело это примерно так: друзья неизвестного нам человека обезоружили привратника, поскольку не хотели, чтобы об их появлении стало известно заранее. Полагаю также, что люди, жившие в той квартире, — для простоты давайте звать их Лайлы…

— Или Роговины, как вам больше нравится.

— А знаете, действительно, пусть они лучше будут Роговины, всё-таки более оригинальное имя. — Он снова умудрился улыбнуться, не пошевелив мускулами лица. — Допустим, мистер Роговин услышал стук в дверь и открыл её, думая, что сейчас разбогатеет. В квартиру вошли несколько мужчин, но, как только они заговорили, ему стало понятно, что он впустил не тех. Но что он мог поделать? Он открыл для них сейф, и они забрали деньги и книгу.

— Эй, минуточку, — забеспокоился Рэй. — Какие ещё деньги?

Майкл произнёс, тщательно подбирая слова:

— Я просто предположил, что там были деньги. Зачем запирать в сейф учебник по химии? Однако если в сейфе у вас уже лежала сумма денег, почему бы не присовокупить к ним и книгу?

— И сколько же там было денег?

— Понятия не имею. Я могу только предположить, что где-то порядка двадцати одной тысячи. А может быть, девятнадцать…

— То есть около двадцати, если округлить, — подытожил я.

— Если округлить, то да. Возможно, покупатель заплатил им аванс для того, чтобы забить за собой право на покупку. А может, то были деньги от предыдущих операций… Я уверен, что открывшие сейф люди обрадовались такому неожиданному бонусу.

— Но мой вопрос был: зачем…

— Зачем они убили Роговиных? Они не убивали — вот мой ответ. Они обмотали их скотчем, быстренько осмотрели квартиру, чтобы узнать, можно ли чем-нибудь ещё поживиться, после чего спокойно ушли. Зачем им было убивать Роговиных? Никакой опасности они не представляли — не в полицию же им обращаться, верно? И в любом случае Роговины никак не смогли бы идентифицировать своих посетителей. Лишние убийства ни к чему — профессионалы убивают только с определённой целью.

— Ну а привратник? Зачем было убивать привратника? Он задохнулся прежде, чем копы нашли его.

— То был несчастный случай. — Кваттроне тяжело вздохнул. — Очень прискорбный случай, и все сожалеют о нём. — Его глаза скользнули к двери, где один из громил рассматривал ковёр под ногами с таким видом, как будто в жизни не видел до этого ковров. — Полагаю, сейчас тот, кто допустил такое, очень раскаивается. Очень сильно раскаивается…

— Ну хорошо, но кто же тогда застрелил Роговиных? — с недоумением спросил я. — Полиция нашла их замотанных скотчем и с пулевыми отверстиями в голове. Если это были не ваши гипотетические друзья…

— Нет, не они.

— Но кто же тогда?

— Берн? — подала голос Кэролайн. — Скорее всего, это был настоящий покупатель. Он же собирался прийти в тот же день, так?

— Ну да, конечно, — вскричал я. — Роговиных в тот день посетили две группы гостей. Привратник был устранён раньше, так что вторая группа прошла наверх без всяких помех. Там они обнаружили, что сейф вскрыт, а жильцы валяются на полу, связанные по ногам и рукам. Может быть, они отлепили скотч ото рта одного из них, чтобы выяснить, что именно произошло. И наверняка ответы им не понравились, поскольку ни книги, ни уже заплаченных денег им увидеть не довелось. Возможно, то был лишь аванс, а может, и полный гонорар, но в любом случае двадцать тысяч баксов — немалые деньги, и терять их было жалко.

Я почувствовал на себе чей-то тяжёлый взгляд и, повернув голову, встретился глазами с Георгием Блински.

— Это вы собирались купить те фотографии! — воскликнул я. — Вы пришли к Роговиным, а когда поняли, что ни денег, ни фотографий вам не получить, вы убили их и скрылись.

— Вы не сможете ничего доказать, — процедил Блински. — У вас нет ни свидетелей, ни улик. И кстати сказать, именно в тот момент я находился на Восточном бульваре в ночном баре, где меня видели по крайней мере двадцать человек.

— Я в этом не сомневаюсь. Но зачем убивать их?

Он посмотрел на меня как на умалишённого.

— А как же иначе? — спросил он. — Ни книги, ни денег. Тогда уж и свидетелей нет надобности оставлять… Но я веселился с друзьями в ночном клубе. Могу это доказать, а вот вы ничего доказать не в силах.

— Хотите знать, что случилось потом? — спросил я свою маленькую аудиторию. — А вот что: кто-то вломился в мою квартиру. До этого её обыскала полиция, но те, кто сломал мне замки, об этом явно не знали. Моего привратника тоже скрутили и бросили в комнату для посылок, так что я предположил, что у меня действовали те же люди, что и у Роговиных.

— Что ж, ваше предположение звучит вполне логично, — заметил Кваттроне.

— Надо сказать, что они разнесли мою квартиру в пух и прах, — продолжил я. — Камня на камне не оставили. И что же они там искали, позвольте узнать?

— Да те самые пропавшие фотографии, — сказал Кваттроне. — Тот, кто послал их, наверное, слышал о портретах «русского в бегах», и остальные снимки явно были сделаны не с него. А ещё в книге были вырваны страницы. Выдраны с мясом. Четыре страницы, как раз на комплект из четырёх фотографий.

— А вы что, хотели их использовать?

— Зачем я? Многие хотели бы их использовать. Очень человеческое качество — хотеть того, чего хотят другие, вы не находите? К тому же кто знает, что ещё можно найти в квартире вора? Кое-кому показалось, что визит вежливости нанести непременно следует.

«И твои чёртовы громилы вскрыли мой тайник и забрали бабки», — сказал я одними глазами.

«Когда деньги находят, их забирают, — одними глазами ответил он мне. — Будь благодарен уже за то, что мы оставили тебе паспорта».

Забавно, как много можно сказать друг другу, не открывая рта…

— Извините, но я потеряла нить, — вступила в разговор Лейси Кавиноки. — Не знаю, может, мне изначально не положено было вникать во всё это? На самом деле я вообще не понимаю, зачем меня сюда позвали. Но я поняла, что в книгу были вклеены некие фотографии. А теперь я узнаю, что некоторые страницы вырвали — это что, портреты того русского, который безобразничал в… как её… Риге?

— Точно так.

— Но тогда кто же их вырвал? Когда и зачем?

— Это Лайлы вырвали их, — объяснил я. — Они ведь всё-таки были латышами и патриотами своей страны. Они, конечно, хотели получить деньги за фотографии Кукарова, но также заботились о том, чтобы новый владелец разыскал преступника и покончил с ним.

Кивок со стороны Гризека подтвердил моё предположение.

— И вот они вырвали те четыре страницы и вклеили их в другую книгу.

— В ту, что про бейсбольный матч? — спросил Рэй Киршман.

— Знаешь, Рэй, постарайся не обнажать своё невежество так явно, — сказал я. — «Исход» — роман не о бейсбольном матче!

— А о чём тогда?

— Этот роман написал Леон Урис, и написал о себе, о том, через что ему пришлось пройти в нацистском концлагере. Теперь понятно?

— Ну и откуда я должен был узнать об этом, Берни? И кому какое дело, в конце-то концов? Всё, о чём я хочу узнать, — почему эти дремучие тупицы не отдали книгу Блинцу, или как его там? Они что, хотели, чтобы их пристрелили? Книга-то стояла на самом видном месте в шкафу, где её мог достать любой.

— А о чём тогда?

— Этот роман написал Леон Урис, и написал о себе, о том, через что ему пришлось пройти в нацистском концлагере. Теперь понятно?

— Ну и откуда я должен был узнать об этом, Берни? И кому какое дело, в конце-то концов? Всё, о чём я хочу узнать, — почему эти дремучие тупицы не отдали книгу Блинцу, или как его там? Они что, хотели, чтобы их пристрелили? Книга-то стояла на самом видном месте в шкафу, где её мог достать любой.

— Ну нет, не любой, Рэй, не надо так преуменьшать свои заслуги. Понадобилось искусство профессионала, а также воображение и изрядная доля хитроумия. Ты слишком скромен, Рэй. Когда ты рассказал мне, как перетряс все книги до последней, пока не обнаружил в другой книге вырванные страницы, всё встало на свои места. Кто-то нашёл те фотографии и выкрал их.

Для Рэя это было новостью, и он с недовольным видом молча переваривал услышанное. А кто просил его упоминать «Исход»?

— Это бы не спасло Роговиных, — плавно перешёл я к следующему сюжету. — О чём они, наверное, догадывались. К тому же почему ты думаешь, что у них вообще была возможность открыть рот, даже если бы они захотели это сделать?

— То есть вот этот забрал книгу, — сказала Лейси, указывая пальцем на Кваттроне, — а вон тот застрелил мужчину и женщину, — она кивнула на Блински, — и тем не менее снимки всё равно остались в квартире. Так?

— Гипотетически, — подтвердил Майкл Кваттроне.

— Гипотетически, — повторил я.

— Как вам будет угодно, — сказала Лейси. — Но если кто-то нашёл их и вырвал из книги, сейчас их там уже нет. Я права?

— Права.

— Ну, вот и всё, что я хотела узнать. — Она улыбнулась Кэролайн. — Просто люблю расставлять всё по полочкам.

Я тоже люблю расставлять всё по полочкам, особенно если при этом мне приходится объяснять другим, что и как произошло. Но иногда можно начать с объяснений и вдруг, в середине монолога, обрести полное понимание. Такое уже случилось во время сегодняшней беседы: до того как Кваттроне заговорил, мне не приходило в голову, что Лайлов убил не он и что за тот вечер их посетили два раза.

Поэтому я упорно двигался дальше.

— Итак, продолжим, — сказал я. — В среду Лайлов ограбили и убили, в четверг ограбили и арестовали меня, а в пятницу на сцену вновь вышел господин Совпадение. Мне позвонил один мой старый клиент и попросил отложить для него кое-что. Пусть он сам скажет, что именно.

— Полагаю, сейчас моя очередь, — вступил в разговор Колби Риддл. — Я не предполагал, что невинная просьба будет иметь такие серьёзные последствия. Я позвонил вам, Берни, чтобы попросить отложить для меня одну книгу.

— Не «Принципы органической химии», верно?

— Боюсь, что нет. И не «Исход» действительно великолепного писателя мистера Уриса. Мне нужна была книга Джозефа Конрада.

— Вы помните, как она называлась?

— Конечно. «Тайный агент». Вы обещали, что отложите её, я сказал, что зайду за ней попозже вечером, потом мы, наверное, обменялись любезностями, а может быть, и нет, но больше я ничего не помню.

— Возможно, так оно и было, — подтвердил я. — Поскольку я понятия не имел, кто вы такой.

— А почему вы не спросили, кто вам звонит?

— Потому что голос ваш показался мне знакомым, Колби, и вы говорили так, как будто не сомневались, что я вас знаю, и мне не хотелось выглядеть грубияном. К тому же я почти не спал накануне и чувствовал себя не лучшим образом. Я был уверен, что узнаю вас, когда вы придёте за книгой.

— Так вы и узнали меня, Берни. Только книги у вас уже не было.

— Ну да, я отдал её человеку по имени Валдис Берзиньш. Мистер Гризек, наверное, вам знакомо это имя?

Латыш грустно кивнул головой.

— Хороший человек был, — заметил он. — Такой симпатичный… И настоящий патриот.

— Это ему Лайлы пообещали отдать фотографии Кукарова?

— Он не посвящал меня в детали, — сказал Гризек, который говорил по-английски без акцента, но медленно, используя какую-то странную лексику. — И всегда-всегда он смотрел туда, где было солнце. «Фото своровали, — сообщил он мне. — Так вот, я заключу договор с вором. А может быть, он меньше вор, чем тот, у кого он их своровал». Вы знаете такую книгу — «Сила позитивной мысли»?

— Вообще-то она называется «Сила позитивного мышления», — поправил его я. — Автор —

Норман Винсент Пил. В своё время была настоящим бестселлером. У меня ещё остались два или три экземпляра, и мне давно пора выложить их на распродажу, но из уважения к автору я оставляю их на полках — хочется верить, что кто-нибудь заплатит за них полную цену.

— Так или иначе, у Валди Берзиньша мысль была позитивна, — констатировал Гризек. — И он пошёл к вам в магазин с деньгами, чтобы заплатить за книгу. А вместо этого его убили.

Я сообщил присутствующим, что видел, как всё произошло, и кто-то из женщин ахнул и заметил, что, наверное, это было просто ужасно. Да, неприятно, согласился я, но ужаснее всего пришлось Берзиньшу.

— Он пришёл ко мне в магазин и сказал, что у меня для него кое-что есть. Я не знал, о чём он толкует, но он говорил таким уверенным тоном, что, вспомнив о телефонном разговоре с Колби, я решил, что он пришёл за «Тайным агентом». Я произнёс название книги, и он страшно обрадовался и схватил её, прижав к груди. Он заплатил мне в сто раз больше, чем я просил, — наверное, решил, что я не произнёс слово «сотен» лишь для того, чтобы сэкономить время. Я пересчитал деньги и выбежал за ним из магазина, но увидел лишь, как его расстреляли из машины.

— Кто стрелял? — грозно спросил Гризек. — Кто убивал мой друг Валдис Берзиньш?

— Хороший вопрос. А вот ещё один: почему он решил, что я знаю, о какой книге идёт речь? А когда я упомянул название, почему он так обрадовался?

— Ты сказал «Тайный агент», — заметила Кэролайн. — А он как раз и работал тайным агентом. Он решил, наверное, что ты сразу же узнал, чем он занимается.

— Вначале и я так думал, но тут что-то не сходится. Это не объясняет того, почему он был уверен, что я «в деле» и что книга, которую я ему передал, — «та самая». Он даже не стал перелистывать страницы. Просто заплатил деньги и отвалил. Колби, а почему вы заказали именно эту книгу?

— Я искал её. Вы — владелец магазина, я ищу книгу, вот я и пришёл к вам…

— Но вам же не нравится Конрад!

— Мне не нравятся его морские рассказы. Но мне сказали, что «Тайный агент» написан так, будто автор в жизни своей не выходил в море. Я решил, что стоит попробовать.

— И что эта книга стоит телефонного звонка.

— А почему нет?

— А потому что, — произнёс я медленно, — к тому времени вы уже, наверное, сами получили звонок от пластического хирурга.

— Берни, не дурите, — запротестовал Колби. — О чём вы только думаете? Конечно, может быть, я и выгляжу как кандидат на пластическую операцию, но мне недостаёт тщеславия. Полагаю, вы имеете в виду нашего хозяина, мистера Мейпса? А почему вы считаете, что я вообще его знаю? Где мы могли с ним познакомиться?

— В школе, — сказал я. — Или в Интернете на каком-нибудь лесбийском сайте. Но если вас интересует моё мнение, я предполагаю, что, скорее всего, Мейпса порекомендовал ваш

дерматолог. У вас на лице была какая-нибудь подозрительная родинка или ещё что-нибудь, что требовало вмешательства косметолога.

— Откуда вы можете знать такие вещи?

— Я и не знаю, просто предполагаю, что такое возможно. А вот откуда вы знали Валдиса, я не могу предположить.

— А я его и не знал.

— Должны были знать. Может быть, у вас был какой-то общий друг, возможно, преподаватель на курсах латышского языка. Так или иначе, но вы были знакомы с обоими. И вы позвонили Мейпсу, либо, может, он позвонил вам и рассказал об украденных фотографиях, а также обмолвился, что в сейфе у него лежит более двухсот тысяч долларов США…

— Эй, эй, постойте-ка! — Двое чиновников вскочили на ноги. Один из них вытащил из кармана пистолет, другой потряс зажатым в руке листком бумаги. — Я всё думал, когда вы наконец объясните, зачем пригласили нас сюда. Пара сотен тысяч долларов наличкой в сейфе — это прямое уклонение от налогов. — Он повернулся к Мейпсу: — Мистер Крэндел Раундтри Мейпс? Я из отдела внутренних бюджетных поступлений, вот постановление суда, разрешающее моему напарнику и мне обыскать ваш особняк. Сэр, прошу вас проводить нас наверх и открыть сейф.

До сих пор Мейпс с честью выносил всё, что выпало на его долю. Но сейчас, казалось, чёрная рука судьбы всё-таки схватила скальпель и начисто уничтожила всю прекрасную работу, которую проделал над его лицом коллега-хирург. За одну минуту он постарел на десять лет, лицо его посерело, пот градом стекал по щекам.

Он бормотал что-то об адвокате, но налоговые полицейские объяснили, что адвокат ему потребуется чуть позже, а пока они собираются взглянуть на сейф. Уолли Хемфилл изучил ордер и заявил, что составлен и выписан он по всей форме и что тут ничего поделать нельзя. Он посоветовал Мейпсу взять себя в руки и не говорить лишнего.

— Так, а вы все сидите тут и ждите, — сказал чиновник, и они вышли из комнаты.

Глава 40

Они отсутствовали недолго, но когда вернулись… что же, мы с Кэролайн были готовы к тому, что увидим. Расстановка сил кардинально изменилась. Роботы из налоговой выглядели совершенно обескураженными, а лицо Мейпса вновь приобрело черты античной скульптуры, созданной его неизвестным коллегой.

— А я ведь говорил вам! — протянул он. — Теперь вы можете поделиться новостями с остальными моими непрошеными гостями. Что, нашли деньги в сейфе, а?

В бессильном гневе чиновники молча уставились на него.

— Наверное, это значит «нет», — сказал Мейпс. — Страховые свидетельства, акции и облигации, немного драгоценностей, не очень дорогих, — то, что я имел возможность купить супруге на оставшиеся после уплаты налогов доходы. Вот что вы нашли и о чём я вас и

предупреждал. Вы не нашли ни цента той таинственной «налички», о которой говорил этот господин.

— Не думай, что так легко сорвался с крючка, — проворчал один из налоговых полицейских. — Теперь мы до конца жизни будем ходить за тобой по пятам.

Мейпс выпятил грудь, втянул живот и уставился на них с высоты своего роста.

— Достаточно оскорблений! — сказал он. — В моём же собственном доме. Вы истощили действие вашего ордера, так же как и моё терпение. Убирайтесь!

Похоже, инспекторов не интересовало ни кто убил Валдиса Берзиньша, ни куда делись фотографии. Денег в сейфе не оказалось, и их интерес к Мейпсу пропал вместе с ними. Они вышли из комнаты, и больше мы их не видели.

Мейпсу потребовалось пять минут, чтобы подняться в спальню, открыть сейф и удостовериться, что он стал на четверть миллиона беднее, и от этого он преобразился до неузнаваемости. Он сиял, как человек, вступивший в неравный бой с государственной системой и вышедший из схватки победителем. Майкл Кваттроне сочувственно заметил, что налоговая полиция известна своими провокациями и что у него есть знакомый юрист, который может помочь вывести их на чистую воду. Уолли Хемфилл согласился с ним, сказав, что всему есть предел — так далеко заходить не разрешается даже чёртовой налоговой. Он посоветовал Мейпсу принять предложение Кваттроне и обратиться к его юристу.

Я-то, понятное дело, не удивился, что в сейфе не оказалось денег — если помните, я сам и украл их пару дней назад. Но я обрадовался тому, как сильно обрадовался хозяин сейфа. Он был настолько счастлив, сорвавшись с полицейского крючка, что пока не задумался о том, куда же всё-таки делось его богатство. Это означало, что до того момента он не открывал сейф, и мой план на сегодняшний вечер мог сработать.

Вначале, правда, Мейпс попытался вышвырнуть нас из дома вслед за чиновниками.

— Я хочу вас поблагодарить за поддержку, которую вы мне оказали, и не смею больше никого задерживать, — заявил он. — До свидания, господа.

— Ну, не знаю, стоит ли так рано прощаться, — протянул Рэй. — Мы только начали разогреваться.

— Согласен — чем дальше, тем интереснее, — поддержал его Майкл Кваттроне. — Мне кажется, надо разрешить нашему другу продолжить его экзерсисы.

Мне было лестно слышать, что он считает меня своим другом, а также и другом всех остальных. Я снова встал и обратился к аудитории.

— Давайте вернёмся к Колби Риддлу, — сказал я, хотя последний выглядел так, как будто искренне надеялся, что я забуду про него. — Мейпс позвонил вам, профессор, и упомянул деньги, не важно, лежат они сейчас в сейфе или нет. И ещё он упомянул моё имя, поскольку читал те же газеты, что и все остальные. Вы — профессор, учёный, книжный человек и работаете недалеко от моего магазина, преподавая… эту… логию…

— Логию?

— Ну да, что-то, что заканчивается на «логия».

— Я преподаю сравнительную лингвистику.

— О, значит, я был неправ, — сказал я. — Так даже и лучше, кстати говоря. Значит, у вас есть друзья во всех странах, включая Латвию. Мейпс думал, что вы можете меня знать, и так оно и оказалось, но кроме меня вы знали нескольких латышей, и среди них — Валдиса Берзиньша. Вы знали также, что Валдис охотится за снимками Кукарова. Мейпсу нужно было получить назад свои фотографии. Он ужасался при мысли о том, что сделает с ним Чёрный Бич, если узнает, что его портреты попали в руки врагов. Мейпс позвонил вам и попросил о помощи. Но что вы могли?

И всё же вы решили действовать. Для начала позвонили мне. У вас была надежда, что вы сможете остаться в тени, поэтому вы не представились. Вы попросили отложить для вас книгу автора, который вам совершенно не нравится…

— Я уже объяснил, мне не нравятся его морские рассказы, вот и всё…

— Да он вам вообще не нравится, Колби! Вы однажды процитировали строчку из «Сердца тьмы» — «О ужас! Ужас!». Очевидно, вы говорили о стиле письма автора этого произведения.

— Я так сказал? Что-то не помню такого.

— Ну а я помню. Вы спросили меня о «Тайном агенте» только потому, что видели эту книгу на полке. Она стоит как раз в том разделе, который вы обычно смотрите, и стоит уже много лет. Конечно, если бы я случайно продал её, вы попросили бы что-нибудь другое. Но я не продал её, так что вам не пришлось напрягаться, а я отложил её в сторонку.

Затем вы сообщили Валдису Берзиньшу, что книга находится у меня. Вы рассудили просто: я отдам книгу Валдису, он просмотрит её, поймёт, что фотографий там нет, закатит жуткий скандал, на что я резонно возражу, что за двенадцать долларов он не может на многое рассчитывать, после чего он уйдёт, топая ногами, понимая, что у него не вышло получить фотографии на халяву.

Но Валдис Берзиньш был примерным учеником Нормана Винсента Пила, который мог бы гордиться им! Ему даже в голову не пришло проверить, есть ли в книге фотографии, настолько он считал это само собой разумеющимся. Он знал, что другие охотники за книгой могут в любой момент прийти в мой магазин, поэтому предпочёл как можно быстрее расплатиться и уйти. Когда он спросил меня о цене, а я сказал «тринадцать», он подумал, что я просто не стал произносить слово «сотен». Конечно, я мог бы иметь в виду тринадцать «тысяч», но у него столько всё равно не было, поэтому он решил думать позитивно и вытащил тринадцать стодолларовых купюр.

— А они убивали его, — с завыванием повторил Гризек. — Убивали такой хороший человек..

— «Они»! — воскликнула Сигрид. — Да кто такие эти «они»? У них есть имя?

— Наверное, есть, но я не могу его сейчас назвать. Я только знаю, что в машине, припаркованной на улице около моего дома, сидели по крайней мере двое. Когда Валдис Берзиньш вышел из магазина, машина резко рванула вперёд. Берзиньша расстреляли в упор из автомата, а затем то ли стрелявший, то ли пассажир выскочил из машины, чтобы выхватить у

него из рук то, что он нёс, — коричневый бумажный пакет с книгой.

— Да, так, должно быть, и было, — подтвердил Рэй. — Но ты не сообщил нам ничего нового, Берни. И кто же был в той машине, э? И куда делась книга?

— Я могу ответить на второй вопрос, — сказал я. — Может быть, после этого мы поймём немного больше. Что случилось с книгой? Так или иначе, но она оказалась в этом доме.

Мейпс покачал головой:

— Что за глупость!

— Глупость? Хотелось бы мне видеть выражение вашего лица, док, когда ребята из налоговой открыли сейф. Но вы хранили её не там, верно? Это же книга, и хранить её надо вместе с другими книгами. Я прав, док?

Он не сразу ответил. Помолчав немного, он спросил у меня название книги и пробормотал, что у него действительно был экземпляр «Тайного агента» Конрада. Он купил его по случаю много лет назад. Чуть ли не в колледже.

— Вот, чёрт побери! — воскликнул я. — Ещё одно совпадение.

— Да, совпадение, чёрт *вас* побери. Возможно, Риддл искал эту книгу именно потому, что у меня тоже был экземпляр. В Нью-Йорке, должно быть, можно найти сотни, а то и тысячи экземпляров произведений Конрада.

— К сожалению, вы правы, — сказал я. — Их слишком много, поэтому я и не мог избавиться от своего в течение долгого времени. Пока его не купили за тысячу триста долларов. А вы сколько заплатили за свой?

— Понятия не имею. Пару долларов, не больше, я полагаю.

— Полагаю, что больше. Полагаю, вы заплатили очень много за неё, но ведь вы покупали не книгу. Вы покупали фотографии.

Я закинул крючок, и он тут же проглотил его.

— А вот и нет! — воскликнул он торжествующе. — И сейчас я вам это докажу. — Он чуть ли не бегом полетел через столовую в свой кабинет и вернулся с книгой в руке. — Вот, смотрите! — Он протянул мне книгу. — Попробуйте найти в ней эти чёртовы фотки!

Он полистал страницы и вдруг остановился, взирая на что-то с неприкрытым ужасом. Я забрал книгу у него из рук и, раскрыв её, показал другим. Со страницы книги на меня исподлобья смотрел белобрысый человек со шрамом на губе. На следующих трёх страницах располагались ещё три фотографии анфас и в профиль. Все они были крепко приклеены скотчем.

Он полистал страницы и вдруг остановился, взирая на что-то с неприкрытым ужасом. Я забрал книгу у него из рук и, раскрыв её, показал другим. Со страницы книги на меня исподлобья смотрел белобрысый человек со шрамом на губе. На следующих трёх страницах располагались ещё три фотографии анфас и в профиль. Все они были крепко приклеены скотчем.

— Нет, нет, это невозможно! — Доктор попытался выхватить у меня книгу, но я крепко держал её. Он отскочил назад, сунул руку в карман и вытащил небольшой дамский револьвер. Надо

вам сказать, что все, даже самые маленькие пистолеты кажутся огромными, когда они направлены на вас.

Мейпс помахал дулом из стороны в сторону.

— Сволочь! Подлец! — Эти слова могли быть обращены ко мне, но он вдруг повернулся на сто восемьдесят градусов и выстрелил в Колби Риддла. — Ах ты, падаль недорезанная!

Следующие две пули достались Георгию Блински. Безумно вращая глазами, Мейпс огляделся в поисках новой жертвы. Его взгляд упал на Марисоль.

— А ты, паршивая сучка! — завопил он. — Тупая, безмозглая тварь, это ты всё наделала! — Он тщательно прицелился прямо в грудь испуганной девушке.

И тут Уолли Хемфилл, марафонец, переквалифицировавшийся в специалиста по восточным единоборствам, вскочил с дивана, подпрыгнул, как мяч, и нанёс Мейпсу сокрушительный удар ногой по руке, выбив у него из рук револьвер. За этим последовало ещё одно движение, от которого Мейпс пролетел через всю комнату и упал прямо на руки копу и громиле Кваттроне. Громилы отметелили его, копы застегнули на запястьях наручники, а Рэй Киршман зачитал ему права. Раньше я не обращал на это внимания, но на самом деле список прав у человека весьма солиден. Однако почему-то мне показалось, что пользы это доктору не принесёт.

Глава 41

— Спасибо, Максайн, душечка, ты спасаешь мне жизнь. Нет, не смотри на меня так, я могу неправильно понять. Берн, давай же, бери бокал. Выпьем за преступление!

— И наказание! — Мы звякнули рюмками и выпили до дна.

— Наказании-ие… — протянула Кэролайн. — А почему бы и нет? Но только для тех, кто его заслужил.

Читатель, вас, наверное, не удивит, что мы снова сидели в «Вечном кайфе», в четверг, через неделю после того, как я собрал аудиторию в доме доктора Мейпса. Конечно, мы с Кэролайн не в первый раз пили вдвоём после «того вечера» и почти каждый день обедали вместе. Однако до сегодняшнего дня вокруг всегда толклись какие-то люди. Во время обеда обсудить тоже ничего не получалось, а нам было что обсудить, особенно если в руках у нас при этом были рюмки и в них — скотч.

Вроде сегодня всё совпало. Ещё по крайней мере час мы оба никуда не торопились и вроде бы никто не собирался подсесть к нам за столик. И скотч в руках у нас тоже был, правда, он сразу же исчез, и сердобольная Максайн немедленно подлила нам ещё.

— Берн, — сказала Кэролайн. — Всё-таки я не поняла нечто важное.

— Я не удивлён. Я тоже кое-что не понял.

— Вообще-то я следила за развитием событий довольно внимательно, но где-то начинала терять нить. Ну а когда всё так быстро закончилось этой пальбой, многие ниточки оказались вовсе ведущими в никуда.

— Согласен, — кивнул я.

— И ещё там были кое-какие факты, которые на поверку… не совсем правдивые…

— То есть ты имеешь в виду «заведомо ложные»?

— Ну да, я хотела тактично намекнуть…

— Лучше называй вещи своими именами, — сказал я. — В принципе в тот день мы оперировали тремя основными видами информации. Что-то было правдой, что-то — результатом умозаключений, а что-то — заведомой ложью.

— Я так и подумала, Берн. Но сейчас мы одни, и я хотела бы услышать правду, простую, чистую правду.

— Как говорил Оскар Уальд, «правда редко бывает чистой и никогда не бывает простой», — процитировал я. — Что-то мы с тобой вообще уже не узнаем, поскольку единственные свидетели мертвы. Но я с удовольствием расскажу тебе всё, что известно мне. Откуда начать?

— От Уильяма Джонсона, — сказала Кэр. — Племянника Билли. Он ведь не изнасиловал Марисоль, верно?

— Нет, конечно нет. Он её и в глаза не видел!

— Но она-то обвинила его!

— И что, значит, это должно быть правдой?

— Берн, она была очень убедительна. Я следила за её лицом. У неё даже слёзы в глазах стояли!

— Все следили за ней, Кэр. У девушки хорошие данные. Уверен, она станет прекрасной актрисой. Она просто играла, и играла чертовски хорошо!

— Ну, не знаю, меня она полностью провела. Я понимала, что это не может быть правдой, и всё равно поверила ей. Наверное, ты сам написал для неё сценарий.

— Ну, я пришёл повидать её, — сказал я, — и сразу же расколол. Она плакала от отчаяния. Из-за того что она предала своего любовника, погибли четыре человека, включая Берзиньша, латышского патриота.

— И просто позитивно мыслящего человека.

— Кстати, да. Она чувствовала себя настоящей сучкой, и поэтому, когда я предложил ей попытаться исправить положение, с радостью согласилась, особенно когда я рассказал о том, что за тип этот Джонсон и что он сделал с Барбарой Крили. Мы придумали историю, и она отдала мне рубиновое колье, которое ей подарил Мейпс.

— И что, ты подкинул его в квартиру Джонсону?

— Ну да, после того, как оставил его лежать в тёмной аллее по уши в блевотине Сигрид.

— Не могу поверить, что она сделала это…

— О, эта женщина полна неожиданностей, — сказал я. — У неё острый ум, она сразу же проникает в суть вещей.

Topreading.ru

— Она что, тоже была посвящена в ваш с Марисоль заговор? Её выступление было не менее убедительным.

— Она ведь тоже в душе актриса, хотя и не ходит больше на прослушивания. Я её ничему не учил, просто рассказал в общих чертах, чего можно ожидать от этой встречи, и она показала себя замечательным импровизатором. Но она и в тот раз сделала всё прямо-таки артистически — опоила Джонсона, чтобы я мог обыскать его и узнать адрес квартиры этого подонка.

— Потому что тебе надо было к нему попасть. Я кивнул:

— Точно. Мне нужно было сделать две вещи: во-первых, спрятать куда-нибудь рубиновое колье так, чтобы он сам не обнаружил его в последующие несколько дней, но не слишком глубоко, чтобы потом его смогли найти копы.

— Да уж, время подошло быстро. Рэй зачитал ему права ещё до того, как успели остыть тела.

— Ну-ну, в этом я как раз не уверен. Может быть, тело Колби и успело остыть, но что-то говорит мне, что тело Блински изначально было приближено к комнатной температуре, ещё до того, как Мейпс вышел из себя и начал рассыпать по комнате свинец. Этот русский — самый холодный человек, которого я когда-либо видел.

— Но согласись, он неплохо выглядел в чёрном. А что ещё ты делал в квартире Джонсона?

— Искал школьное кольцо Барбары.

— И нашёл? И отдал ей?

— Да. Надо заметить, это произвело на неё большое впечатление.

— Ещё бы! Максайн! — Кэролайн указала на наши рюмки, и барменша кивнула. — Берн, выше нос, сейчас придёт подкрепление. У меня есть ещё вопросы.

— Валяй, спрашивай.

— Колби Риддл. Когда ты заподозрил, что он тоже имеет отношение к этому делу?

— Да практически с самого начала, — сказал я. — Раньше он никогда не звонил с просьбой оставить ему какую-либо книгу! Мне вообще редко звонят по поводу обычных книг, тем более что «Тайный агент» недавно переиздавался в мягкой обложке, и его легко можно было купить в любом магазине или заказать по Интернету. Правда, Колби и раньше казался мне странноватым, а я и без него сидел по уши в совпадениях, так что тогда не придал этому значения. Впервые я серьёзно задумался о его причастности к делу, когда оказался в офисе Мейпса.

— Ты пошёл туда полистать его ежедневник, чтобы выбрать оптимальное время для общего сбора.

— Ну и между делом поинтересоваться его архивом. Я искал Кукарова, конечно, но особенно не надеялся найти его под реальным именем. И вдруг наткнулся на папку с «делом» Колби. Ему действительно необходима была помощь — два года назад Мейпс удалил у него со щеки новообразование.

— Но ведь это тоже могло быть совпадением?

— Верно, однако мне почему-то показалось, что он замешан.

— Да, полагаю, что даже у мистера Случая не такие длинные руки. Спасибо, Макс! Берн, всё-таки мы сегодня не умрём от жажды!

Я отпил глоток виски, чтобы на деле удостовериться в этом.

— Берн? Давай суммируем то, что случилось, только без Уильяма Джонсона, про него я уже всё поняла. Но про остальное, со всеми этими снимками и кучей трупов — я не так уверена, что смогу всё объяснить.

Я немного подумал.

— Что ж, — сказал я, — давай попробуем разобраться. На самом деле было несколько вариантов произошедшего. Первый из них — тот, что я описал копам. Теперь он является официальным. Потом, есть ещё один вариант — тот, который знает Рэй. Затем ещё один, которого Рэй не знает, но который ещё ближе к правде. Ну и конечно, все те вещи, что я сделал для того, чтобы его осуществить.

— О… понятно.

— Ну и какой из них тебя интересует? Кэролайн широко улыбнулась и салютовала мне рюмкой:

— Все, Берн, все до единого.

— Тогда начнём. Ты уже знаешь, как Лайлы получили фотографии Кукарова: Марисоль рассказала о них своему кузену Карлису, тот записался на приём к Мейпсу и выкрал у него книгу. Он отдал её своему отцу, а тот — Лайлу.

— Поняла. Дальше.

— Наверное, Лайл проболтался о книге не тому, кому следует, а потом договорился о её продаже с Георгием Блински.

— Ты имеешь в виду «Принципы органической химии», том второй?

— Именно её. Ведь туда Мейпс вклеил фотографии. Лайл вынул снимки из книги Мейпса, однако сам способ хранения ему понравился, и он вклеил их в другую книгу, принадлежавшую владельцу квартиры, которую они с женой снимали.

— И эта книга называлась «Исход».

— Угу. Но когда я рассказывал об этом полиции, я упомянул, что Рэй нашёл книгу, но фотографий в ней не оказалось.

— Рэй и чёрной кошки на белом диване не найдёт, Берн!

— Но это же была официальная версия, забыла? Рэй нашёл книгу, однако снимков там не было.

— И кто же их взял?

— Хороший вопрос. Но сначала поговорим о грабежах и убийствах. Это сделали люди

Кваттроне, так что он, прямо или косвенно, за всё в ответе. Правда, «гипотетически», хе-хе. Копы не смогут предъявить ему обвинение, даже пытаться не будут, но они знают, что это сделали его ребята. Смерть привратника была несчастным случаем. Впрочем, это всё равно убийство, хотя, конечно, непреднамеренное.

— Ага, привратнику от этого стало гораздо легче.

— Короче, Кваттроне достался экземпляр «Принципов органической химии», в котором находились практически все снимки кроме кукаровских. Его интересовали только портреты близкого друга и учителя «Снежка» Маллейна, которые он уничтожил, но мне кажется, он избавится и от остальных, если уже не сделал этого. Конечно, они могли бы пригодиться профессиональному шантажисту, но Кваттроне не занимается подобными делами, да и другим не даёт. К тому же он понятия не имеет, кто все эти люди.

— И что случилось после того, как его люди ушли?

— Как я уже говорил, за ними появились Блински и компания — они опоздали, так что им не досталось ни книги, ни тех двадцати тысяч, которые они за неё выложили. Подручные Блински и застрелили Лайлов, но мне почему-то кажется, что они сделали бы это в любом случае. Георгий Блински не производил впечатления человека милого и приятного.

— Ну ладно, тогда я не буду переживать из-за того, что его убили. Так что насчёт фотографий Кукарова?

— А что насчёт их?

— Блин, Берни, я сама знаю, что с ними случилось. Они так и лежали в книге Леона Уриса, ждали, пока ты их найдёшь. Я знаю это, потому что ты сам мне об этом рассказал, а Рэй знает это, потому что был там. Но что думают об этом копы?

— Они думают, что снимки исчезли.

— Вот так просто взяли и исчезли? Растворились в воздухе, что ли?

— Ну, этого никто не знает, верно? Может быть, Блински на минуту отклеил скотч со рта Лайла и тот рассказал ему, где хранятся снимки?

— Ага, Блински забрал их, а книгу поставил на место?

— М-м-м, что, выглядит не слишком достоверно? Ну ладно, давай тогда попробуем такой вариант: сначала Лайл вклеил фотографии в книгу Уриса, но потом передумал и вытащил их оттуда. Он отдал снимки Блински в надежде, что тот сохранит ему жизнь.

— Это немного лучше, но всё же…

— Кэролайн, этого же всё равно не произошло, так какая разница, чёрт побери? Что ты придираешься к словам? Кто-то забрал эти снимки, но кто бы это ни был, сейчас их у него нет, так что зачем зря беспокоить копов?

— Да мне просто интересно, вот и всё. Я понимаю, о чём ты…

— Ладно, поехали дальше, к Колби Риддлу и Валдису Берзиньшу. Полагаю, что эту часть истории ты знаешь. Мейпс позвонил Колби, и тот согласился помочь, скорее всего за солидное

вознаграждение.

— За деньги?

— Ну а как ещё Мейпс мог его отблагодарить? Колби позвонил мне, чтобы отложить книгу, а затем велел Валдису забрать эту книгу у меня. Ну а тем временем за углом его поджидала машина, набитая русскими бандитами.

— А они откуда об этом узнали?

— Обо мне они узнали из газет, — сказал я. — А может быть, за Берзиньшем был установлен хвост. Пока мы с тобой обедали, он терпеливо ждал около магазина, так что у них тоже было время приготовиться. Любое из объяснений подойдёт, выбирай то, которое тебе больше по душе.

— О’кей.

— И вот Берзиньш зашёл ко мне в магазин, забрал книгу, заплатил за неё больше или меньше положенного, уж даже и не знаю, и вышел на улицу навстречу своей смерти.

— Да уж, смерть от десятков пуль, просто ужас, — заметила Кэр. — Это русские застрелили его?

— Точно.

— А затем выскочили из машины, чтобы забрать книгу.

— Точно.

— Но как тогда она попала на стол к Мейпсу?

— Довольно сложно ответить на этот вопрос, — сказал я, — поскольку все участники тех событий мертвы.

— Но ведь Мейпс-то жив!

— Он отказывается отвечать на вопросы. Впрочем, всем начхать, поскольку он застрелил двоих в комнате, полной свидетелей, включая полицию и членов местной мафии.

— Не забудь про двух юристов, — подхватила Кэролайн, — и барменшу, помимо прочих. Но ведь должно этому быть разумное объяснение!

— Тогда я голосую за русских, — сказал я. — Они страшные злодеи, сейчас ведут себя даже хуже, чем во времена холодной войны. Они застрелили Берзиньша, захватили книгу, а фотки у них уже были. Они вклеили фотки в «Тайного агента» и продали Мейпсу за огромные бабки.

— Получается глупость. Если у них уже были фотографии, зачем им убивать Берзиньша?

— Н-да, не складывается. М-м-м, давай попробуем другой вариант: Колби и Мейпс не знали о том, что фотографии находятся у русских, и тогда Блински застрелил Берзиньша, чтобы показать Мейпсу, откуда они у него взялись.

— Нет, Берни, этот вариант тоже не слишком подходит. Впрочем, и чёрт с ним, этого же всё равно не случилось? Давай вернёмся к Мейпсу. Зачем он притащил с собой книгу? Он должен

был знать, что фотографии находятся в ней, но когда он открыл её, то подскочил, как будто его ошпарили!

— Да, объяснить это было бы нелегко, — согласился я. — Ну, например, так: он планировал изъять из книги фотки, но почему-то забыл это сделать. А возможно, он блефовал… Не забудь, что фотографии были прикреплены скотчем намертво, он мог бы быстро пролистать книгу, и никто ничего не увидел бы. Он рискнул, но у него не получилось. Ну а на крайний случай он взял с собой револьвер.

— А может, Колби вклеил их в книгу и ничего не сказал Мейпсу.

Я кивнул:

— Ага, так даже лучше. Колби думал, что оказывает Мейпсу одолжение, а Мейпс расценил это как предательство, поэтому первая пуля досталась бедняге Риддли. Отлично, Кэролайн, спасибо! Теперь я буду придерживаться этого варианта, если копы полезут с расспросами. Впрочем, не думаю, что они полезут.

— То есть такая вот история, — подытожила Кэролайн. — Русские продали Мейпсу его книгу назад. За деньги из сейфа, так? А затем он потерял голову и грохнул их всех, когда понял, что его накрыли.

— Он и Марисоль бы грохнул за компанию, — сказал я, — если бы Уолли ценой вывиха колена не защитил девушку. Как хорошо, что он переключился на восточные единоборства! Марафон не очень помогает в закрытых помещениях.

— О, Уолли был просто великолепен! — Кэролайн подняла свою рюмку и отпила чуть не половину. — Так же как и всё, что ты мне тут наболтал. А теперь расскажи, как всё было на самом деле.

— Хорошо, — сказал я, — начнём с того, что фотки были у меня.

— Я знаю.

— Конечно, я получил их только после смерти Берзиньша. Это было в пятницу, а в воскресенье утром Рэй впустил меня в опечатанную квартиру Лайлов.

— Блин, я совсем забыла об этом.

— Колби, конечно, понятия не имел о Берзиньше. Я просто напускал дыма, когда говорил об этом. Но он знал Мейпса, и после того, как Мейпс позвонил ему, спрашивая, не знает ли он торговца книгами по имени Роденбарр, Колби захотел удостовериться, что магазин открыт. Он позвонил, а когда я подошёл к телефону, ему пришлось придумывать объяснение. И тогда, чтобы у него был предлог зайти ко мне позже, он попросил отложить книгу.

— Ему было известно, что у тебя есть эта книга, поскольку он не раз видел её на полке. Но если Колби не знал Берзиньша, почему Берзиньш спросил у тебя о книге?

— Он не спрашивал меня о книге.

Topreading.ru

— То есть как?

— Очень просто. Он считал, что я имею отношение к тому ограблению — хотя я даже понятия о нём не имел, — и попытался соединить позитивное сознание с дипломатическими приёмами. Он оставил документы в машине и пришёл ко мне, вооружённый лишь десятью тысячами долларов и невероятной уверенностью в себе. «По-моему, у вас есть кое-что для меня» — вот что он сказал. Если бы я выпучил глаза, ему пришлось бы объяснять мне всё в деталях, но я сразу же вручил ему книгу, как будто ждал этого момента.

— И он решил, что фотографии находятся внутри.

— А ты не решила бы?

— Ну, не знаю, наверное, я всё-таки заглянула бы внутрь, чтобы удостовериться.

— Даже если бы совершенно неожиданно купила за тысячу триста то, на что предполагала потратить десять штук?

— Н-да, в этом что-то есть.

— Ну а затем его продырявили, а книгу забрали.

— Но фоток-то там не было!

— Конечно нет! Но когда они увидели, как он выходит из магазина, они решили, что он забрал фотки — зачем ещё ему приходить ко мне? Поэтому они застрелили его и забрали то, что он нёс, а это оказался роман Джозефа Конрада, да ещё не новый.

— Так что книга попала к русским.

— Возможно.

— Что ещё за шутки? Почему это «возможно»?

— Думаю, что за рулём сидел русский, — подтвердил я, — а ещё один палил из автомата. Но мне также кажется, что в машине находился и третий человек, и этого человека звали Колби Риддл.

— Что??? В машине убийц?

— Да, так мне кажется. Он забрал книгу, пролистал её и сразу понял, в чём дело. Он отвёз её своему другу Мейпсу и, возможно, побеседовал с ним относительно проблем, которые им предстояло решить. «Вот возьми, — сказал он, наверное. — Что теперь с ней делать? Забирай, пусть лежит у тебя как сувенир».

— И Мейпс оставил её себе?

— Да, оставил на столе в кабинете, где я нашёл её в ту ночь, когда грабил сейф.

— А ты забрал у него книгу.

— В то время мне казалось, что я напрасно сделал это, — признался я. — У меня ум за разум уже заходил от всех этих совпадений. Я вообще не понимал, какое отношение ко всему этому

Topreading.ru

имеет моя книга? Берзиньш заплатил за неё сумасшедшие бабки, бандюганы пристукнули его за это, и вдруг я нахожу её в кабинете Мейпса!

— Вау! А Мейпс даже не заметил, что она исчезла?

— Ну откуда? Это же просто старая книга, в ней нет ничего ценного. Он оставил её не для того, чтобы читать. Наверное, бросил на стол и думать о ней забыл. А когда вспомнил, она снова лежала на его столе.

— Ну, знаешь, он мог бы заметить!

— Да, — сказал я. — Это, конечно, волновало меня, но не слишком. Потому что в понедельник ночью — точнее, рано утром во вторник — я снова съездил в Ривердейл и навестил Мейпса во второй раз.

— Снова через молочный люк?

— Ой, не напоминай мне о моём позоре! Впрочем, во второй раз всё прошло довольно гладко. Вероятно, мне просто не хватает тренировки. Я прихватил с собой книгу с уже приклеенными внутри фотографиями. Хотел просто оставить у него на столе, но передумал — а вдруг старине Мейпсу пришло бы на ум на досуге её полистать? Я поставил книгу на полку — в глаза её тёмный корешок не бросался, но найти было несложно. Конечно, фокус не удался бы, если б он к тому моменту обнаружил её пропажу. Но когда Мейпс вернулся из спальни с ребятами из налоговой — счастливый оттого, что денег не нашли, — я понял, что он ничего не заметил. Иначе он первым делом помчался бы к сейфу, чтобы удостовериться, всё ли там в порядке.

Кэролайн задала ещё несколько вопросов, я постарался ответить на них как можно честнее. Затем она обратила внимание ещё на один момент: Рэй знал о том, что фотографии находятся у меня. Как я собирался объяснить ему то, что они вдруг всплыли в книге на столе у Мейпса?

— Рэй — человек практичный, — сказал я. — Он не такой глупец, как ты считаешь. Просто он не любит шевелить мозгами без особой причины и думает только в случае крайней необходимости. Конечно, он знал, что снимки у меня, и, если бы он дал себе труд поразмышлять об этом, он конечно же сразу бы заинтересовался вопросом, как они попали на стол к Мейпсу и откуда я знал, что они там… и так далее. Но ему это неинтересно. Он хотел, чтобы я вытащил из шляпы кролика, и не собирался выяснять, как звали папу кролика или сколько я отдал за шляпу. Он предпочёл отметить тот факт, что я разоблачил негодяя, известного под именем «маньяк из Мюррей-Хилл», а также помог ему раскрыть тройное убийство, дело, которое у него отобрал отдел особо важных преступлений.

— То есть Рэй вышел из этой переделки победителем.

— Благоуханным, как роза.

— Гм! Я могла бы кое-что сказать по этому поводу, но воздержусь. И знаешь почему? Я рада за старину Рэя. Ведь мы с тобой тоже не пострадали, так?

— Да, старушка. Мой «неприкосновенный запас» пополнен, кое-что я положил в банк, а буквально вчера мне дали телефон слесаря, который готов соорудить мне тайник лучше прежнего!

— Не забудь, что сверх всего ты получил подружку.

— Удивительно, правда? Самое интересное, что я могу не волноваться, как она отреагирует, когда узнает, что я взломщик, поскольку я сам ей всё рассказал.

— Ну и как?

— Пока нормально. Рано или поздно у нас, конечно, начнут возникать из-за этого проблемы, и тогда отношения разладятся. Но пока всё в порядке.

— Я так рада за тебя, Берн! Она классная!

— Лейси тоже.

— О да! — Кэролайн счастливо вздохнула. — Нам обоим повезло. Неужели так бывает? Ящик в банке забит деньгами, и есть с кем их потратить — у меня теперь совершенно отпадная подружка!

— Полагаю, что СПС вам с ней не угрожает?

Кэролайн вспыхнула, что с ней нечасто случается. «СПС» означает «Синдром постельной смерти», явление довольно распространённое среди лесбийских пар, когда женщины живут вместе, но практически не имеют сексуальных отношений. Вообще-то гетеросексуальные пары испытывают те же трудности, только называют это иначе — женитьба.

— Марти и Марисоль могут вновь соединиться теперь, — сказала Кэролайн, быстро меняя тему разговора. — Но почему-то мне кажется, что они оставили эти отношения в прошлом. А ты что думаешь?

— Полагаю, оба готовы к переменам в жизни. К тому же они практически сразу нашли замену: как я слышал, Марисоль нынче весьма тесно общается с Уолли.

— Ну да, женщине сложно сказать «нет» человеку, который спас ей жизнь.

— Скорее этому человеку сложно расстаться с девушкой, которой он спас жизнь, особенно если она похожа на Марисоль. Слава богу, это новое увлечение излечило его от страсти к китаянке, так что теперь он не проводит целые дни в идиотском чайном домике.

— И то хорошо.

— И он по-прежнему занимается восточными единоборствами, что тоже неплохо. Правда, он начал изучать латышский.

— Зачем? Марисоль прекрасно говорит по-английски.

— Я знаю, — сказал я. — Уолли тоже. Но так уж он устроен. Извини мой латышский, но позавчера он пожелал мне *«Dauds laimis jaungada»*. Это означает «С Новым годом!».

— Правда? — Кэролайн широко раскрыла глаза. — А когда же латыши празднуют Новый год?

— Первого января, как ни странно, так что он поторопился на восемь месяцев.

— Или опоздал на четыре.

— Да какая разница — он прямо-таки светится от счастья. А Марти с Сигрид тоже, похоже, нашли друг друга. Он — женатик, старше её, как раз то, о чём девушка мечтала, а он получил

сногсшибательную блондинку, которую хотят все мужики.

— Не только мужики, Берн, я тоже… нет-нет, молчу, у меня и так с личной жизнью всё в порядке. А ты что, именно для этого пригласил их в Ривердейл? Чтобы перезнакомить?

— Ну, Сигрид мне была нужна в первую очередь для того, чтобы придать достоверность показаниям Марисоль. И ещё я решил, что Марти будет приятно видеть, как Говноед идёт ко дну. Но у меня действительно промелькнула мысль, что они вполне подходят друг другу.

— Какой счастливый конец, — сладко вздохнула Кэролайн, но тут же выпрямилась и наклонилась ко мне: — Берн, а что с фотографиями? Где они теперь?

— Ты же видела — приклеены скотчем в экземпляр «Тайного агента».

— Ну да, конечно видела. Но что с ними станет, когда полиция заберёт Мейпса и Джонсона в участок?

— О, это… Я… в общем, я забрал фотографии.

— Как это — забрал?

— Когда никто не видел, — сказал я. — Я их вырвал из книги. Иначе они пролежали бы ещё пятьдесят лет в полицейских архивах.

— Ты что, решил сохранить их на память?

— Нет, я уже отдал снимки.

— Кому? Нет, не говори, я сама догадалась. Тому малышу-крепышу из латвийского посольства?

— Да, Гризеку.

— Чтобы они смогли найти Чёрного Бича из города Рига?

— По крайней мере, пусть попробуют. У Бича инстинкт самосохранения на очень высоком уровне, но эти парни тоже не промах. Поживём-увидим.

— Ох-ох… — Кэролайн снова потянулась, сладко, как кошка. — Боже, посмотри который час! Похоже, мы не успеваем выпить ещё по рюмочке, а? Мы уже выпили по две.

— По три.

— Не может быть! Неужели по три?

— Боюсь, что да.

— Смешно, как быстро можно сбиться со счёта. Три. Ты понимаешь, что это означает?

— Нет, но уверен, ты мне сейчас объяснишь.

— Это означает, что мы выпили по две рюмки, — объявила Кэролайн. — А потом ещё по одной.

— И что?

— Сначала по две, потом по одной.

Topreading.ru

— По три.

— Не может быть! Неужели по три?

— Боюсь, что да.

— Смешно, как быстро можно сбиться со счёта. Три. Ты понимаешь, что это означает?

— Нет, но уверен, ты мне сейчас объяснишь.

— Это означает, что мы выпили по две рюмки, — объявила Кэролайн. — А потом ещё по одной.

— И что?

— Сначала по две, потом по одной.

— И что?

— Значит, во второй раз мы не допили, верно? Ты же знаешь мою теорию по поводу выпивки — одной рюмки просто не существует. — Кэролайн улыбнулась и поманила пальчиком барменшу: — Максайн, душечка, можно тебя попросить…

Лоуренс Блок Вор под кроватью

Редактор Е. ПУЧКОВА

Технический редактор Л. СИНИЦЫНА

Корректоры О. ЛЕВИНА, Н. СОКОЛОВА, Е. ТУМАНОВА

Вёрстка Т. КОРОВЕНКОВА

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» — обладатель товарного знака «Издательство Иностранка»

119334, Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге

196105, Санкт-Петербург, ул. Решетникова, д. 15

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

04073, Киев, Московский проспект, д. 6,2-й этаж

ЧП «Издательство „Махаон“»

61070, Харьков, ул. Ак. Проскуры, д. 1

Topreading.ru

Подписано в печать 16.01.2012.

Формат 84x108 1/32. Бумага офсетная.

Гарнитура OriginalGaramondC и MetaC Печать офсетная. Уел. печ. л. 25,2.

Тираж 2000 экз. F-OT-9152-01-R. Заказ № 4372.

Отпечатано в ОАО «Тульская типография»

300600, Тула, проспект Ленина, 109

УДК 821.111(73)-312.4 Блок ББК 84(7Сое)-44 Б70

Художественное оформление и макет Андрея Бондаренко

Блок Л. Б70

Лоуренс Блок Вор под кроватью: Роман /; Пер. с англ. А. Галль. — М.: Иностранка, Азбука-Аттикус, 2012. — 480 с. (The Best of Иностранка).

ISBN 978-5-389-03346-7

УДК 821.1 И (73)-312.4 Блок ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-03346-7

© 2004 by Lawrence Block

© А. Галль, перевод на русский язык, 2012

© А. Бондаренко, оформление, 2012

© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2012 Издательство «Иностранка»

LAWRENCE BLOCK The Burglar on the Prowl Bernie Rhodenbarr Mysteries

ЛОУРЕНС БЛОК Вор под кроватью Тайны Берни Роденбарра Роман

Перевод с английского Антонины Галль

Примечания

1

Topreading.ru

Рэгдейл — загородный дом Говарда Шоу, построенный в 1897 году, в котором сегодня располагается некоммерческий Фонд Рэгдейл, основанный внучкой Говарда Шоу Алисой Джадсон Хейес, и где для представителей творческих профессий созданы всевозможные студии и все условия для отдыха и работы.

2

См. роман «The Burglar who Traded Ted Williams» («Вор, который торговал Тедом Уильямсом»).

3

Адская Кухня (Hell’s Kitchen) — район Манхэттена, ныне известен большим количеством театров, модных ресторанов и роскошных многоквартирных домов.

4

С пяти до семи *(фр.)*.

5

Кольридж Сэмюэл Тейлор. Сказание о Старом Мореходе. Стихи приведены в переводе В. Левика.

6

Вест-Виллидж — западная часть района Гринвич-Виллидж (Greenwich Village, *англ.* village — деревня, посёлок).

7

«If I Said You Had A Beautiful Body Would You Hold It Against Me» — хит 1979 года кантри-дуэта «Беллами бразерс». Именно в связи с этой песней Давид Беллами обвинил в 2011 году Бритни Спирс в плагиате за её сингл «Hold It Against Me».

8

См. «Вор в библиотеке». *(Прим. авт.)*.

9

Topreading.ru

«Барнс и Ноубл» (Barnes & Noble) — крупнейшая в США книготорговая компания и один из мировых лидеров по обороту продаваемых книг и услуг через Интернет.

10

Кофе с молоком и круассан *(фр.)*.

11

Immaculata Conceptio — непорочное зачатие *(лат.)*.

Topreading.ru